ISSN 0131—0097

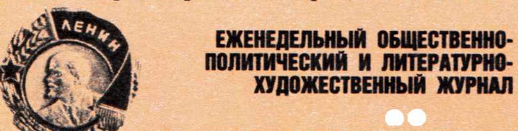
ОГОНЁК

№ 10 МАРТ 1990

СПАСИ И СОХРАНИ!

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ОГОНЁК

Учрежден 1 апреля 1923 года

№ 10 (3267)

ИЗДАТЕЛЬ — ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КПСС «ПРАВДА»

3 — 10 марта

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

Плакат Евгения КОЗАКА «Сумеем ли остановить исчезновение национальных меньшинств».

Оформление В. В. ВАНТРУСОВА при участии Г. Н. СИДОРОВОЙ

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА.
Цена подписки на год — 20 руб. 76 коп., на полгода — 10 руб. 38 коп., на квартал — 5 руб. 19 коп.

УСЛОВИЯ КОММЕРЧЕСКОГО ПРОКАТА, ПОДПИСКИ И ПРИОБРЕТЕНИЯ ВЫПУСКОВ «ОГОНЕК-ВИДЕО» ПО ТЕЛЕФОНУ 212-15-79.

Сдано в набор 12.02.90. Подписано к печати 27.02.90. А 09413. Формат 70×108⅛. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,00. Усл. кр.-отт. 17,50. Уч.-изд. л. 12,05. Тираж 4 600 000 экз. Заказ № 1870. Цена 40 копеек.

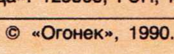
Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Телефоны редакции: Для справок: 212-22-69; Отделы: Публицистики — 250-46-90; Внутренней политики и оперативного анализа — 212-15-39; Литературы — 212-63-69 и искусства — 212-22-19; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Литературных приложений — 212-22-13, 212-23-07.

Телефакс (095) 943-00-70
Телетайп 112349 «Огонек»

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

...Столетье промчалось.
И снова,
Как в тот незапамятный год,
Коня на скаку остановит,
В горящую избу войдет.

Ей жить бы хотелось иначе,
Носить драгоценный наряд,
Но кони все скачут и скачут,
А избы горят и горят.

Н. КОРЖАВИН

Фото
Л. СУТКУСА,
Ю. СИНЯГИНА
и В. ФИЛИМОНОВА.

ВОЗВРАЩАЯСЬ К НАПЕЧАТАННОМУ

«ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ДИАГНОЗ»

Мы с интересом прочли в газетах «Советская Россия» и «Красная звезда» за 24 февраля 1990 г. распространенное по каналам ТАСС открытое письмо сотрудников УКГБ СССР по Ростовской области по поводу статьи Анатолия Головкова «Предварительный диагноз» в № 8 «Огонька» за 1990 г. Напоминаем, что столь живо осужденное выступление нашего журнала было направлено на выяснение вполне конкретных вопросов, связанных с принципиальным разговором о перестройке и гласности. Нас беспокоит, что информация о том, как идут эти процессы в КГБ, явно недостаточна. Если уйти от частностей, на которых мы строили свое выступление, к вопросам обобщенным, то надо бы обсудить и их. Ну, например, посылали или не посылали органы КГБ предупреждения о готовящихся страшных событиях из Сумгаита и Баку, из карабахских сел и таджикистанской столицы? Нам кажется, это входит в круг их служебных обязанностей. Если такие предупреждения правительству были посланы, но не приняты во внимание, это стоит вдумчивого обсуждения; если посланы не были — тоже есть о чем говорить. Нас продолжает интересовать, чем именно были заняты сотрудники Азербайджанского КГБ во время трехдневного бакинского погрома с убийствами? Кто из них вышел с обнаженным оружием, останавливая толпу мародеров? Семь десятилетий назад первые чекисты бывали способными на такие поступки...

Негоже государственную безопасность сводить к отлавливанию анекдотистов, а если государственная безопасность становится частью обновляющейся советской системы, то негоже и скрывать процесс обновления. Когда к «Огоньку» авторы письма пытаются пришлепнуть туманный от грязи ярлык о некоем представительстве сил, рвущихся к власти, то смеем заметить, мы считаем себя представителями народа; у нас более четырех с половиной миллионов подписчиков и тысячи корреспондентов. Это при нескольких десятках сотрудников. А у вас?

Оскорблять с легкостью, как это сделали авторы письма с их тезисом о «рвущихся к власти», можно, лишь привыкнув к безнаказанности. Вчера «враги народа», сегодня еще кто-то, и все это не на уровне защиты правды, а на уровне защиты себя. До тех пор, пока личная безопасность сотрудников любого из государственных учреждений будет для них выше безопасности государственной, нельзя быть спокойным за судьбу Отечества. Вот об этом нам и хотелось поговорить, от этого разговора, от конструктивности, авторы письма и пытаются скрыться в угрожающую бездоказательность ярлыков.

Не надо заводить в сферы секретности то, что подлежит гласному обсуждению. Ответственность обновляющегося КГБ, нам кажется, подразумевает меньше амбициозности, больше открытости во имя перестройки спасающегося от беды общества. Или, написав: «обновляющегося», мы кого-то обидели? Или вам хочется отождествить себя с укрывшимися в ведомственную безгрешность людьми, которых страшит гласность? Нам кажется, что партийные органы сегодня куда откровеннее ваших, стоит учиться у них, а не защищаться геральдическими щитами и мечами от попыток откровенного разговора.

Отдел внутренней политики

■

Бывало ли хоть где-нибудь раньше такое?.. Едва ли не все государственные службы — от охранительных органов до телевидения — десять дней кряду запугивали своих же сограждан, дабы не приняли они участия в официально санкционированном (!) митинге. В теле- и радиоэфире, по телефонным проводам, изустно повторялось тысячекратное: стянуты войска... освобождаются больничные койки для приема раненых... неизбежны беспрецедентные погромы... на улицы выйдет уголовщина... Высокопоставленные начальники объезжали заводы и учреждения, призывая всех и вся не выходить из дому в ужасный день — 25 февраля, забаррикадироваться, запастись продуктами... Столичное телевидение расщедрилось на небывалую викторину со столь же небывалыми призами... Когда-нибудь мы узнаем, в какую сумму обошелся нам, налогоплательщикам, страх аппарата перед собственным народом. Сотни тысяч рублей? Миллионы? Впрочем, не о деньгах речь. Речь о другом: чего добился аппарат за эти десять дней тотальной психической атаки?

О, он добился многого! «Я, собственно говоря, сначала не собирался идти на митинг, но после всей этой постыдной кампании дома остаться не мог...». С такими словами обращались ко мне десятки людей. Уверен, под этими словами подпишутся тысячи, сотни тысяч граждан страны, вышедших в минувшее воскресенье на улицы своих городов, доказав: от свободы нас уже не отпугнуть, демократию у нас уже не выкупить — ни сказочно изобильными (на день) прилавками, ни разыгрываемой по телевидению подпиской на Пикуля. Ничем.

На митинге 4 февраля было множество плакатов, и среди них — перечеркнутая крест-накрест цифра «6». Сегодня, когда та самая 6-я статья Конституции СССР доживает свои последние дни, вчерашний плакат стал, надеюсь, неактуальным, но где-то в глубине Зубовской площади, там, где были выстроены заградительные ряды многотонных грузовиков, где стояло многослойное оцепление в касках и бронежилетах, мелькнул другой плакат. Так же, крест-накрест, жирными мазками красной краски, было перечеркнуто черное слово — «Страх».

Страха не было.

Страха больше не будет.

А. ШАБАД,
член координационного совета Московского объединения избирателей

■

Начавшаяся кампания создания рабочих отрядов содействия милиции (РОСМ), которую бодро подхватили средства массовой информации, вынудила меня взяться за перо.

Неужели в нашем государстве нет трезвомыслящих людей, которые остановили бы это безумство, пустую трату миллионов народных денег? Цифры уже достигнутых необыкновенных успехов РОСМ могут ввести в заблуждение разве что дилетантов.

Почему мы не призываем наших сограждан начать делать телевизоры, стиральные машины, кто как может и где может, ведь нам явно не хватает этих товаров. Мы даже не призываем всех самостоятельно шить для себя одежду и обувь, понимая, что для этого нужен профессионализм. Почему же мы так упрощаем борьбу с преступностью, тем более с профессиональной?

Я 10 лет проработал следователем в органах прокуратуры и МВД и не понаслышке представляю все проблемы и трудности борьбы с преступностью. Успех следователя требует кропотливого труда и высочайшего профессионализма, который не достигается за неделю, месяц или даже год. Что может сделать новичок с боксером-профессионалом? И даже очень хороший слесарь, фрезеровщик, токарь беспомощен в борьбе с профессиональной преступностью. Разве не разумнее обеспечить толковых, трудолюбивых, честных, образованных специалистов прокуратуры и МВД соответствующей их трудовому вкладу заработной платой, жильем, транспортом, техническими средствами? Тысячи лучших работников ушли и уходят из прокуратуры и МВД из-за отсутствия элементарных условий труда, отдыха, жизни. А мы опять уповаем на аврал: давайте навалимся всем миром, и все будет прекрасно. Ничего этого не будет, дорогие товарищи! Ретивые чиновники просто изображают видимость борьбы с преступностью, проявляя свою беспомощность и некомпетентность, и обманывают в который раз свой народ. Неужели мы так и не научимся извлекать уроки из нашего прошлого?

В. ЮДИНЦЕВ
Уфа

■

Меня поразило своей простотой и ясностью определение социализма, данное в статье Альберта Эйнштейна более 40 лет назад. В свободном пересказе оно звучит так: социализм — это первая в мире общественно-экономическая формация, в которой отсутствует «грабительская фаза». Мне моментально стало ясно, что социализма как такового ни у нас в стране и нигде в мире еще не было и нет.

Несчастного производителя материальных благ, живущего на одну зарплату, до сих пор грабят все, кто не может или не хочет эти блага производить. Одни это делают официально, законным путем, другие используют все остальные способы. Идеальная государственная машина должна существовать только на средства, взимаемые в виде подоходного налога с каждого члена общества. Если подоходные налоги велики, значит, государственная машина плоха, неумна, и наоборот. Налоговые мероприятия нашей государственной машины красноречиво говорят о качестве ее работы. Эти мероприятия не увеличивают количество социализма в нашей стране, а, напротив, усиливают эту самую «грабительскую фазу». Зато это количество социализма резко увеличено для работников государственной машины. Состоялся акт очередного переливания средств из карманов тружеников в карманы сотрудников государственного аппарата. И соответственно многие труженики по итогам 1989 года либо совсем не получили, либо получили в урезанном виде тринадцатую зарплату и премию за выслугу лет, благо «законное» основание для этого подготовлено заранее.

Под углом зрения эйнштейновского взгляда на социализм рискую предложить такое его определение: социализм — это общественно-экономическая формация, в которой, в условиях юридической независимости, материальная зависимость личности от общества определяется только величиной подоходного налога.

Появляется интересная возможность количественно оценивать степень «социалистичности» общества, хотя понятно, что это очень условно. В таком случае становится очевидным, что при коммунизме общество и личность должны быть материально и юридически независимы. Связующими нитями останутся этика, нравственность, духовность.

Пока же очевидно, что в коммунизм первыми войдут работники государственного аппарата, высший эшелон которого уже давно можно считать живущим в коммунизме. Вот только армия простых тружеников дергает их за фалды и не дает спокойно жить. А с этикой, нравственностью и духовностью у нашего аппарата все в порядке.

А. ШВАЧКО,
инженер
Химки Московской обл.

■

В декабре прошлого года в рубрике «Задавайте вопросы» «Комсомольская правда» писала, что наши Вооруженные Силы в скором времени облачатся в новую форму одежды. Об этом же сообщила и программа «Время» в информационном выпуске о Всеармейском собрании офицеров, в ходе которого демонстрировались новые образцы военного обмундирования.

Я человек сугубо военный, в Вооруженных Силах СССР прослужил ни много ни мало 30 лет. Рассказывать подробно, какие за эти годы пришлось пережить трудности и лишения, не так-то просто. Как, впрочем, не просто вспомнить, в каком году, какого цвета и покроя носил ту или иную форму одежды, потому что почти каждый приход к власти нового лидера ознаменовывался введением в армии новой формы или частичным ее изменением. Основной причиной этого, по-видимому, было желание поправить пошатнувшееся «здоровье», вернее, подтянуть боевой и моральный дух армии.

Я никогда раньше не задумывался, а во что обходится государству это «переодевание» и повышается ли от этого уровень боеготовности армии и флота. Потому что в вопросы экономики страны, в ее проблемы нас, офицеров, не говоря уже о солдатах и сержантах, никто никогда не посвящал. Мы всегда были твердо уверены в своем правительстве, партии, народе, которых защищали. Наше высокое соцсознание было долгое время загипнотизировано тривиальными восхвалениями превосходства нашего социалистического строя перед «загнивающим капитализмом».

КТО ДОЛЖЕН БОРОТЬСЯ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ? ●
ЧТО ЧИТАЮТ В БОЛГАРИИ ●
ПЛАТА ЗА ГЛАСНОСТЬ ●

От начавшегося в стране разоружения, переориентации оборонной промышленности на мирное производство, а также от распродажи «излишков» военной техники, снаряжения и оборудования люди ожидали некоторого оздоровления в госбюджете страны. Но тут как гром с ясного неба нежданно-негаданно: армия переодевается! В то самое время, когда вся страна буквально задыхается от глубокого экономического кризиса. А не лучше ли было прежде подумать о мудрой народной поговорке: по одежке протягивай ножки, что означает: живи соразмерно средствам, доходам.

В. ГЛУШКОВ,
майор в отставке
Днепропетровск

■

Недавно по Центральному телевидению показали семью священника. Ведущая программы с умилением представляла телезрителям быт и образ жизни многодетной семьи советского верующего. Рефреном через всю передачу проходила мысль, что и семье рядового служащего церкви не чужды обычные земные заботы, что родители и дети живут обычной жизнью советских людей, их тоже угнетают неукладность, та же нужда, рожденная застоем во всей нашей общественно-экономической сфере.

Однако, возможно, совсем мало людей обратило внимание на тот факт, каким огромным налогом облагается заработная плата священника государством, что вся семья, состоящая из восьми человек, еле сводит концы с концами, хотя внутреннее достоинство не позволило самому священнику, главе семейства, прямо в этом признаться телезрителям. Что же получается? За свою веру один гражданин должен платить государству больше, чем другой соотечественник, который исповедует официально принятую систему взглядов?

Складывается впечатление, что наше государство и теперь, в годы перестройки, когда вся страна хочет построить настоящее цивилизованное общество, никоим образом не открыло бы зеленый свет верующим в стране, если бы это не было фантастически выгодно бюрократической казне.

Г. АЛИЕВ
с. Ингиши Гумбетовского р-на
ДАССР

■

В годы сталинского геноцида наш Дальний Восток стал огромным концлагерем, где томились, мучились и умирали сотни тысяч безвинных людей всех национальностей, из всех регионов страны.

В тюрьмах Дальнего Востока безвинно расстреляно около 30 тысяч, а сколько погибло в лагерях, никто не считал... Многие из них по зову сердца приехали на Дальний Восток возводить форпост на окраине России, а вместо благодарности их останки лежат в безвестных могилах...

1 октября 1989 года на месте одного из рвов, где лежат жертвы геноцида, поставлен памятный знак.

На многотысячном митинге принято решение: во имя справедливости, во имя памяти о жертвах беззакония, на народные пожертвования будет поставлена в лето 1990-е часовня.

После того как по программе «Время» был показан митинг, со всех концов Советского Союза к нам приезжают близкие погибших поклониться братской могиле, возложить цветы...

В письмах задают вопрос: «Куда можно перечислить пожертвования на строительство часовни?»

Сообщаем номер нашего счета: 2700428 в операционном отделении Жилсоцбанка г. Хабаровска, «Мемориал», на строительство часовни.

В. КУЛИКОВ,
председатель правления
Хабаровского
историко-просветительского
общества «Мемориал»

■

Оценивая сложившуюся ситуацию в массовых библиотеках, следует отметить, что изначальная цель любого коллектива при книжном собрании — помощь в выборе книг — как-то затерялась среди других целей и даже не входит на деле в разряд главных. Смещение целей — прямой результат тотальной идеологизации библиотек, поэтому их главной задачей, согласно «Положению о библиотечном деле в СССР» (1984 года), стала «пропаганда марксизма-ленинизма, политики и истории Коммунистической партии Советского Союза и Советского государства, преимуществ социалистического строя и советского образа жизни». По сути дела, в этой дефиниции определена основная деятельность библиотек за последние 60 лет. Общечеловеческие ценности, сконцентрированные в книжных собраниях, являются достоянием человечества, но, с вполне оправданной точки зрения аппарата, большое знание может трансформироваться и в большую оппозиционную силу, поэтому библиотечное дело было введено в строго очерченное русло с известной дозировкой информации.

Вопреки предложенной модели перестройки, когда она началась сверху, в библиотечном деле просматривается обратная тенденция. Библиотекари, оправившись от идеологического пресса, приходят в движение, выдвигая требования о немедленной организации съезда. Думается, главным предметом рассмотрения на съезде должны стать следующие вопросы: организация системы прямых выборов в основные управленческие звенья, превращение имеющихся органов профессиональной печати в подлинно независимые, обсуждение проекта «Положения о библиотечном деле в СССР», выход с предложением к правительству о предоставлении стабильного процента от национального дохода на культуру и, следовательно, на библиотеки, приведение средней заработной платы библиотекарей в соответствие с общепринятыми пропорциями в оплате труда различных профессиональных групп, компьютеризация и автоматизация библиотек, частичная децентрализация управления, строительство библиотек с учетом специфики библиотечного труда.

Можно, конечно, как предлагает один из авторов вашей рубрики, объявить конкурс на лучший проект реконструкции Ленинки, учредить фонд ГБЛ, но ведь лечить надо не отдельную или отдельные библиотеки, а все библиотечное дело.

С. ПОРОШИН,
кандидат пед. наук, зам. декана
библиотечного факультета ЛГИК
имени Н. К. Крупской
Ленинград

■

Ассоциация «Связь» НРБ (в Болгарии нет соответствующего министерства) опубликовала данные о количестве советских газет и журналов, которые будут поступать в страну в 1990 году. Думаю, эти цифры не только интересные, но и показательные.

По стародавней традиции лидирует «Правда», у которой 152 000 подписчиков и 7100 экземпляров будут распространяться через киоски. За ней следуют «Московские новости» — 141 108 (5792), «Огонек» — 76 978 (13 174), «Литературная газета» — 36 100 (6000), «Аргументы и факты» — 34 218 (2582) и т. д. Среди «толстых» журналов вне конкуренции «Новый мир» — 10 200 (1100). У «Нашего современника» 1269 подписчиков и... 0 экземпляров для розничной продажи. Орган Союза болгарских журналистов — еженедельник «Поглед» комментирует эту «баранку» как «отсутствие интереса» со стороны читателей.

Остается добавить, что феноменального успеха добились «Аргументы и факты», которые до этого в НРБ не распространялись, а подписка на еженедельник не проводилась. Наводит на размышления и факт, что розничная продажа запросила «Огонька» почти в два раза больше, чем «Правды». И еще. В 1989 году некоторые номера «Огонька», как, впрочем, и «Московских новостей», почему-то не доходили до подписчиков. Говорят, что после ухода с политической сцены Тодора Живкова это «почему-то» едва ли повторится.

Л. КОКУШКИН
София, НРБ

■

Какого секретаря райкома, каким трактором (теперь!) стащишь с его административного кресла, если оно стало оцениваться почти в 600 рублей, первого секретаря райкома комсомола — 290—320, секретаря шахтного комитета комсомола — 70 процентов от оклада директора шахты. А должность, например, зав. отделом облисполкома — 500—580 рублей и т. д.

Из каких же денег произошло повышение материального благосостояния аппаратчиков? Партийных — за счет наших партвзносов и сокращений? Положим. А остальных? За счет сокращения штатов? Но, если память не изменяет, когда речь шла о сокращении управленческих единиц в масштабе страны, за что, кстати, ратовали и шахтеры-забастовщики, имелось в виду, что сэкономленные средства пойдут на социальные нужды народа.

Что касается нас, работников телевидения и радио (областных комитетов), то выяснилось: так называемому АУПу — административно-управленческому аппарату — заработная плата в среднем повышается вдвое. По какому принципу? Почему такое предпочтение именно этой и только этой категории работников? Естественно возникает вопрос: в каком колхозе пахарь получает меньше учетчика? Оказывается, к сожалению, в нашем радиотелевизионном колхозе. Оклады «ауповцев» телерадиокомитета на первое января с. г. выглядят так: главбух — 430 рублей, ведущий экономист — 330, ведущий бухгалтер — 300, бухгалтер второй категории (кассир) — 230, второй бухгалтер второй категории — 220, ст. инспектор отдела кадров — 200...

И опять же сравним оклады «пахарей»: редактор — 130—140 рублей, ст. редактор — 145—155, гл. редактор (ТВ и радио) — 215, режиссеры (по категориям) — 140—160—190 (высшая — 220), ассистенты режиссеров — 90—110—120, администраторы — 100, звукорежиссеры, художники — 120—140—160, дикторы — 130—140—170 (высшая категория — 190), телеоператоры — 130—150—190 (высшая — 200), кинооператоры — 150—180, их ассистенты — 100—120, машинистки — 100—115—120, зав. отделом (сектор выпуска) — 170, выпускающий — 140, телетайпистка (телеграфистка) — 100. Комментарии, как говорится, излишни.

Мы ничего не имеем против конкретных лиц и повышения их должностных окладов. Они наши сотрудники, наши товарищи и друзья. Просто повезло людям. И нам бы только радоваться. Но радости нет, поскольку нарушен принцип справедливости вообще и принцип справедливого распределения материальных благ по труду в частности...

Почему же материальная перестройка в партийно-комсомольско-советско-профсоюзном аппарате государства обошла многочисленную армию работников системы Гостелерадио СССР, долго и терпеливо ожидающих правительственного милосердия? Сколько же ожидать еще? На что надеяться? А если иметь в виду масштабность происшедшего, то считаем, что за всем этим кроется хорошо продуманная кем-то идеологическая диверсия, мощная мина замедленного действия, уже заложенная под благие идеи перестройки и ее зачинателей.

В. ЮРЕЧКО, В. СТЕБЛИНЕНКО,
В. КОХНО, главные редакторы
Донецкого телерадиокомитета;
Г. ХЛЕБНИКОВ, главный режиссер;
В. ДЕМЧЕНКО,
зам. секретаря партбюро;
Е. ГАВРИЛЕНКО,
секретарь комсомольского бюро;
В. ВОЛЧЕК,
председатель профкома —
всего 85 подписей

ОТ РЕДАКЦИИ.

Публикуя это письмо, мы хотели бы еще раз привлечь внимание инстанций к бедственному положению журналистов. В том числе и «Огонька». Наши неоднократные обращения в вышестоящие организации (издательство «Правда», ЦК КПСС) не принесли никаких результатов. Журнал, дающий несколько десятков миллионов рублей прибыли, не может обеспечить своим сотрудникам нормальное существование.

Мнение выступающих под рубрикой «Свободная трибуна» может не совпадать с точкой зрения «Огонька»

ЗА ЧТО ГОЛОСУЕТ РОССИЯ

Гавриил ПОПОВ,
народный депутат СССР,
главный редактор журнала «Вопросы экономики»

На выборах 4 марта избиратель Российской Федерации получит, например, в Москве несколько бюллетеней со списками кандидатов: по национально-территориальному округу, по территориальному округу России, по городскому округу и по своему районному округу. В каждом бюллетене, чтобы он был признан действительным, надо оставить одну фамилию, а остальные вычеркнуть. Если ни один кандидат не подходит, можно вычеркнуть всех — бюллетень тоже будет действителен, и этот прием в ряде округов России (особенно тех, где иные столь страстно хотят сохранить кресла руководителей перестройки, что постарались остаться в бюллетене в одиночестве) избирателям применять придется.

А вот когда этих кандидатов много, для оценки кандидатов в каждом из бюллетеней у избирателя есть два способа.

Первый, уже известный ему по прошлым выборам,— оценка лично кандидата и его программы. На выборах народных депутатов СССР, когда кандидатами были, как правило, известные люди, этот подход был достаточен. Но на нынешних выборах нередко возникает ситуация, когда многие избиратели кандидатов не знают; в их программах, занимающих одну страницу, не всегда можно усмотреть различия.

А российский избирательный закон постарался усложнить выборы тем, что на всю предвыборную агитацию выделен был один месяц, и за три недели до выборов даже в Москве еще не везде были вывешены списки кандидатов. Этот же закон, вводя исключительно жесткий критерий минимума числа жителей, которые могут выдвигать кандидата (не менее трехсот жителей при выдвижении кандидатов в депутаты от РСФСР), в то же время разрешил любой организации, даже состоящей из двух десятков человек, выдвигать кандидатов. Последнее обстоятельство и создало, на мой взгляд, излишнее изобилие кандидатов.

К счастью, наша демократия на этих выборах сделала новый шаг вперед. К многочисленным личным программам кандидатов избиратель России может применить общий разделительный критерий. Этот индикатор — отношение кандидата к трем платформам: к платформе ЦК КПСС и поддерживающих ее общественных организаций, к обращению «Демократическая Россия» и, наконец, к платформе общественно-патриотического блока.

1. Национально-государственные платформы

Впервые консерваторы публично отмежевались от платформы КПСС и изложили свои подходы к перестройке. Более десятка организаций РСФСР образовали блок общественно-патриотических движений и выступили с предвыборной платформой «За политику народного согласия и российского возрождения». Наиболее емко выразил суть платформы русских консерваторов поэт С. Куняев в интервью газете «Вологодский комсомолец» еще 12 апреля 1989 года, назвав своих единомышленников сторонниками «национально-государственной идеи».

В этой платформе имеется ряд предложений, под которыми я бы подписался. Например, почти весь комплекс мер в области экологии. Или в части защиты памятников русской культуры — я тоже в 1987 году перевел деньги присужденной мне Ломоносовской премии на восстановление поразившего когда-то меня Соловецкого монастыря. Пройдя в отпусках сотни километров на весельной лодке по Волге, я одобряю и деятельность «Общественного комитета спасения Волги».

Но есть в этой платформе и предложения, вызывающие недоумение или возражения. Как экономист, я вижу явную нестыковку тезиса «законным путем изъять у теневой экономики миллиарды рублей» и предложенным авторами платформы вариантом денежной реформы. При этом варианте никаких денег — не только миллиарда, но и одного рубля — в пользу народа не изымается. Этот вариант означает уничтожение у дельцов денег, которые нельзя обменять. А весь опыт революции 1917 года хорошо показал, чем отличается *уничтожение* имущества от *возврата* его народу.

Как экономист, я не понял, что значит фигурирующая в платформе «хозрасчетная цена». Ведь до сих пор в экономике было две цены: подлинная, цена свободного рынка, и волевая цена бюрократии, устанавливаемая государством.

Такого рода перлов в платформе более чем достаточно не только в сфере экономики. Восхищает наивная уверенность в том, что союзные республики обязательно захотят разместить правительство СССР именно в России, и заранее начат торг за размещение этого правительства. Точно так же восхищает уверенность, что число ведомств в этом правительстве и в будущем будет так велико, что на их размещении можно будет серьезно заработать.

Но все же надо говорить не обо всех этих приемлемых и неприемлемых, справедливых или смешных частностях, а о главных идеях платформы. Я бы выделил несколько таких главных идей.

Может ли стать свободным крестьянин без свободного рынка? В платформе консерваторов сказано немало хороших слов в защиту русского крестьянства. Но весь опыт военного коммунизма и посленэповского антикрестьянского террора показал, что само по себе наличие у крестьянских семей земли еще не создает свободы. Если крестьянин не будет иметь права свободно торговать на свободном рынке по устанавливающимся там в ходе конкуренции ценам, то никакого «свободолюбивого российского крестьянства» не будет. А будет традиционный российский крепостной — помещичий ли, государственный ли, удельный или колхозный. Он будет в полной зависимости от тех российских бюрократов, которые, естественно, «во имя общенародных интересов» будут диктовать ему, что и когда сеять, кому и за сколько «продавать». Поэтому «крестьянский вопрос» в платформе «национал-государственников» решен глубоко противоречиво. Предложено нечто, не вписывающееся в общую схему. А какова общая схема?

Может ли быть «не государственной» общественная собственность?

В платформе торжественно провозглашается верность «общественной собственности» и разоблачаются ее коварные убийцы, сторонники плюрализма всех видов собственности.

Как человек, изучавший марксизм, я был уверен, что ничьи козни не могут изменить объективность отношений собственности. Напротив, они сами все определяют. А зависят они не от людей, а от уровня производительных сил. Если какая-то форма собственности не соответствует, производство или просто хиреет, или проигрывает в соревновании с другими видами собственности. С этой точки зрения наши экономические беды я связываю прежде всего со всеобщим огосударствлением на базе государственной собственности. А авторы платформы не видят элементарной связи между беззаветной готовностью насильно навязать общественную собственность и горячим осуждением уничтожения русского крестьянства, осуществленного ради победы этой самой общественной собственности.

Авторы платформы стыдливо уходят от государственной собственности, несмотря на свои «национально-государственные идеи». В платформе речь идет об «общественной» собственности. Возникает вопрос: или наши «национал-государственники» нашли для России какой-то вариант негосударственной организации общества — и тогда тезис об общественной собственности логичен. Но если государство останется главной формой организации российского общества, то собственность общества окажется в руках государства. И все присущее государственной собственности и досконально изученное на себе каждым из нас, испытываемое ежедневно и ежечасно — в магазине и в автобусе, в аптеке и в прачечной, и библиотеке и на стадионе — сохранится в целостности, И «теневая экономика» не исчезнет, раз граждане и впредь будут видеть в ней не только преступника, но и своего рода спасителя от «забот», а точнее, от безразличия родного государства. И «чистка» управленческого аппарата от коррупции, конечно, позволит кого-то из нынешних бюрократов прогнать, освободив кресла для «национал-государственников», но в целом ничего не устранит, так как коррупция заложена в самой системе государственной собственности, когда кто-то получает абсолютное право распоряжаться чем-то очень соблазнительным, но ему не принадлежащим. Одним словом, общественная собственность не может быть ничем иным, чем собственностью государства со всеми известными нам следствиями.

Может ли быть свободной православная церковь при партийной монополии?

В платформе много слов о демократии и о свободе. К примеру, православной церкви обещано право юридического лица. Опять-таки, как экономист, я знаю, что право юридического лица в прошлом не спасало ни завод, ни колхоз от диктата райкома. Поэтому главный вопрос перестройки политического механизма — вопрос о преодолении монополии одной партии (точнее, аппарата этой партии) на власть.

В этом главном вопросе ответ наших «национал-государственников» четок: партию нужно сохранить в виде монополиста. Правда, воссоздав Российскую коммунистическую партию, обновленную (видимо, за счет выдвижения на посты в ней все тех же национал-государственников),— «ленинскую РКП».

Наше общество давно в своем большинстве этот вопрос решило. Сколько ни пиши с заглавных букв Православная Церковь — и ей, и другим церквам, и всем общественным организациям предопределена роль послушных «приводных религий» в механизме партии-монополиста.

И никакого иного развития «русской истории и культуры», кроме нужного для власти партии, в та-

кой системе быть не может. Иван Грозный окажется опять только великим государем, а великая русская демократическая республика Новгород — врагом усиления русского государства. И из биографии А. В. Суворова вновь исчезнут подвиги этого славного представителя «доблестного офицерского корпуса» при беспощадном подавлении и восставших под руководством Пугачева русских, и восставших за свою независимость поляков. И вместо русской культуры останется только угодная партии и потому искаженная версия этой культуры.

И никакого возрождения нравственности, столь пышно декларируемого авторами платформы, не произойдет. Ибо для партийной монополии нравственно только то, что служит ее делу.

Пожалуй, ничто так полно не раскрывает антирусскую суть «национально-государственных» идей, как их отношение к монополии партии на власть. Не появится подлинный русский патриотизм у тех, кто привержен монополии «общественной» собственности и монополии одной партии.

Дойдут ли руки у правительства России до забот о русском народе?

Казалось бы, сама суть «национально-государственной» идеи — забота о русских. Слов по этому поводу сказано достаточно. Но возникает вопрос о том, как быть с теми десятками миллионов нерусских, которые ныне входят в РСФСР?

На него платформа отвечает ясно: единая и неделимая Российская империя должна сохраниться. Более того, если какие-то республики будут выходить из Союза ССР, надо попробовать у них еще кое-что урвать из «исконных земель».

По форме это вроде бы забота о России. Но российская демократия еще в прошлом веке распознала, что стремление удержать в России другие народы и их земли превращало русский народ в жандарма других народов и в бесправного холопа российских бюрократов.

Женщины Краснодара, протестуя против мобилизации своих детей-резервистов в Азербайджан, подняли лозунг: «Россия — не жандарм». Но ведь если завтра получат экономическую самостоятельность Татария и Удмуртия, Башкирия и Чувашия — у них тоже могут возникнуть те или иные проблемы во взаимоотношениях друг с другом. И нетрудно понять, что есть всего два пути. Или предоставить право народам этих республик выйти из РСФСР, стать самостоятельными союзными республиками и самим решать все свои проблемы. Или же парламент и правительство РСФСР должны будут решать проблемы каждого из этих народов в Москве — и тогда у этого российского правительства руки до проблем русского народа никогда не дойдут и оно за счет русского народа и руками его ребят будет обеспечивать свою власть и свои решения. И здесь «национал-государственники» цепляются за путь, ничего хорошего русскому народу не сулящий.

И в их платформе не могли не появиться заботы о «современной народной армии, доблестном офицерском корпусе, сильных и авторитетных правоохранительных органах». Действительно, в экономически процветающем государстве русского народа можно обойтись небольшой, хорошо вооруженной и хорошо оплачиваемой профессиональной армией, а молодых ребят обучить за шесть месяцев военному делу в специальных центрах при местных Советах. А вот России «национал-государственной» без «сильных» правоохранительных органов и армии, защищенных от «оскорблений» со стороны «средств массовой информации и циничных политиков», разумеется, не обойтись. Кто же защитит целостность такой РСФСР?

Матери России, у которых в основном осталось по одному сыну в семье, должны знать планы наших «национал-государственников» и по достоинству оценить их стремление заставить русскую молодежь своей грудью защищать авторитет правоохранительных органов.

Подводя итоги, можно сказать: перед нами вариант административно-командной системы, которую теряющий позиции аппарат казарменного социализма решил спасти, сделав упор на русскую национально-государственную идею и рассчитывая использовать более чем объяснимые справедливые обиды русского народа, сильнее всего пострадавшего от строительства социализма в отдельно взятой стране, для спасения именно того, что как раз и является глубинной основой всех бед русского народа. Отличие от сталинизма только в том, что здесь граница системы задана пока что пределами РСФСР. У русского народа, интеллигенцию которого буквально вырезали или выгнали из страны в двадцатые — тридцатые годы, не нашлось сил, чтобы понять, что за призывами Сталина к экономически мощной и независимой державе стоит стремление сохранить себя и аппарат своей партии в качестве вождей русского народа, обеспечить себе посты и привилегии, а народу оставить перспективу тяжелого труда и гибели в войнах. Но сегодня на дворе иные времена.

Наш избиратель давно научился автоматически вычеркивать из избирательных бюллетеней любых представителей административной системы. И действуя так, как правило, не ошибаться. И на нынешних выборах этот метод по-прежнему актуален. Хотя программы представителей аппарата переполнены справедливыми лозунгами, но уходят от ответа, почему за пять лет перестройки не достигнут перелом. Но 4 марта избирателям надо по достоинству оценить и кандидатов «национально-государственной идеи», какими бы патриотическими призывами ни прикрывались их попытки сохранить строй с монополией государства на собственность и с монополией одной партии на власть.

2. Платформа ЦК КПСС

На российских выборах представители партийного и советского аппарата и их сторонники тоже выступают на базе своей платформы «К гуманному, демократическому социализму». Хотя ее утвердил февральский (1990 года) Пленум ЦК КПСС, ее почему-то назвали «проект». Проект она только для XXVIII съезда КПСС, а для ЦК это уже принятый документ.

Поэтому избиратели имеют теперь возможность задать прямой вопрос любому кандидату в депутаты от аппарата — секретарям райкомов, горкомов и обкомов, председателям исполкомов и всем другим руководителям,— поддерживают ли они платформу Центрального Комитета. Избиратели, далее, могут сравнить платформу ЦК КПСС с близкими между собой тремя платформами: межрегиональной группы, «Демократической России» и «Демократической платформы в КПСС». Я тоже сравнивал и хотел бы обратить внимание читателя на то, в чем, на мой взгляд, главные различия проекта ЦК с упомянутыми тремя.

Как окончательно преодолеть монополизм государственной собственности? Основа бюрократического социализма — всеобщее огосударствление. Готов ли проект ЦК полностью его преодолеть? Посмотрим.

В проекте принцип плюрализма всех видов собственности не доведен до частной собственности. Вместо нее фигурирует трудовая индивидуальная собственность.

Возникает неизбежный вопрос: не будет ли над собственностью граждан вечно висеть опасность «раскулачивания»? Почему надо отходить от категории, признанной всей цивилизацией и четко определенной во всех социалистических теориях? Не для того ли, чтобы кто-то когда-то, ссылаясь на отсутствие частной собственности, снова попытался крушить садовые домики, толщина стен которых бюрократам показалась чрезмерной, или мешать родителям свободно передавать свои квартиры детям?

Проект ЦК, видимо, не преодолел традиционный ужас марксистов перед частной собственностью как орудием возможной наживы. Проект так и не поднялся до того достижения общечеловеческого развития XX века, что только частная собственность — пусть занимающая в обществе 10—15 процентов — выступает как самая реальная гарантия и свободы человека, и всех его прав. Я могу всю жизнь работать в государственной организации, но я должен знать, что я не крепостной государства, привязанный к выданной им трудовой книжке и окошку государственной кассы. Если у гражданина будет уверенность, что он сможет жить в обществе совершенно независимо от государства, то такое государство никогда не сможет быть тоталитарным и такой гражданин никогда не будет винтиком.

Позиция проекта ЦК в отношении частной собственности говорит о его колебаниях, непоследовательности и в вопросе о полном демонтаже бюрократического социализма, и в вопросе о реальных гарантиях против реставрации государства-казармы.

Другая область расхождений — *кому принадлежит земля.* Проект ЦК говорит о многообразии форм хозяйствования: совхозы, колхозы, семейное крестьянское хозяйство. Но на деле земля — у колхозов и совхозов. Проект ЦК обрекает тем самым крестьянское хозяйство на роль крепостных-арендаторов, которыми помыкают как хотят,— и это мы чуть ли не ежедневно видим по телевидению — современные бароны в лице председателей колхозов и директоров совхозов, постоянно угрожающие арендаторам перспективой прогнать их со «своей» земли.

Подлинный разрыв с казарменным социализмом, и тем самым подлинный подъем сельского хозяйства, возможен только при полной передаче всей земли тем, кто на ней трудится,— крестьянам. А они затем сами будут решать, остаться ли им в нынешних колхозах или совхозах, создать ли какие-то другие или начать жить самостоятельно.

Если руководители колхозов и совхозов так уверены в нежелании своих колхозников и рабочих быть хозяевами земли, то почему нужно начисто отвергать их право на свою часть земли, их право на выход с этой землей в любой момент? Не потому ли, что при таком праве не удержатся нынешние порядки на селе и что при таком праве любое объединение крестьян может быть только демократичным?

По существу, проект ЦК никакой реальной перспективы семейному крестьянскому хозяйству и фермерству не дает. Напротив, проект ЦК заставляет крестьянина вечно ходить на поклон к председателю колхоза или директору совхоза. Такой крестьянин не только должен кормить себя и государство, но и посредничающую между ним и землей многомиллионную нынешнюю сельскую, районную, областную и прочую бюрократию. В лучшем случае она получит свои дивиденды, а в худшем — будет продолжать душить творческие силы крестьян, мешая им накормить страну.

Третья область расхождений — вопрос о централизме. Проект говорит о рынке и новом централизме. Но вопрос не в признании идеи, а в ее конкретизации. В проекте, в разделе втором, человек и его интересы названы центром политики партии. Но, читая этот раздел, обнаруживаешь, что партия и впредь в духе бюрократического социализма намерена навязывать гражданину свои заботы о нем. Она обещает ему заботиться о детях, решать проблемы обеспечения его жильем и лечением. Она хочет поднимать престиж учителя, следовательно, надо признать право партии определять этот престиж, вместо того чтобы этот престиж формировался без посредников в тандеме «семья — учитель». Она хочет содействовать полноправному участию молодежи в жизни общества. И опять надо признать ее право на этот участок.

Но весь опыт казарменного социализма научил нас: человек сам должен получить всё заработанное им и сам решать проблемы своего лечения. А когда часть зарплаты ему не доплачивают, передают ее аппарату и поручают тому «заботиться», то мы знаем, что аппарат, во-первых, в первую очередь использует общественные фонды для заботы о себе и, во-вторых, будет душить гражданина своей любовью к нему, навязывая ему свои идеи о направлениях медицины, о школах педагогики, о культуре и искусстве. Дошли же на пятом году перестройки «вожди» белорусского аппарата до того, чтобы даже валюту для жертв Чернобыля использовать для своего отдыха за границей. Дошел же на пятом году перестройки Госплан СССР до сохранения централизованного планирования количества яиц, которые полагается в среднем есть советской «душе».

С правом аппарата партии самому определять, чем заняться центру, подлинная перестройка несовместима. С отеческим патронажем и опекой над страной должно быть покончено полностью. Надо четко сказать: централизм рыночной экономике нужен, но он должен действовать только в вопросах, которые поручены ему снизу, и только в пределах, которые ему снизу добровольно передаются.

И, наконец, проект ЦК ничего не говорит о том, как, каким образом и в какие сроки будет происходить денационализация, *разгосударствление собственности.* По существу, обходится один из фундаментальных вопросов: вернется ли собственность в руки трудящихся в основном бесплатно или бюрократия заставит их платить ей за не принадлежащие ей средства производства под какими-то предлогами, пусть даже реальными (например, чтобы изъять свободные деньги). Надо сказать, какая сумма государственного имущества приходится на одного гражданина. И при его выходе из сферы государственного сектора он бесплатно имеет право на эту сумму и должен оплачивать только избыток над этой нормой. Отсутствие конкретного механизма разгосударствления — еще одно доказательство того, что проект ЦК пока не рассматривает перестройку как немедленную перспективу.

О текущей экономической политике. Как известно, декабрьский (1989 года) Пленум ЦК одобрил экономическую программу правительства. И хотя эта программа подверглась критике на втором Съезде народных депутатов СССР, проект ЦК вновь безоговорочно ее поддержал.

Что же не устраивает демократов в программе правительства, вторично одобренной ЦК?

Программа правительства состоит из трех блоков: неотложные меры, подход к XIII пятилетке и модель будущей экономической системы. О разногласиях по поводу модели будущего речь шла выше, поэтому обратимся к вопросам пятилетки и неотложных мер.

Когда я в речи на втором Съезде назвал подход к XIII пятилетке антиперестроечным, авторы правительственного плана обиженно заявили, что я увидел только подсчет яиц и не заметил главного: заботу о народе, рост доли национального дохода, выделяемой для потребления.

Но я критиковал не размер процента на потребление. Я критиковал нечто более фундаментальное — саму систему, где долю потребления должно определять правительство, а не сами трудящиеся в соответствии со своим желанием то ли есть, то ли расширить семейную мастерскую или ферму.

Я критиковал систему, в которой рост фонда потребления на несколько десятков миллиардов рублей мало что значит, так как эти дополнительные

десятки миллиардов будет тратить правительство, не сумевшее разумно израсходовать основные сотни миллиардов рублей. Суть проблемы не в том, что правительство теперь, в новой пятилетке, готово больше думать о народе. Суть дела в том, чтобы уничтожить само право правительства вместо народа решать, сколько народу работать и сколько и как из заработанного истратить.

Любая попытка правительства в ходе перестройки планировать всю жизнь страны сверху говорит о его непонимании самой сути перестройки. А когда я узнал, что Госплан СССР намерен уже в августе представить проект нового пятилетнего плана, я окончательно убедился, что Госплану никакая перестройка не нужна, ему уже все ясно, раз он все просчитал.

В проекте ЦК об этой части плана правительства скромно ничего не сказано. Возникает вопрос: отверг ли ЦК попытки правительства к августу 1990 года составить антиперестроечный пятилетний план или нет?

Еще более сложная ситуация сложилась в отношении так называемых чрезвычайных мер.

Казалось бы, если уж нельзя обойтись без жертв со стороны народа, то надо эти жертвы распределять справедливо. Или поровну каждому, или в пропорции к зарплате, или возложить большие тяготы на тех, кто руководил нами в прошлом.

Но у руководства, видимо, свои представления о том, кому и сколько платить за прошлое в ходе перестройки. План правительства вводит для трудовых коллективов бесконечные ограничения на рост фондов зарплаты, выплат из прибыли и т. д. А вот для аппарата осуществили рост зарплат для чиновников: и в партии, и в профсоюзах, и в министерствах и т. д. Теперь рядовой работник аппарата ЦК ВЛКСМ, который еще и трех лет после вуза проработать не успел, получает почти столько же, сколько и профессор. С таким подходом к экономии денег на фонде оплаты согласиться нельзя.

План правительства отвергает денежную реформу, карточную систему, отодвигает в будущее конвертируемость рубля. Конечно, тому, кто имеет право в неограниченных количествах покупать дефицитное мясо по низкой государственной цене, тому карточки с их всеобщим нормативом покупок по госцене явно не нужны. Конечно, для правительства страны рубль всегда конвертируем — ведь в руках центра вся валюта. Зачем ему форсировать конвертируемость, которая сделает независимыми от центра и предприятия, и каждого гражданина?

Говоря о текущей экономической политике, нельзя не отметить, что, кроме общих фраз о необходимости изменения структуры экономики и заботы о научно-техническом прогрессе, ничего конкретного по этим фундаментальным проблемам перестройки не сказано. А ведь важно знать, решая вопрос о тех же налогах, какие именно отрасли и на сколько должны быть сокращены для создания структуры экономики, ориентированной на рынок. Ничего не сказано и о том, что нельзя вообще двигать НТП. Нельзя и во всех сферах успешно двигать НТП. Надо найти те сферы НТП, в которых у нас есть шанс выдвинуться вперед, чтобы было чем торговать на мировых рынках, и покупать на эти доходы те достижения НТП, в которых преуспевают другие страны.

Проект ЦК в части текущих мер в области экономики, поддержав программу правительства, вызвал на себя весь тот огонь критики, которая раньше была адресована только правительству.

О монополии унитаризма. Сложившееся национально-государственное устройство СССР пронизано двумя началами. С одной стороны, глобальный унитаризм, сверхцентрализм, в основном игнорирующий многонациональность страны. А с другой — когда эта многонациональность признавалась — она реализовывалась бюрократически, в виде схемы народов разных сортов. Сорт первый — союзные республики, второй — автономные республики, третий — автономные области, четвертый — округа. Пятый, самый бесправный,— народы, не имеющие на территории данной республики своих территориальных образований. Корейцы, греки, поляки, евреи, немцы (и миллионы самих русских за пределами России) уже как отдельные нации не фигурируют.

В проекте ЦК не преодолевается сталинистская, бюрократическая трактовка решения национальных проблем. Признается за аксиому наличие союзных и автономных республик. Границы, проведенные во времена бесправия, как бы признаются в качестве принципа перестройки, который тоже нельзя трогать. Нет и призыва к созданию новых республик. В общем, базисные правила перестройки национального устройства заданы прошлым. И тезисы о самоопределении и о свободе национально-государственных образований выбирать формы устройства жизни носят характер деклараций.

Мы же считаем, как предлагал А. Д. Сахаров, что все народы равноправны. Если есть территория, где этот народ составляет большинство населения, он имеет право создать самостоятельное государство — союзную республику. Независимо от того, была ли автономия в виде республики или области или ее не было вовсе. Если такого рода территории у народа нет, решение его проблем идет по пути автономии. При этом автономия может быть связана с фиксацией территории. Или она реализуется в виде Национального Совета при правительствах республик с правами Министерства культуры и образования в отношении своего народа. Никаких других категорий автономий нет. Все автономии равноправны.

В целом в проекте ЦК бюрократические представления о национальном вопросе не преодолены, и потому этот раздел сохраняет и даже усиливает взрывоопасную ситуацию.

О политической монополии одной партии. Проект ЦК как будто пошел на принципиально важный шаг — признал целесообразность отмены закрепленной в статье 6 Конституции СССР монополии КПСС на власть. Я не знаю, о чем думают, что чувствуют те, кто и в ноябре, и в декабре критику статьи 6 изображал чуть ли не как покушение на основы нашего строя и клеймил последними словами с трибун и со страниц газет своих оппонентов — сторонников отмены статьи 6.

Но сегодня, в марте 1990 года, общая абстрактная готовность отменить статью 6 уже отстала от развития событий в стране. Страну уже волнует другое: в чем конкретно выразится преодоление статьи 6?

А на этот вопрос проект ЦК не только не отвечает, но скорее исходит из того, что и без статьи 6 явочным порядком можно сохранить господство партаппарата над обществом и государством.

Что значит преодолеть на деле статью 6 и создать государственный и хозяйственный механизм, ориентированный на принцип многопартийности?

Значит ли это устранение первичных парторганизаций КПСС из структуры администрации в организациях и на предприятиях? Если в стране будет много партий, то не давать же всем им кабинеты в заводоуправлениях? Или спрашивается: купит ли кто-либо акции предприятия, администрацию которого контролируют не акционеры, а первичная организация одной из партий, пусть даже правящей?

Сможем ли таким образом преодолеть нынешнюю монополию аппарата партии на газеты, печать и вообще средства информации? Сейчас все газеты — вплоть до районных — в руках аппарата одной партии. Все программы телевидения и радио — тоже. Я уверен, что возмутительное сообщение о митинге 4 февраля на Манежной площади перед Кремлем вне ТАСС кто-то и где-то редактировал. КПСС должна иметь и газеты, и время на телевидении, но наряду с другими организациями.

Вправду ли преодоление статьи 6 означает освобождение от партийного контроля армии, госбезопасности, органов внутренних дел и т. д.? Офицеры этих органов должны служить народу, стране, Родине, государству, но не партии. И уж тем более не следовать тезису установок Компартии Китая, требующей от офицеров защищать даже не партию, а «руководство КПК».

Означает ли преодоление статьи 6 перестройку внутри КПСС? К сожалению, об этой перестройке в проекте КПСС сказано мало, что возбуждает сомнение в готовности КПСС реально отказаться от статьи 6.

Действительное преодоление статьи 6 требует обновления самой партии. Это предполагает свободу члена КПСС выбирать любую парторганизацию, в которой он желал бы работать, вместо нынешнего порядка, когда надо состоять только в той организации, в которой состоит твой директор. Обновление партии немыслимо без узаконения фракций: если их не будет, сотни тысяч членов КПСС будут создавать организации вне КПСС. Обновленной партии не нужен значительный аппарат и 3-процентный налог на доходы каждого члена партии в виде взносов тоже не нужен. Хватит взноса в размере 1 рубля в месяц, который должен быть равен для любого члена партии.

Чтобы появилась обновленная партия, призывают сторонники сформировавшейся в КПСС «Демократической платформы», выборы на XXVIII съезд должны пройти по-новому. Не просто снизу. Главное, по платформам.

В парторганизации, например, Москвы формируются и обсуждаются платформы. Затем идет голосование в первичных организациях и определяется, сколько сторонников у каждой платформы. В итоге выясняется, что, например, «Демократическую платформу» поддержали 30 процентов московских коммунистов. Тогда 30 процентов выделенных Москве мест на XXVIII съезд передается «Демократической платформе». На собраниях сторонников этой платформы в каждой первичной организации составляют списки альтернативных кандидатов, голосуют.

Иной порядок — даже при выборах делегатов съезда прямо в первичных организациях — привел бы к тому, что сотни тысяч сторонников «Демократической платформы» (или же сотни тысяч сторонников радикального консерватизма) на съезде представлены не будут. Будет съезд большинства, но не съезд всей партии. Такой съезд партию не обновит, он ее расколет.

О монополии центра на управление перестройкой. Еще одна область разногласий с проектом ЦК — вопрос о том, кому управлять перестройкой.

Вполне логично, что перестройка была начата сверху. Логично, что усилия руководителей партии и страны ряд лет были решающими для того, чтобы огонек перестройки не затух. Но сколь естественно раздувать огонек костра вначале, столь же бессмысленно дуть на него, когда он уже горит вовсю.

В нашей перестройке произошел перелом. Она наконец стала превращаться в настоящую революцию. Мне кажется, что центр оказался не готов к пониманию новой ситуации. Центр по-прежнему убежден, что если он не напишет и не утвердит Закон о молодежной политике, то никто этого хорошо не сделает. И так по любому закону. В итоге Верховный Совет перегружен десятками законов, тратит массу времени на то, чтобы отразить в общем законе особенности отдельных республик и регионов. Закон раз за разом откладывается, а ситуация все более обостряется, усиливая коллизии и конфликты. Более того, принятый большинством голосов закон все равно не устраивает ту или иную республику, и она ищет способ или от него уклониться, или заменить другим, нужным ей законом.

В перестройку, далее, включились сейчас — и тем более включатся после выборов — новые республиканские парламенты и новые Советы. Они не захотят смириться с ролью исполнителей директив, пусть даже демократически принятых Верховным Советом.

Поэтому выход один: изменить стратегию перестройки. От перестройки сверху надо перейти к перестройке, в которой главными действующими лицами станут парламенты республик и местные Советы. Это кардинальное изменение только и способно действительно ускорить перестройку.

Проект ЦК этого изменения ситуации не видит. Он по-прежнему исходит из идеи, что надо сверху спускать многостатейные законы, призванные предопределять жизнь республик и регионов. А ведь ребенок не только вырос, он хочет сам решать свои проблемы, только вот родители все еще этого никак не поймут.

Со страниц проекта ЦК веет идеей директивного руководства перестройки из центра. Чего стоит такой тезис проекта: «Партия будет добиваться более широкого выдвижения женщин на руководящую работу». Спрашивается: кто будет решать вопросы о том, кому быть руководителем,— Советы или парторганы? Трудовые коллективы или парторганизации? Администрация или партбюро?

Но если руководители перестройки не осознали еще новой ситуации, то аппарат органов управления давно все понял. Понял главное: отстранение от дел той части этого аппарата, которая не сумеет работать в условиях демократии,— вопрос времени.

В итоге — массовый поход бюрократов на государственное богатство, беззастенчивые попытки перед своим уходом хапнуть его по максимуму. И хапнуть в наиболее гарантированных формах, например, в валюте. В итоге — торговля всем, вплоть до танков и стратегического сырья. В итоге — половодье создаваемых с фантастической быстротой совместных предприятий с теплыми местечками для чиновников разных рангов, пока еще сидящих в креслах руководителей перестройки. В итоге — повышение цен на золото, которое в лучшем случае обогатило казну на несколько миллиардов рублей по линии той небольшой части золотого запаса, которая реализуется в торговле, но которое одновременно прибавило десятки миллиардов тем, кто это золото держит в своих кубышках.

Как видим, свои выводы из новой ситуации в перестройке делают не только демократы, но и бюрократы.

Пожалуй, ни в одном вопросе столь ярко не проявляется разница централистского и демократического подхода к перестройке, как в вопросе о референдумах и их роли. Демократы считают, что решить вопрос о том, допустима ли в нашем обществе частная собственность как один из видов собственности, или вопрос о том, должны ли колхозы и совхозы получать землю от объединяющихся крестьян, можно и нужно путем республиканских референдумов. А вот сторонники централистского подхода, уверяющие нас, что «крестьяне не хотят быть хозяевами земли», выступают в роли неких экстрасенсов, которым свыше дарована способность знать наперед мнение народа.

Перестройка может победить, только став делом самих масс и творчества всех органов их власти, прежде всего тех, которые ближе всего к массам,— местных Советов. Основным законодательным звеном должны стать республиканские парламенты.

А роль центра теперь, на этом этапе перестройки, отходит на второй план, ограничивается только тем общим, что надо делать для всего Союза ССР.

В каком же обществе мы будем жить? Проект ЦК отвечает сразу — в социалистическом. И этот ответ многое проясняет. В угоду этой точке зрения, видимо, и изгонялась частная собственность.

Но ведь если индивидуальную собственность граждан (в том числе и на средства производства) считать социалистической, то все страны Западной Европы давно уже живут при социализме, ведь там, как остроумно заметил один народный депутат, сколь угодно много «индивидуальной собственности граждан на средства производства».

Возникает в проекте ЦК следующее противоречие. Или надо считать социализмом строй, где господствует собственность всего общества, и тогда строй, в котором мы будем жить, назвать социалистическим нельзя: ведь в нем даже государственная собственность не будет главной, а собственности общества как таковой вне государства вообще не будет.

Или можно назвать формирующийся в нашей стране строй социалистическим, но тогда нужно провести глубокую ревизию всей идеологии марксизма (и тем более ленинизма).

Проект ЦК от этой дилеммы ушел и оставил тем самым под нашей перестройкой идеологическую мину огромной мощности.

На мой взгляд, эта дилемма правильна, но выход из нее не в том, чтобы что-то выбрать, а в том, что надо преодолеть обе посылки — снять их, как сказал бы Гегель.

Надо уточнить и концепцию социализма, и всю лежащую в его основе идеологию с учетом реальностей XX века. Не частности, а именно всю идеологию: начиная с утрированного представления о материи и духе, при котором дух вторичен и производен; начиная с трудовой теории стоимости, в которую невозможно вместить главный вид человеческой активности — творческую деятельность с информационным итогом, ценность которого определена чем угодно, но не затратами усилий; начиная с ленинской теории о мелком производстве как постоянно рождающем капитализм, хотя такое производство тысячелетиями никакого капитализма не рождало — ни ежедневно, ни в массовом масштабе и т. д. и т. п.

Надо найти соответствующее сути дела название для нашего строя. Я думаю, что это общество социалистического выбора. Это общество, избравшее путь в направлении социализма, понимаемого не столько в виде типа производства, сколько в виде ориентировки на развитие человека как главной и самодовлеющей ценности.

Без революции в идеологии перестройка будет лишена лучших решений, так как умы членов общества будут отгорожены от этих решений идеологическими догмами.

* * *

На известной картине в глубокой думе сидит на коне русский богатырь перед камнем, на котором выбиты надписи: направо пойдешь... налево пойдешь... прямо пойдешь... Но нынешние выборы имеют только внешнюю аналогию с традиционной проблемой выбора Россией своего пути. На деле путь радикального консерватизма — путь аппаратно-бюрократического сопротивления перестройке, а проект ЦК — проект сторонников перестройки, но тех, кто все еще не преодолел аппаратно-бюрократического подхода к перестройке. И только путь «Демократической России», путь «Демократической платформы в КПСС», путь Межрегиональной группы создает перспективы, хотя и не дает безусловных гарантий. К сожалению, ничего большего семьдесят лет казарменного социализма нам в наследство не оставили. Это именно только возможность выхода. Но было бы катастрофой для русского народа не воспользоваться ею, какими бы малыми ни были шансы...

Есть еще один довод за выбор демократической платформы. Обе других — и консервативная, и ЦК — обрушиваются друг на друга и на платформу межрегионалов. Это варианты нетерпимости. А вот демократическая платформа в основном интегрирует то лучшее, что есть в альтернативных программах. Поэтому именно она сулит России мирный путь перестройки, сколь бы трудным он ни был.

Четыре бюллетеня перед избирателем, и в каждом надо оставить по одной фамилии. За этими оставленными фамилиями — судьба России. Она в руках каждого из нас. Россия выжила в течение столетий потому, что в решающие моменты ее истории русские люди преодолевали в себе все мелкое, наносное, частное, поднимались до осознания судеб всего своего народа. Теперь пришел наш черед. История именно нас сделала арбитрами. Будем же достойны выпавшей нам судьбы.

ПЕРЕСТРОЙКА: ПРОВЕРКА ДЕЛОМ

ТЕХНОПОЛИС В ЗЕЛЕНОГРАДЕ — НЕ УПУСТИТЬ БЫ ШАНС!

Юрий ГОВОРУХИН

А что, если нам «догнать и перегнать Америку» в электронике? Не торопитесь с иронической улыбкой: подход серьезный. Перчатку бросает Зеленоград, где с пятидесятых годов сосредоточены предприятия Министерства электронной промышленности. Здесь и вознамерились создать технополис — город, специализирующийся на научно-технической и проектно-конструкторской деятельности. Изучен опыт знаменитой Кремниевой долины, которая дала Америке лидерство в прогрессе. Учтена также японская программа, по ней строят 19 городов наукоемкого производства. Мы же пока хотим создать один, но свой; настоящий технополис — среду обитания нового человека, «космос» идей, сферу свободных экономических отношений, абсолютно непохожих на то, что мы имеем сейчас. Создать неизвестный и чужой нам мир, который мы отвергаем по идеологическим соображениям, но в котором хотим жить!

ВСКОЧИТЬ В УХОДЯЩИЙ ПОЕЗД

Ах, как торопятся эти ребята, как спешат! Крайне желательно, очень надо, совершенно необходимо, чтобы Совет Министров СССР принял постановление о создании в Зеленограде технополиса — города высоких технологий микроэлектроники. Связано это и с выборами в местные Советы народных депутатов, и с последующей неизбежной перетряской аппарата. Фонд «Инициатива», объединивший ряд зеленоградских предприятий, при участии горсовета и райкома партии разработал программу, утрясал ее в ГКНТ, АН СССР и Минэлектронпроме. Сейчас требуется подпись родного министерства под основным документом, потом следует принять постановление. Надо, надо решить этот вопрос как можно скорее...

Темп нужен еще и потому, что поезд уходит. Наше отставание в электронике катастрофическое: и по большим компьютерам, и по персональным ЭВМ, и по микросхемам. Разрыв увеличивается. У нас внедрение затягивается на годы, даже десятилетия, у «них» же счет идет на месяцы и недели. «Они», образно говоря, делают дисплей, а мы пока — детекторный радиоприемник. О количественной стороне даже говорить неудобно: значительно больше половины мирового электронного «пирога» пекут в США и Японии, мы же довольствуемся жалким кусочком.

А что такое электроника в современном мире — долго объяснять, думаю, не надо. Даже если мы останемся лежать на печи, как тот Емеля, то она сама, дорогая наша печка, сможет достаточно быстро ехать вдогонку за «шаттлами», «фордами», «вольво», «тойотами», «шевроле» только в том случае, если будет начинена электроникой. Тут даже не вопрос престижа — выжить надо. Кстати, уж не такие мы лапотные, именно наша страна была пионером в идее технополисов. Это не только новосибирский Академгородок или Зеленоград. В Подмосковье в 50—60-е годы было создано несколько десятков городков научно-технической специализации. В них родилась наша радиотехническая, авиационная и космическая промышленность. Только вот беда: технополисы эти административная система упрятала в «ящики»; никакой конкуренции, никакого обмена информацией, сплошные военные тайны, самоуспокоенность и убеждение, что у себя-то в соцсистеме, а может, и во всем мире мы самые что ни на есть первые... На самом же деле страна, отгородившись, «сберегла» крайне низкое качество продукции и ее полную неконкурентоспособность. От прогресса нас бдительно оберегали хозяйственная неповоротливость и экономическая безграмотность. В то же время за рубежом смогли вслед за нами создать технополисы как нечто целое, живое, динамично развивающееся. Тамошние электронные города быстро воплощали идею в «железо», формировали работника, готового к восприятию новых знаний, умений, и, что не менее важно, достигли высокого уровня жизни, а это обеспечило приток классных специалистов.

И вот теперь эти ребята хотят догнать Америку. Прожектеры? Да нет же — наша большая и вполне реальная надежда. «В нынешней экономической обстановке,— объясняет директор Зеленоградского центра НТТМ Александр Чуенко,— мы не можем рассчитывать на финансовую помощь. Тем не менее у нас спрашивают: «А во сколько обойдется народу развитие этой «вашей» электронной промышленности?» Мы же говорим: «На технополис в Зеленограде дополнительно ничего не надо, кроме средств, ранее выделенных. Но чтобы получить отдачу, нам нужна экономическая свобода».

Свободу хотят получить администраторы, аппаратчики, рабочие и крестьяне, а интеллигенция — так та просто помешалась на ней. Хотя никто толком не знает, как ее давать и что это такое, свобода? Верховный Совет СССР и правительство бьются над законами о земле и собственности, о печати, о налогообложении, об акционерных обществах и банковской системе. Всем свободу — завтра же, по указу, и чтоб с утра все были совершенно вольными.

«Да нет же,— замечают мои собеседники.— Свобода, о которой мы говорим, не внедряется декретами, а завоевывается в конкретных экономических условиях. На первых же порах должны быть созданы хотя бы зоны свободной предпринимательской деятельности. Среда для преобразований. И пусть такой зоной станет Зеленоград. Мы будем продавать не человеческий труд, даже не идеи, хотя это престижнее, чем торговать лесом и газом, а конкурентоспособную электронную продукцию».

МИКРОСХЕМА НОВОЙ ЖИЗНИ

А как же все сделать, чтобы действительно «догнать и перегнать»? Давайте поближе познакомимся с моими собеседниками: директор центра НТТМ «Дока» Александр Чуенко, его заместитель Алексей Грицай, исполнительный директор фонда «Инициатива» Виктор Мироненко, первый секретарь Зеленоградского райкома партии Юрий Ильин. Каждому из них — до 36 лет, все окончили Московский институт электронной техники. Разными путями идут они, но свою тропинку в организации наукоемкого производства, способного улавливать и воплощать новые идеи в «железо», одним из первых протоптал центр НТТМ «Дока». Название обязывающее, до́ка — человек, особенно сведущий в чем-то, знаток своего дела. Сейчас их, светлых голов, более тридцати, а в мае 1987 года начинали меньшим числом — без кредита буквально на пустом месте. Первые четыре месяца энтузиасты совсем не получали зарплаты. Однако к концу того же года объем работ достиг 721 тысячи рублей, потом перевалил за пять миллионов, а в прошлом году превысил восемь

Фото Сергея ПЕТРУХИНА

миллионов. У фирмы — свое лицо, свой рынок. Что делают? Ищут и находят новые технологические решения, и не только в микроэлектронике, но и в биотехнике, медицине. А затем их продают. Придумали, пришли на предприятие: «Нужно?» Покупают, потому что тем придумывать что-либо некогда — надо выполнять план.

— Следует в корне менять всю концепцию научно-технического прогресса в стране,— говорит Александр Чуенко.— От административной системы управления наукой и техникой пора просто бежать к рыночному механизму управления прогрессом. Старая схема «министерство — НПО — завод» себя изжила. Движемся по ней медленно, потому что заинтересованы в плане, а не в новой идее. Необходимо запустить такой механизм, в котором важное место займут центры контрактных исследований, холдинговые фирмы, малые предприятия. Нынешние региональные научно-производственные структуры должны преобразоваться в независимые, вневедомственные формирования — ассоциации, акционерные и арендные объединения, фирмы и компании, предприятия, связанные между собой только деловым партнерством. Только самостоятельность предприятий обеспечит прорыв в микроэлектронике.

Здесь понимают: концепцию надо проверять в конкретных условиях, потому и предлагают в качестве полигона Зеленоград. И вот еще такой очень важный момент: они категорически против типового положения о советском технополисе.

«Когда проводили крестьянскую реформу 1861 года, царским чиновникам хватило ума предусмотреть пять вариантов — только для Центральной России пять! — говорит Виктор Мироненко.— Мы в Зеленограде хотим идти своим путем. Для этого надо отказаться от существующих принципов распределения прибылей предприятий».

Тут все упирается в экономический механизм. Сейчас мы — плохие мужья у хороших жен. Государство забирает у нас доходы и потом — из бюджета — дает «на обед», «на курево», «на развлечения» и на «брюки», причем в магазин идет вместе с нами, выбирает и покупает «одежду», порой без примерки.

Предлагаемая в Зеленограде схема такова: почти все заработанные деньги пустить на развитие предприятий, новые технологии, в фонды развития технополиса и местный бюджет, а государству отдавать лишь некоторую часть прибыли. Иными словами, «муж» хочет жить на свою зарплату, сам питаться, одеваться, а «жена» должна следить за порядком в доме и получать на необходимые расходы.

Тут-то наше строптивое государство, привыкшее выгребать у нас все денежки,— в крик: «Как так?! А я на что буду жить?!» Повадилось оно забирать все, чтобы потом раздавать всем сестрам по серьгам. Однако администраторы-распределители — это не государство. Государство — это свободные и предприимчивые завод, институт, колхоз, фермер, семья. Они богаты — и ему, государству, неплохо; они бедны — и мешок с деньгами годится лишь для того, чтобы на нем сидеть.

А жить государство вполне безбедно сможет на возрастающие доходы технополиса, на рубли и доллары, которые заработают его предприятия и фирмы на внутреннем и международном рынке. Потому что Зеленоград лучше нас с вами разбирается, что купить у Запада, а что сделать самим. С кем войти в долю, а кого и поставить перед фактом монополии на продукцию. И не надо давать ему, Зеленограду, новые миллиарды. А когда поднимется на ноги наш отечественный технополис, это и будет та самая курица, которая начнет нести золотые яйца. Тогда мы и впрыгнем в мчащийся поезд научно-технического прогресса.

А кто же будет регулировать развитие технополиса, без головы-то никак не обойтись? Верно. И потому впервые в стране предложена нетривиальная структура — Наблюдательный совет. В нем предусмотрены как бы две палаты. В одной — компетентные и полномочные представители государства: Минэлектронпрома, Минфина, ГКНТ, Госплана, военно-промышленной комиссии, госкомиссий по экономической реформе и внешнеэкономическим связям. Чтобы была возможность решать вопросы на месте, без согласований с разнокалиберным начальством. А во второй палате соберутся представители предприятий, горсовета, райкома, ученые, специалисты. Такой совет будет определять стратегию развития технополиса, обеспечивать особые условия хозяйствования, назначать ставки налога на сверхприбыли, способствовать созданию смешанных отечественных и международных компаний...

Тут нас наверняка прервет суровый голос дотошного и идеологически бдительного Реалиста: «Вы что затеваете, товарищи? Это что — третья власть? Местное правительство? Это противовес Советам народных депутатов? Это монополия технократии?»

Называйте как хотите. Только не мешайте! Реалисты у нас сильны, они-то и ставят палки в колеса проекта, тормозят правительственное решение. У них никак не укладывается в голове: как это можно руководить — не руководя, указывать — не указывая, вести вперед — без палки-погонялки, плана и персональной ответственности? Нужна — ну, конечно! — руководящая и направляющая сила, а она должна быть в руках конкретного аппаратчика Ивана Ивановича.

Концепция Зеленограда другая. Наблюдательный совет никем и ничем не должен руководить, это иная система координат: он создает среду для предпринимательства, обеспечивает рыночные экономические отношения и условия существования наукоемких производств, а их ответственность перед государством — в банкротстве идей или в прорыве к электронному прогрессу. Руководящая и направляющая сила тут — толковый Закон и рубль (можно — доллар!).

Что же касается Советской власти, то она в Зеленограде также получает новые возможности, потому что технополис — это еще и невиданный прежде местный бюджет, который обеспечивает решение социальных проблем, и настоящее, не зависящее от инстанций самоуправление.

КТО ЖЕ ВЫТЯНЕТ ВОЗ?

Читатель уже обратил внимание: один из моих собеседников — первый секретарь райкома. Так вот, Юрий Ильин — это не привычное нам партийное око, не догляд за расшалившимися фантазерами Зеленограда, а активный и полезный участник событий. Прежде всего он из того же теста, что и окружающие его люди: окончил Московский институт электронной техники, работал по специальности. Потом возглавлял орготдел райкома, а затем победил в конкуренции с восемью кандидатами и занял пост первого секретаря. Конечно, он разделяет прогрессивные идеи, конечно, он с самого начала с жаром взялся за пробивание проекта технополиса. И много сделал. Тут Ильин — полная противоположность партаппаратчикам, которых мы не без оснований считаем косной массой непрофессионалов. Ильин — профессионал, а уж потом первый секретарь. Юрий Владимирович резонно считает, что партийный функционер отнюдь не безлик, он прежде всего конкретная личность, из этого и надо исходить.

Так вот, реальную отдачу от затей технократов город ощутил еще два года назад, когда вошел в форму центр НТТМ «Дóка». Он финансировал детский подростковый клуб, помог молодежному клубу по информатике, нашел деньги детскому реабилитационному центру и детской поликлинике; купил медикаменты для пострадавших от землетрясения в Армении и выделил более ста тысяч рублей в фонд «Инициатива». «Инициатива», в свою очередь, в своей стартовой программе предложила радикально изменить социальную сферу города. Прежде всего решить жилищную проблему. Для этого вводимое в городе жилье изымается из ведомственных рамок и передается одному хозяину — горсовету. Пока «карточное» распределение жилья усугубляет ситуацию. Очереди не уменьшаются. Это понятно: мы стремимся запастись квадратными метрами впрок, наши правоохранительные органы стараются не допустить компенсации за освобождаемую жилплощадь — она ведь бесплатная, государственная. Выход из положения зеленоградцы видят в создании рынка жилья, в обеспечении его социально гарантируемого минимума. Он, этот минимум, предоставляется бесплатно, а сверх — оплачивается по коммерческому, плавающему курсу. В оплату включают и сумму компенсаций людям, чья площадь меньше гарантированного уровня. Это позволит скопить «жилищные деньги» тем, кто победнее. Таким образом, каждый дом становится товариществом владельцев индивидуальных квартир.

Город, поставивший своей целью вести такую экономическую жизнь, безусловно, будет озабочен выращиванием кадров. Их должен готовить университет, в котором органично соединятся гуманитарные, естественные и научно-технические школы. Это планы. А вот дела: в числе многих ощутили на себе заботу «Инициативы» мамы первоклашек, получив первого сентября оплачиваемый выходной. Предприятия — учредители фонда помогли при создании в городском Дворце пионеров детского телецентра, архитектурной студии.

— Для больших социальных перемен готовится солидный фундамент,— говорит Юрий Ильин.— И реальная точка пересечения интересов партийной и Советской власти с Наблюдательным советом.

Итак, зеленоградские предприятия хотят стать фирмами мирового класса. Специалистам будет обеспечена жизнь, сравнимая с западной. Иначе нельзя: при расширении международных связей возникнет опасность «утечки мозгов»; избежать этого позволят только высокая зарплата и комфорт. Такова зеленоградская модель, отвергающая универсальность. В других местах пусть распоряжаются своей свободой по-своему.

«Ну, ладно,— скажете вы,— когда мечтают образованные и ретивые молодые люди, им еще можно поверить, потому что они для этого и учились. Но партийный и советский аппарат — они-то куда лезут?!» Спокойно. Надо считаться хотя бы с реальностью. А она такова: Юрий Ильин — инженер-электронщик, а директор центра НТТМ «Дóка» Александр Чуенко — член райкома и член горисполкома. И оба испытывают давление как «справа», так и «слева». Консерваторы кричат: «Технополис — это капитализм, это эксплуатация и частная собственность!» Они пытаются ловить ветер в свои безжизненные паруса и принюхиваются — пахнет ли колбаса социализмом. Неформалы требуют строить город будущего «чистыми руками», без представителей «опозорившейся тоталитарной власти»; всякие попытки объединения усилий с ней они объявляют «отступничеством». Им очень хочется сначала сломать старую систему, а потом на чистом месте построить светлую жизнь. Мы это уже проходили — в 1917 году.

По сути, «правые» и «левые» объединяются в общих рядах противников технополиса. Мои собеседники конфронтации противопоставили сотрудничество и эволюцию. Это, по-моему, конструктивный момент, хороший пример. Конечно, с дураком, как говорится, лучше потерять, чем найти. Но если среди аппаратчиков будет больше Ильиных, почему бы не вытащить увязнувший на обочине прогресса воз нашей жизни сообща? Безусловно, новые экономические отношения, сам Зеленоград как среда свободного научного предпринимательства тесно связаны с прогрессивными политическими преобразованиями в стране, с утверждением демократии.

И нам никак нельзя упускать шанс с Зеленоградом — один из немногих. Экономическая реформа в стране должна быть подкреплена реальными делами. И технополис — это очень реальное дело.

Успеть! Пока есть такие ребята, которые торопятся. Пока они не разуверились и не стали еще одним потерянным поколением.

В один из последних дней второго Съезда народных депутатов СССР телевизионная камера как вкопанная застыла (и оператора можно было понять) на лице женщины-депутата, произносившей страстную речь в защиту прав женщин в Советском Союзе вообще и женщин-депутатов в частности. Последняя тема, впрочем, была превалирующей. Сделаем вид, что мы, сидящие перед экраном, не подумали о том, что эта милая дама получила свой мандат от Комитета советских женщин, чьи права на такую привилегию, как депутатские места, наряду с подобными же правами других общественных организаций на Съезде весьма бурно оспаривались. Не будем вспоминать и как проходило выдвижение кандидатов от этого Комитета, кто и почему был избран: я, женщина, которую этот Комитет представляет, не ведала о том ни сном ни духом. Заострим наше внимание на вопросе равноправия полов — вопросе, полагаю, не самом существенном среди тех, что свалились сейчас на наше Отечество, однако ж, на удивление, постоянно в последнее время возбуждаемом то созданием различных клубов и ассоциаций женщин — журналисток, писательниц, кинематографисток и проч., то выступлениями в прессе и по телевидению мужчин, озабоченно восклицающих: «Опять среди кандидатов в республиканские и местные Советы мало женщин! Надеюсь, в ближайшее время это положение изменится!» Ах, мне бы ваши заботы, господин учитель...

Что замечательно во всех выступлениях, так это полное игнорирование наших родных реалий. А реалии эти таковы, что у женщины — не открою Америки — до работы, во время работы и после работы имеет место Его Величество Быт, который (вчерашними полупустыми и сегодняшними пустыми магазинными полками) загоняет женщину в психологический, материальный и временной угол. Вот из этого угла я и предлагаю посмотреть на вопрос «процента» кандидатов-женщин и задуматься над тем, как реально женщина может активно участвовать в политической жизни страны.

Женщины, как известно, имеют давнюю привычку рожать детей, которых надо кормить, одевать, воспитывать,— все три проблемы у нас связаны со словом «достать». В результате, по подсчетам социологов, на быт у женщины уходит львиная, если не вся, часть свободного времени. Как в таком случае женщина может серьезно заниматься политической деятельностью? Ответ известен: няни, бабушки-дедушки, детсады и «продленки». Но няни стоят сегодня таких денег, что доступны лишь хорошо обеспеченным семьям.

Итак, условие первое: женщины-политики должны иметь приличный достаток. Много ли таких вне сферы торговли у нас в стране? Бабушки и «продленки» — тоже, конечно, выход, и в ситуации безудержной, правда, несколько насильственной, эмансипации, они в основном и растят грядущее поколение. Но социологи между тем опять свидетельствуют, что дикий рост подростковой преступности в немалой степени вызван именно брошенными — де-факто — своими работающими матерями детьми.

Итак, второе условие политической деятельности — это брошенные (я намеренно заостряю) дети. Большой ли приварок от того обществу?

Наконец, третье условие: возможности для политической деятельности особенно широки у женщин, не имеющих семьи и детей. Тема эта деликатная, во многом трагическая, для многих женщин подобное — беда, накладывающая к тому же особый отпечаток на их социальный менталитет (неудовлетворенная личная жизнь часто оборачивается для окружающих большими сложностями). Как бы то ни было: если одна из главных задач женщин-депутатов возбуждать в государственных умах внимание к проблемам семьи, детства, материнства, то именно об этих проблемах последняя категория женщин-политиков имеет весьма смутное представление. Я не хочу никого обидеть, но так же, как иностранцы не могут понять наших реалий, потому что для этого в них надо жить, так и эти проблемы надо, что называется, испытать на собственной шкуре.

И еще один момент, о котором, вероятно, следует помнить, выдвигая женщин кандидатами в депутаты: наш ужасающий быт вкупе с пустыми полками делают политиков в юбке особенно зависимыми от всевозможных жизненных благ и привилегий, с помощью которых можно весьма успешно затыкать не в меру свободолюбивые рты.

Так что же, я против женщин — депутатов и государственных деятелей? Ничуть. Кому-то, вероятно, удается совмещать несовместимое, но такие женщины — редкость. Я против «процента». Я против всякого деления, всякого противопоставления по социальному (рабочий — интеллигент), национальному (более великий народ — менее великий) или половому признаку. Критерий любого выбора должен быть единым: ум, талант, нравственность. Долгие годы отнюдь не деловые и моральные качества, а Ее Величество Анкета была критерием выбора на высокую должность, в депутаты и так далее. Так стоит ли лицемерно сокрушаться по поводу мужского диктата, когда повсеместен пока еще диктат иной — серости?! Вне зависимости от пола. Так стоит ли сетовать, что не выбирают, не печатают, не отправляют на работу, например, за границу только потому, что кандидат или, скажем, журналист — женщина? Да не потому! Быт, конечно, страшно мешает проявлению индивидуальности, но беда-то в том, что индивидуальность у нас не в почете. И неужели не унизительно требовать к себе снисхождения за то только, что Природа кое-где устроила нас несколько поиному, чем мужчин? Может, для подобного снисхождения следует поискать другую сферу?

Все это — очевидности. Как очевидность и то, что проблема борьбы женщин за свои права для нас сегодня не стоит,— это проблема другого уровня жизни, другой экономики, другого быта, короче, другого уровня цивилизованности. Борьба за права личности, индивидуальности, таланта — это действительно требует усилий. И усилий тяжких — серость-то никуда не делась, и она тоже борется. А вот потом, в демократическом, правовом, экономически развитом и богатом обществе поговорим о равноправии. Если, конечно, захотим...

Евгения АЛЬБАЦ

ПРОШУ СЛОВА!

ПО ПОЛОВОМУ ПРИЗНАКУ

Юрий ЕФИМЕНКО
Сергей ПЕТРУХИН (фото)

ПОСЛЕДНИЕ ИЗ УДЭГЕ?

Где и кто сейчас разрабатывает всестороннейше грамотно остро необходимые и не завтра, а сегодня же документы — статус национального села, национального района? Кто изучает и готовит, сколько и какие именно угодья им следует передать, закрепив навечно? В каких учреждениях, институтах или научно-производственных объединениях суммируется вся информация и формулируются те положения, которые надежно пропишут у нас международный опыт, международное право?.. Но самое главное — где выработаются наиболее приемлемые принципы взаимоотношений коренных народов со всеми хозяйственными органами, с природопользователями в первую очередь, ибо одним выгораживанием куска земли не обойтись, на земле больше нет отдельно взятого рая и строительство атомной электростанции в Северном Приморье может поставить под угрозу жизнь удэгейцев, нанайцев, эвенков, ульчей, нивхов, эвенов, орочей, негидальцев и представителей других коренных народов Севера и Приамурья.

Свидетельствует один из первых русских учителей, поселившихся в удэгейском селе Гвасюги в середине 30-х годов, Г. И. Кузьмин: «На мою долю выпало работать учителем народности, проживающей в долине реки Хор,— хорских удэ.

В очень трудных условиях вели большую работу по оседлости населения, обучению грамоте. Ликбезом охватили все население до 50-летнего возраста. И в 1936 году оно освоило грамоту на родном языке удэ. Охотничье-промысловыми артелями охватили все население по реке Катэн, Чукэн, Хор, Сукпай. С 1935 года организовалось село Гвасюги. А с 1936 года все артели объединились в одну артель — «Ударный охотник». А когда все удэ съехались в Гвасюги, стали жить в колхозе охотничье-промыслового профиля «Ударный охотник». Экономика колхоза подымалась. В селе были своя радиостанция, отделение связи, сберкасса, ясли-сад. В хозяйстве были коровы, лошади, пчелы. В личном пользовании было более 10 дойных коров. В колхозе все взрослое население было охвачено охотпромыслом, хозработами, работал шпалорез, строительная бригада делала дома летом, зимой занимались вывозкой леса. Огородов обрабатывали более 20 гектаров. Овощей, молока, рыбы, мяса хватало. А пушнина была дополнительным подспорьем.

В Великую Отечественную, когда мужчины были на фронте, всеми делами занимались женщины. Все хозяйство сохранилось. Люди трудились как муравьи.

В 60-е годы был организован Лазовский госпромхоз. Более трех лет госпромхоз добивался перевода колхоза «Ударный охотник» под свое крыло. Удэгейцы не давали своего согласия на ликвидацию колхоза. Последняя «экспедиция» из представителей органов госуправления убедила в «экономической выгоде» перехода тем, что пообещала получение гарантированной пенсии по старости, которой не было в колхозе. Как только колхоз «Ударный охотник» расформировали, был ликвидирован весь скот, прекращена обработка земельного массива. Только двум колхозникам дали пенсию по старости — 82 и 78 рублей в месяц. А последующим новым пенсионерам колхозный стаж отменили, и люди остались без государственной пенсии. Далее госпромхоз совершенно устранился от забот о населении удэ и всех людей в Гвасюгах. И теперь нет никакой надежды на стабильное развитие села. Происходит деградация. Госпромхозу и охотуправлению края нужна только пушнина. А люди совершенно в зачет не берутся».

Рыбачить или охотиться — все разобрано и расписано районной или повыше властью между другими, пришлыми людьми. Оттого так много в национальных селах судимостей — за браконьерство!.. Надо ведь дойти до таких высот уравниловки, перерастающей в никем не подписанный, но безусловный смертный приговор. Для аборигенов Дальнего Востока беспокойство об этнической пище — не из гастрономических причуд. Она стержень их здоровья.

Ощутимо прокатилась по Дальнему Востоку, по Приамурью стихия закрытий местных Советов в национальных

селах. Но разве же не унизительно жителям древнего села Сикачи-Алян во всем зависеть от соседнего села Малышево, где решать приходится даже столь знаменательную проблему, как установка нового штакетника. Оттуда же теперь возят и пригодную для питья воду. Захотели — привезли... Нет бани. Нет работы. Устроена «тапочная» мастерская для женщин...

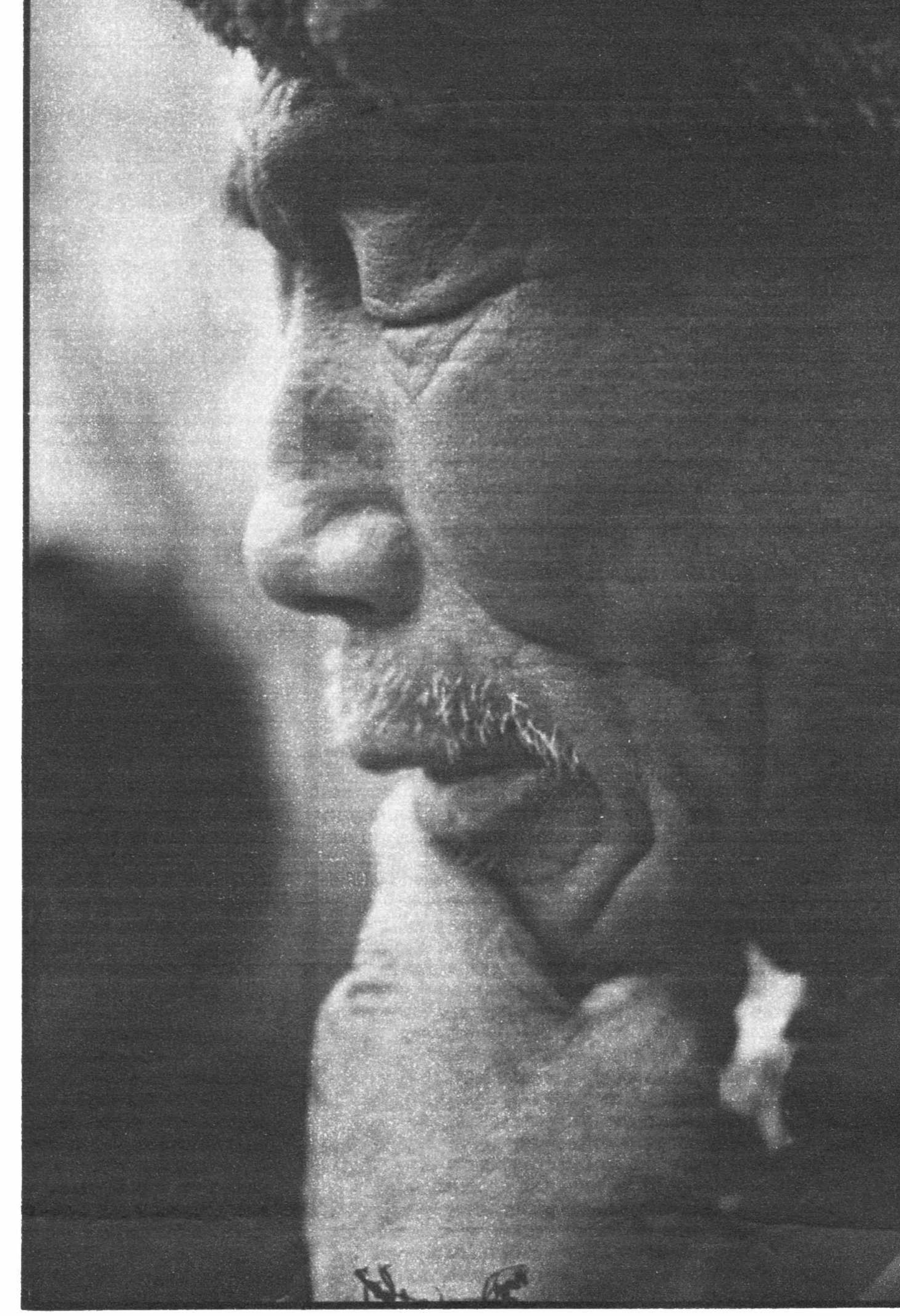
Обобранное и беззащитное село превратилось в дачную вотчину. Малышевский сельсовет умудрился даже продать под производственную дачку дом жителя Сикачи-Аляна, который отсиживал срок.

Село Рассвет тоже не имеет своего сельсовета. Он — в соседнем Арсеньеве. Это всего 800 метров непроходимой дороги. Преодолеть их даже летом трудно.

Само село — всего несколько домиков по улице Таежной. Здесь проживают 53 удэгейца и 6 нанайцев.

Первое, что бросается в глаза,— убогость жилищ. Дома были построены в 60-е годы к переселению с верховьев реки, из села Бира. С тех пор, кажется, ничего не ремонтировалось, потому что эти дома нигде не находятся на балансе. Полы из неструганых досок, некрашеные, проваленные. Отвалившаяся штукатурка на стенах. И, главное, никакой надежды на улучшение нет. Жилье

дают или ремонтируют только тем, кто работает в леспромхозе. Что же делать жителям Рассвета?

После жилья следующее удручающее впечатление — перебои со светом. Электроэнергии может не быть месяцами. А нет света — нет ни радио, ни телевидения. Поразительно: вот здесь, в трех часах езды от краевого центра, люди не могут даже послушать радио.

Хлеб возят из райцентра Троицкое. Местную пекарню никак не отремонтируют.

Жители села Рассвет справедливо возмущены таким отношением к их судьбе. И в разговоре с ними чувствовалась неприязнь. Людям в очередной раз уже не хочется ничего говорить очередному проверяющему. Вот побывал здесь первый секретарь райкома партии В. Ф. Васильев. И повел разговор о необходимости переселения удэгейцев из села Рассвет. Очередное переселение на жизни одного поколения.

Почему мы так легко решаем судьбы людей? Ну, переселили в 60-е годы из села Бира, которое было поближе к их самаргинским сородичам. Теперь и здесь не прижились. Так куда теперь? В Дубовый мыс? Вообще растворить анюйских удэгейцев среди другого населения? И тогда проблемы не будет?

Несколько цифр, которые характеризуют состояние этого народа. Известно, что туберкулез — болезнь социальная, характеризует не только состояние организма, но и бытовые, социальные условия. Так вот, по туберкулезу заболеваемость среди удэгейцев в 3 раза выше, чем по краю в среднем. Болезненность — в 4 раза выше. Ну, а смертность — в 50 раз выше краевых показателей.

В мае прошлого года мне довелось выслушать горький рассказ ученого-этнографа из Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения АН СССР Анатолия Федоровича Старцева:

— Дело в том, что за последние десятилетия лесоведомства практически вырубили массивы Уссурийской тайги. И сейчас прекратила существование иманская группа удэгейцев, живших в поселке Островном, в Красноармейском районе Приморского края. В этом районе осталось чуть больше ста человек. Но они уже не имеют единой территории. Рассредоточились малыми семьями по русским селам. Самое большое число — в селе Дальний Кут. Где-то около тридцати человек. Вокруг Островного полностью вырублена тайга. Село исчезло с лица земли.

Беда караулит уже и бикинских удэгейцев. Тоже большие рубки леса. И у самаргинских удэгейцев рубка подошла к окраине тайги. Дело осложнилось еще и тем, что Приморский крайисполком 29 декабря 1988 года принял решение о создании комплексного участка по переработке леса в бассейне Самарги. И начать строительство лесовозной дороги от Сукпая, расположенного в Хабаровском крае, через удэгейское село Акзу, вплоть до самого моря и по ней вывозить ежегодно 500 тысяч кубометров древесины из Самаргинского урочища.

Узнав об этом, самаргинские удэгейцы и стали обращаться во все инстанции. Первое время Приморский крайисполком их даже поддерживал. Но когда Верховный Совет дал согласие на то, чтобы сохранить тайгу, вот тогда Приморский крайисполком вдруг сам решил вести здесь рубку леса — ранее это должны были делать кубинские лесорубы. Подготовили даже ложные документы, оправдывающие то постановление, от 29 декабря, якобы именно самаргинские удэгейцы сами согласились на эти рубки и на строительство дороги и так далее. Однако удэгейцы заявили, что не хотят экономического развития села своего за счет вырубки тайги и просят оставить территорию за ними.

В очередном обращении в Верховный Совет, опять же к Михаилу Сергеевичу Горбачеву, они изложили свои требования. Одно из них: «Утвердить удэгейский сельский Совет единым хозяином территории с правом контроля всей хозяйственной деятельности». И далее они особо подчеркнули, что в целях сохранения национального быта и своей жизнедеятельности, а также во имя избежания нежелательных конфликтов местного населения с лесодобытчиками необходимо оградить бассейн Самарги от массовой вырубки леса. И этот пункт означает, что, когда сюда станут завозить технику, привозить лесорубов, удэгейцы выставят вооруженные пикеты. Если же эти люди приступят к рубке Самаргинской тайги, то удэгейцы прямо говорят: «Мы будем стрелять. Участники войны наденут свои боевые ордена и медали, наденут лучшие свои одежды и выйдут с оружием в руках отстаивать жизнь своих детей. Почему жизнь? Да потому что без тайги удэгейцу нет жизни».

Бремя спрессованного прошлым энтузиазма, высвобожденного народнодепутатским 1989 годом, сказалось со всеми достоинствами и издержками и на северянах. Всякого рода и толка общественные комитеты, советы, клубы, объединения обозначились по всему Дальнему Востоку. Программы, уставы, положения, обращения пестрят и перекликаются друг с другом. Мудрость смешивается с безумной поспешностью. Искренность — с примесью персонифицированной амбициозности.

Вот только беспокоит: потянуло знакомым дымком иллюзии, что все в порядке в решении «судьбы малых народов». Раньше все безмолвствовали. Теперь все шумят. Новое социально-политическое благоденствие. Очередное раскрытие возможностей...

Виктория ТОКАРЕВА

РАССКАЗ

ХЭППИ ЭНД

I

Всю субботу пекли пироги, а все воскресенье их ели. Пироги были с мясом, с капустой, с яблоками, с вишнями, с картошкой. И вот эти, с картошкой, пока горячие, были особенно вкусными. Эля съедала четыре штуки, желудок растягивался до того, что болела диафрагма, и вся она казалась себе переполненной, неповоротливой, как беременная бегемотиха.

Эля с ужасом и каким-то этнографическим интересом смотрела на стариков — родителей мужа. Они втягивали еду, как пылесосы. Потом отвалившись, в прямом смысле слова откинувшись на стульях, начинали кричать песню. Пели три поколения: старые Кислюки, сын и внук Кирюшка. И были окончательно счастливы. Особенно старуха. Да и как не радоваться? Время досталось лихое, попробовала и холодного, и горячего. Когда выходила замуж в тридцатом году, у нее не было нижнего белья. Рубаху и трусы сшила из плаката. На трусах — белые буквы масляной краской. Потом краска смылась, а буквы все равно читались. Что-то там «даздравствовало». Нищета, голод, только и радости, что молодые. Но молодость никак не чувствуешь, а голод подпирает до зелени в глазах. В тридцатые годы Украина голодала. В войну тоже голодали. И после войны в сорок шестом пришла большая засуха. Научились есть впрок: а вдруг завтра не будет?

Время для жизни выпало крутое, но чем труднее живется, тем ярче мечтается. И когда мечтали о светлом будущем, то мечта выглядела в виде стола, заваленного пирогами.

И вот они пришли, эти самые светлые дни, и вот пироги — с мясом, с вишнями, с картошкой. Сын Толик вырос, получил высшее образование и теперь на шахте юрист, сидит наверху, дышит свежим воздухом, не то что старый Кислюк — всю жизнь под землей, как крот, все легкие угольной пылью забиты. Внучок Кирюшка — красавчик и умник, ни у кого нет таких детей. Правда, на невестку похож, тощенький, как беговой кролик. Ну, да все равно, на кого похож. Главное, чтобы не отобрали. С появлением внучонка дом помолодел, живи себе, и умирать не надо. Так-то старости вроде и не чувствуешь, но времени впереди осталось мало. Раньше, бывало, время торопили, чтоб скорей прошло. А теперь дни летят один за другим, и за хвост не схватишь. Только что была зима, а уже лето. Раньше было: понедельник, вторник, среда, четверг,— а теперь: весна, лето, осень, зима. Ложишься спать и не знаешь, проснешься или нет. Однако две жизни не проживешь, выше себя не прыгнешь. Живое думает о живом. У Кислюков свой сад и огород — витамины круглый год. Откармливали свинью, держали индюков. Целый день забит с утра до вечера, успевай поворачивайся. Как потопаешь, так и полопаешь. Покрутился — взрастил. Взрастил — продал. Продал — заработал. Заработал — трать. Потратил — радуйся. И все сначала. И все в жизни понятно. Сам живешь, и детям помощь, слава богу, в карман к сыну не заглядывают.

Невестка все равно недовольна, сидит, будто репей в заднем месте. А чего недовольна, спрашивается? Из каких таких господ? Лучше бы еще тройку детей родила, пока не выстарилась. Но Кислючиха не вмешивается, с советами не лезет. Сын сам выбрал, сам пусть живет. А то еще разведутся, ребенка отберут, не приведи господи. Пусть все как есть, не было бы хуже.

Эля закурила.

— Не кури,— приказала Кислючиха.— Здесь ребенок, для него это пассивное курение.

— Да ладно,— вступился Толик.

Толик изо всех сил старался, чтобы Эле было хорошо у стариков, но у них был разный гонор. Мать все время упирала на слово «даром». Эле не нужны были ни пироги, ни старики, ни упреки. А Толику необходима была и Эля, и родители, и он крутился между ними, вибрировал душой и уставал от вибрации.

— Что значит ладно! Ты отец или не отец?

Эля поднялась, вышла из избы.

Смеркалось. Во дворе стоял стол. В столе — большая дыра для ствола старого дуба, и дуб как будто прорастал сквозь стол, раскинув над ним свою богатую крону. Возле стола, как холм из сала, дыбилась свинья. Эле казалось, что еще немного — и она превратится в такую же хрюкающую субстанцию с глазами, повернутыми внутрь чрева.

Все началось с того, что мать вышла замуж за Илью. И привела его в дом. Эля была уже студенткой второго курса текстильного института и привыкла быть у матери главной. А теперь стало двое главных — двоевластие и соответственно борьба за власть. Эта борьба не выражалась открыто, но существовала, как фон. Повышенная радиация. На этом фоне Илья передвигался по квартире, ел, пил, спал. У него была манера ходить голым по пояс в пижамных штанах. Из-под мышки торчал жесткий куст ржавых волос. А на груди и животе волосы были с проседью и курчавились. Илья шумно скреб живот ногтями, и если не смотреть, а только слушать, то можно подумать: корова чешется о забор. При этом Илья громко вопрошал:

— Жена, ты меня любишь?

Мать всхохатывала и двигалась по квартире с неуклюжей грацией, как цирковая лошадь, и при этом норовила случиться на пути Ильи, попасть ему под руку. Илья снисходительно брал двумя пальцами ее щеку и тряс. Это была ласка. Двадцатилетняя Эля считала, что любовь существует только для двадцатилетних, в крайнем случае для тридцатилетних. Но в пятьдесят... В пятьдесят это противоестественно и очень стыдно, и если уж такое случается, надо прятать, скрывать, ходить, опустив глаза долу, а не ржать победно, как лошади-ветераны.

Эля в знак протеста стала покупать себе отдельную еду. Илья простодушно подворовывал, а когда Эля заставала,— шастал из кухни, как крыса, жуя на ходу. И это в пятьдесят-то лет. В первый юбилей. Эля разговаривать с ним не желала, писала ему записки. Он тоже отвечал ей письменно. Мать разрывалась между двумя своими любовями. Кончилось все тем, что Эля ушла жить в студенческое общежитие.

В общежитии койки стояли тесно, как в больнице. Учились вяло, через отвращение. Думали и разговаривали только об одном. А Милка Никашина, кровать которой стояла у стены, купила в комиссионном японскую ширму и практически вышла замуж. И всем было мучительно неловко, когда за ширмой воцарялась напряженная живая тишина. Эля уходила из комнаты. Домой идти не хотелось. Податься было некуда, и она без цели бродила по улицам, заходила в кинотеатр «Арс». Кино тоже показывали про любовь, и Эле казалось, что все живое только и норовит притиснуться друг к дружке, и даже мухи, и те успевали совокупиться на лету. Мир сошел с ума.

Однажды в кинотеатре Эля познакомилась с Толи-

ком Кислюком. Он продал ей лишний билет. Толик оказался иногородним студентом с юридического и тоже жил в общежитии.

Белесенький, голубоглазый, голова яичком, ничего особенного. Замечательным в Толике было то, что он не лез. Приходил, как братик. Смирно сидел. Потом вместе отправлялись гулять. Эля любила прогулки, у нее была потребность в движении. Особенно не разговаривали, больше помалкивали, но возле Толика было тепло и надежно, как дома до прихода Ильи. Однажды они поцеловались, и Толик заплакал от невыносимости чувств. Потом стали целоваться постоянно, и, поскольку не было ничего лучшего, Эля его полюбила. Любовь имела снисходительный оттенок, но все же это была любовь. Толик был совсем ее. Сидел в Эле по самую макушку и не хотел вылезать. А свое отдавать жалко в чужие руки, и Эля вышла за него замуж.

Сначала сняли комнату, потом угол. Нищета замучила. А тут еще Кирюшка родился. Мать звала к себе, рисковала личным счастьем. Но Кирюшка был такой тощий и синий, что бог с ним, со счастьем, лишь бы выжил. Эля жертвы не приняла, и все кончилось тем, что бросила институт и укатила в город Летичев. Одно название, что город. Его, наверное, и на военных картах не обозначают. Куры ходят по дороге. Один универмаг, один кинотеатр. Это была родина Толика. Здесь жили его старики. А Толик — человек стабильный, все имел в одном экземпляре: одна любовь, одна родина, одна жизнь...

Эля выбросила сигарету. Сигарета попала на свинью. Свинья колыхнула груду жира и хрюкнула. Воскресенье было на исходе.

Завтра понедельник. Потом вторник. Среда — середина недели, и скоро пронесутся четверг и пятница. В субботу печь пироги, в воскресенье их есть. И это все. И больше ничего не покажут... Вышел Толик, остановился за спиной.

— Хочешь, Кирюшку к себе заберем, а то мальчик от нас отвыкнет? — виновато спросил Толик.

— Отвыкнет, потом привыкнет, опять отвыкнет. У него вся жизнь впереди...

Эля стояла чужая, жесткая. Толик испугался, прижал ее двумя руками, чтобы приблизить. Он прижимал ее и трясся, как цуцик на морозе. Эле стало его жалко. Она его любила. Правда, любовь постепенно принимала крен ненависти, но все же это была любовь.

Свинью накрыло сумерками. Воздух был напоен близким лесом и рекой. В мире покой и нежность, и хорошо знать, что так будет завтра, и невыносимо знать, что так будет завтра. Сердце рвалось на части. А все Илья. Не было бы Ильи — не случилось бы ни Толика, ни Летичева.

В понедельник Эля отправлялась на работу. Она шла по единственной в городе, а потому главной улице и знала, что во всех окнах прилипли носами к стеклам, рассматривают, во что она одета, и подсчитывают, сколько стоит каждая вещь.

А если по улице шла разведенная тридцатилетняя Верка, ту оглядывали с гораздо большим пристрастием, разыскивая на Верке место, куда можно поставить клеймо. И выходило, что некуда. По мнению летичевцев, на Верке негде клейма ставить. Эля знала Веркину жизнь: никого у Верки не было, молодость уходила, как дым в трубу. Просто, раз разведенная, значит, вне крепости и по закону стаи можно пинать.

Универмаг — единственное в городе двухэтажное здание. Кабинет Эли находился на втором этаже. Она работала товароведом. Весь дефицит оседал у нее.

К двадцати пяти годам Эля расцвела: кудряшки, глазки, талия. Красота двадцатипятилетней женщины — еще одна, дополнительная власть, такая же мощная, как дефицит. Стало быть, у Эли две власти. А толку чуть. Вот если бы попасть в Москву. «В Москву, в Москву» — как чеховские три сестры. Москва отсекла бы ее от пирогов, и от сплетен, и от свекрови. В Москве можно встретить знаменитость или миллионера и уехать в Америку. Сфотографироваться на фоне небоскребов и прислать фотокарточку Илье. «Вот смотри, где ты и где я». Как пели в детстве: «Я на аэроплане. Ты в помойной яме».

Из окна Элиного кабинета — вид на почту. Возле почты молодые парни. К штанинам пришиты кольца от занавесок. Ковбои.

Постучал в дверь, а потом вошел директор школы Николай Анисимович, смешной мужик, некрасивый, как будто сделанный из собаки. Протянул конверт с благодарностью в глазах. Благодарность так и искрится. Эля помогла достать его жене плащ на искусственном меху: и тепло, и непромокаемо по вызовам бегать. Эти плащи давно из моды вышли, а им мода не указчица.

Эля дождалась, пока он отыскрился и вышел из кабинета. Заглянула в конверт. Там лежали два билета на концерт по рубль восемьдесят каждый. На другой стороне билетов было написано «Товарищ кино». Это значило: в Летичев приехали киноартисты, не очень знаменитые. Знаменитые — те по заграницам.

Эля вздохнула. Она еще не знала, что Николай Анисимович вручил ей судьбу в конвертике. Так это и бывает. В один прекрасный день приходит совершенно посторонний человек, вручает конверт, как будто переводит стрелку на путях. И с этой минуты твой поезд катится уже по новым рельсам и ничего от тебя не зависит.

Вышел крепкий, жизнерадостный старик, бодро прокричал приветствие в стихах. Все захлопали и даже засвистели от восторга. Зал на пятьдесят процентов состоял из молодежи, их души были готовы к счастью и доверию, что ни покажи. Свет потушили. На экране выпрыгнул из окна и побежал по крыше соседнего дома молодой чекист. Вот он покатился, но зацепился за трубу и тут же, использовав трубу как прикрытие, стал отстреливаться, глаза сумасшедше-веселые от отваги. Эля вспомнила, что видела этот фильм в третьем классе, когда еще не было Ильи и они жили с мамой.

Свет зажегся, и на сцену вышел артист живьем. Между тем и этим лежали пятнадцать лет жизни. Казалось, что того, молодого, взяли за ноги и провезли по асфальту лицом вниз и все лицо стерли. А потом перевернули лицом вверх, провезли на спине и стерли на затылке все волосы. Жизнь повозила человека. Однако зал встретил его с восторженной благодарностью, прощая ему вытертость и проецируя на него того, прежнего.

Эля заглянула в программку, чтобы познакомиться с фамилией. Прочитала: Мишаткин. Разве можно выбиться с такой фамилией? Вот раньше актеры звучали: Остужев, Качалов, Станиславский. А тут какая-то мультипликационная фамилия: Мишаткин. Поменял бы на Медведева, и то лучше. Мишаткин подошел к микрофону, взялся за него рукой, качнулся и чуть не упал в оркестровую яму. Но устоял. Посмотрел в зал простодушным, каким-то мишаткинским взглядом и сказал:

«Выхожу один я на дорогу, сквозь туман кремнистый путь блестит. Ночь тиха, пустыня внемлет богу, и звезда с звездою говорит».

Эля вспомнила, что это стихи Лермонтова, но Мишаткин читал их как свои, даже не читал, проговаривал, как будто он только что их сочинил и пробует на слух. Все остальные артисты, которых Эля слышала в своей жизни, читали классику торжественно, будто на цыпочках, делая царственный голос, вибрируя голосом и бровями. А этот вбирал Лермонтова в себя, и получалось, что он и Лермонтов — одно и то же.

В небесах торжественно и чудно!
Спит земля в сиянье голубом...

У Эли замерла кожа на голове. Как точно. Как собираются простые слова в единственно возможное сочетание. И какой космический размах! Голубое сияние вокруг Земли увидели космонавты в середине двадцатого века, а Лермонтов за сто лет увидел своим прозрением. Что значит гений. Эля тоже вчера стояла одна, пусть не на дороге, на крыльце. В небесах тоже было торжественно и чудно, но она даже головы не подняла. Что она увидела? Свинью под деревом, и больше ничего.

«Что же мне так больно и так трудно? — еще тише, чем прежде, спросил Мишаткин.— Жду ль чего? Жалею ли о чем?»

Эля заплакала. Толик взял ее за руку. Но что Толик...

«Уж не жду от жизни ничего я,— просто сказал Мишаткин, без сочувствия к себе.— И не жаль мне прошлого ничуть».

Мишаткину было себя не жаль, но ковбоям в зале стало за него обидно. Притихли.

Эля вдруг отчетливо ощутила свою причастность к великим. Она тоже вместе с Лермонтовым и Мишаткиным — тоже хочет забыться и заснуть, но не тем холодным сном могилы, а до лучших времен. До Москвы. До Америки.

Мишаткин проснулся от отвращения к жизни. Обвел глазами комнату. В ней было много коек. В Мишаткине метнулся ужас: не в сумасшедшем ли он доме? Но возле зеркала стоял коллега, артист Минаев,— тридцатилетний красавец,— разглаживал лицо массажным утюжком. Может, и Минаев сошел с ума, рехнулся на своей красоте, но маловероятно. Минаев — это маленькая фабрика, работающая на себя. По утрам пьет теплую воду и бежит десять километров, в какой бы части света он ни находился. Даже в Париже, проснувшись поутру в отеле,— стакан теплой воды из термоса и пять кругов по Елисейским полям. Что бы ни происходило в жизни, даже если, не дай бог, конечно, объявили бы войну, Минаев опрокинет стакан воды, смоет шлаки с пищевода — и в путь за силой, здоровьем и красотой. Что ж, его можно понять: снимается голый по пояс, вся страна видит его накачанную грудь, его зубы один к одному, его волосы — упругие и блестящие, как шерсть у здоровой собаки, такой он весь Бельмондо а-ля рюсс, и жена — красавица, и ребенок — красавчик, а к ребенку теща бесплатная, машина «Жигули» последней модели, родители подарили, квартира государственная. Все у него есть, и все бесплатно.

У Мишаткина жгло в груди от отвращения и обиды. Как он начинал пятнадцать лет назад. Второй курс института — и главная роль. В автобус было не войти, все узнавали. Приходилось на такси ездить, таксисты денег не брали. А потом — как обрезало. Выпал из воза. И никто не спохватился. Мишаткин мгновенно взошел и мгновенно погас, как огонек, пущенный из ракетницы. Теперь приходится ездить «по огородам», в поте лица зарабатывать хлеб насущный. Минаев ездит из жадности, а Мишаткин — из нужды. Уходит его время. Да что там говорить, ушло. Мать внуков просит, хочет кого-нибудь любить, заботиться. Надоело ходить за сорокалетним сыном, переживать один и тот же страх, что пьяного заберут в милицию, а там побьют. Был такой случай, гнули его в милиции, это называется у них «делать салазки», чуть спину не сломали. Не сказать, чтобы ни за что, распустил язык до плеча, а может, и руки, но ведь не спину же ломать. И вот всю жизнь так: провинился на копейку, а отвечай на рубль. Мать с тех пор боится, как его нет поздно — всех обзванивает. Сначала стеснялась, а потом уж и перестала. От такой жизни все притупляется, и совесть в том числе. Жалко мать. У Мишаткина на глазах выступили слезы. У матери своя жизнь не сложилась, все надежды на сына. А сын... Какую старость он ей уготовил, ни одного спокойного дня у человека. А какая натура, сколько детского простодушия, доверия к жизни, любви к людям. Каждого умеет понять, каждый ей интересен, все-то у нее гении и красавцы, не то что мамаша Минаева — две задницы вместо одной. Одна там, где у всех, а другая там, где рот. Только откроет, и потекло рекой, сыночка встречает и провожает на собственной машине, всю жизнь любовника имеет в придачу к высокооплачиваемому мужу, сын положительный, не пьет. Ну почему так? Одним все, а другим ничего? И те, кому ничего, нисколько не хуже, а лучше тех, кому все. Мишаткин талантливее, чем Минаев, даже смешно сравнивать, а тем не менее Минаева во все фильмы суют, правда, на эпизоды, но все равно намелькался, и денег как у дурака махорки. Мишаткин застонал от несправедливости. Слабо позвал:

— Валера...

Минаев услышал, но не обернулся. Промолчал, разглаживая щеку.

— Валера, сходи, а... Будь человеком...

Мишаткин был убежден: если уж так случилось в жизни, что Минаеву все, а ему ничего, то пусть он за это хотя бы сходит в магазин и принесет хотя бы самого дешевого портвейна.

Мишаткин-то был убежден, но тон все равно вылез просительный, зависимый, а когда один ощущает зависимость другого, то обязательно кочевряжится.

— И не подумаю,— отрезал косым ртом Минаев.— Я тебе не мальчик на побегушках. И вообще... Всю ночь шастал, пил, гремел, блевал. Я не выспался, а мне целый день работать. Три концерта.

— Так и у меня три концерта. Странный ты человек,— подивился Мишаткин. — Только о себе думаешь.

— Скажу Большаковой, пусть нас расселит. Я после гастролей как с войны возвращаюсь. Никаких денег не захочешь.

— Сходи...— простонал Мишаткин.

Минаев не ответил. Они были разными людьми, взаимоисключающими друг друга. Минаев считал, что Мишаткин — нормальный эгоист, довольно распространенный в современных условиях тип сорокалетних сироток. Можно разложить свои жизненные обязательства на всех вокруг: на родных, на друзей, на первого встречного, а самому сидеть сложив ручки и идти ко дну. Тело запущено, душа запущена, и всем вокруг жалко: ах, непонятый талант, хрупкая душа... Нормальный халявщик. Жить на халяву, пить на халяву... Отстреливать таких и зарывать на десять метров в глубину. Каждый раз, вернувшись с гастролей, Минаев отмывался в ванной от этих Домов колхозника, от Мишаткина, отмахивался от воспоминаний, как лошадь от слепней. Но, оказавшись через какое-то время на гастролях, искренне радовался встрече и селился вместе. Он его по-своему любил. За что? Может быть, за выгодный фон. Ни с кем и никогда он не чувствовал себя таким полноценным. Минаев знал все его безобразия, понимал, что им движет, и не боялся. А Мишаткин, в свою очередь, тоже знал, что хоть Минаев и скотина бесчувственная, но в трудную минуту не бросит, надо только проявить настойчивость.

— Валера...— слабо позвал Мишаткин, полностью отказавшись от амбиций правого человека.

В дверь постучали. Минаев торопливо сунул утюжок под подушку и открыл дверь. На пороге стояла молодая блондинка под Мерилин Монро. «Материал хороший, но работы много»,— определил про себя

Рисунок Олега ВУКОЛОВА.

Минаев. Он привык, что провинциалки падают на него пачками. Иногда это бывает кстати, а иногда нет, как сейчас. Блондинка вежливо поздоровалась и спросила:

— А можно Игоря Мишаткина?

Мишаткин поднял одеяло к самым глазам.

— К вам можно, Игорь Всеволодович?— хорошо поставленным голосом спросил Минаев.

Мишаткин обомлел. Блондинка не стала дожидаться, пока он разомлеет, вошла и села возле кровати, как врач возле больного.

— Меня зовут Элеонора Александровна,— представилась она.

Ее имя показалось обоим артистам длинным, состоящим из гласных, мягких «л» и ярких «р». Как музыка.

— Очень приятно, — хором сказали Минаев и Мишаткин, и это было правдой.

— Я вчера подошла к вам после концерта поблагодарить, но вы спешили и попросили прийти меня сюда, — напомнила Элеонора Александровна.— Я понимаю: вы пригласили из вежливости. Но мне это надо. А может быть, и вам.

Мишаткин ничего не понял: кому надо, кто подходил, куда торопился. Он напряг память, но тут же заболела голова, застучало в затылке и еще мучительнее захотелось выпить.

«Может, ее послать за бутылкой?»,— подумал он, и в глазах обозначилась надежда.

— Я пришла сказать вам «спасибо». Вы вчера заставили меня пережить незабываемые минуты.

Слова были жалкие, не то что у Лермонтова. Но Эля заметила, что большие, глубокие чувства выражаются такими вот затертыми словами.

— Я пришла сказать: вы нужны людям. Вы несете культуру в массы...

«Сейчас попрошу»,— приготовился Мишаткин и стал ждать, когда Элеонора Александровна закроет рот.

Но она все перебирала губами — розовыми и поблескивающими, как леденцы.

— Я хотела принести цветы. Но цветы дарят женщинам. Я принесла вам суровый, мужской подарок.

Эля отдернула на сумке «молнию» и достала пузатую бутылку с обширной бархатно-черной этикеткой, где золотыми латинскими буквами было написано «Наполеон».

Мишаткин почувствовал, что сердце его на мгновение остановилось, потом заскакало в два раза быстрее. Он мог просто умереть от радости. В конце концов неожиданная, неподготовленная радость — это тоже сильный стресс.

— А давайте прямо сейчас и выпьем, — вынес предложение Мишаткин и сел на кровати.

— Ты хоть оденься, — напомнил Минаев.

— А... да...— Мишаткин засуетился руками под одеялом.

Блондинка деликатно отвернулась.

— А у вас тут что, французские коньяки в свободной продаже? — спросил Минаев.

— Это мне подарили, — бесхитростно созналась Эля. — Мне все время бутылки дарят, а я не пью. У меня на работе целый бар скопился. Я держу для подарков, с рабочими рассчитываюсь, когда надо...

— А где вы работаете?

— В торговле.

Минаев глубокомысленно покачал головой. Это был его контингент. Он пользовался успехом у про-

давщиц, официанток и проводниц. Но Элеонора Александровна смотрела спокойно, незаинтересованно. Обидно даже.

Мишаткин тем временем искал рубаху, но так и не нашел. Надел пиджак на майку.

— Ты что, в таком виде собираешься пить французский коньяк? — осудил Минаев. Он подошел к другу и включился в поиски рубашки. Наконец рубашка была найдена — завалилась за тумбочку, но не пригодна к употреблению. На груди — какая-то засохшая субстанция, величиной с обеденную тарелку. То ли сам облился, то ли его облили. Трудно вспомнить. Мишаткин озадаченно смотрел на обесчещенный фасад своей выходной вещи.

— А как же ты будешь выступать? — поинтересовался Минаев.

— Дай мне рубашку, Валера,— попросил Мишаткин.

— У меня всего две.

— Вот и хорошо. Одна мне. Другая тебе.

— Какой ты щедрый...

— Постесняйся,— благородным тембром урезонил Мишаткин.— Что Элеонора Александровна подумает об артистах? Подумает, что артисты — жлобы.

Минаев мог бы ответить, что его не интересует постороннее и совершенно неавторитетное для него мнение, но в этот момент Элеонора Александровна промолвила:

— Одну минуточку...— Наклонилась над своей сумкой и вытащила оттуда новую рубашку в целлофановой упаковке.

— Это Индия. Стопроцентный хлопок,— прокомментировала она.— Тридцать девятый размер воротничка.

Размер был мишаткинский. И воротничок самый модный.

— Они недорогие, но редко бывают,— пояснила Эля.— Я стеснялась вам это отдать. Очень бытовой подарок. А вы человек необыкновенный...

Эля протянула ему рубашку. Мишаткину на секунду показалось, что у него белая горячка. Потому что в реальности так не бывает. В реальности все женщины, которые случались на его пути, предпочитали взять, а не отдать. Им казалось, что весь мир у них в долгу. А его первая жена, самая красивая девочка на курсе, даже отказалась ходить за хлебом. Она считала: раз она такая красивая — нечего ей в булочную ходить. И вдруг... пришла своими ногами, приплыла золотая рыбка. Мишаткин даже забыл на какое-то время о реальной возможности выпить, о чем он никогда не забывал.

— Послушайте,— прочувствованно и трезво сказал он,— какое счастье встретить такую женщину, как вы.

— А таких больше нет,— ответила Эля, незаметно наводя порядок на столе.— Каждый человек в одном экземпляре.

— Значит, какое счастье встретить вас,— поправил друга Минаев.

— Да,— серьезно подтвердил Мишаткин.— Какое счастье встретить вас.

Вечером Эля снова сидела на концерте, уже без Толика и в кулисах. Гастрольная бригада «Товарищ кино» привыкла к тому, что в разных городах в кулисах то и дело появляются молодые девушки, как их называли, «карамельки». Эля испытывала некую неловкость от своего «амплуа», от скрыто-насмешливых, любопытных взглядов, но ничего не могла сделать. От нее мало что зависело. Поезд судьбы уже шел и набирал скорость.

После концерта Минаев гулял по свежему воздуху, создавая тем самым другу условия. Эля, оставшись с Мишаткиным вдвоем, пыталась сначала на словах, а потом и на жестах объяснить, что она «не такая». Еле ноги унесла и ушла, возмущенная до глубины души. А еще Лермонтова читает: «пустыня внемлет богу». Никто никому не внемлет. Пустыня — в душах и в сердцах.

Три дня Эля не появлялась на мишаткинском горизонте. А поезд все равно стучал колесами, куда денешься. В конце третьего дня Эля пришла на концерт, сидела в партере. Знакомая завклубом принесла ей стул, так как все места были заняты. Половина города пришла по второму и третьему разу.

Мишаткин на сцене не появился. Эля нашла Минаева за кулисами. Тот сказал, что Игоря Всеволодовича разбил радикулит. Так и сказал: разбил.

Эля не стала дожидаться конца представления, пошла в Дом колхозника.

Мишаткин лежал один, затерянный в кроватях, как в муниципальной больнице для бедных. Он был похож на революционера, умирающего от чахотки: запавшие щеки, большие глаза с блеском благородной идеи. В Эле шевельнулось неведомое ей прежде чувство сподвижницы. Мишаткин не отрываясь смотрел на сумку. Эля отдернула «молнию» и достала свекровины пироги: с мясом, с капустой и с яблоками. Положила на салфетку, которая тоже была в сумке. Мишаткин тут же стал есть, держа кусок двумя руками, и был в этот момент похож на мальчика с картины «На побывку к сыну». Эля смотрела, как он широко кусает, жует с опущенными глазами, и вдруг осознала, что он без нее пропадет.

В том, что произошло между ними чуть позже, Эля ничего не поняла. Она поправляла перед зеркалом прическу и чувствовала себя курицей, попавшей под поезд. Но то, в чем она не разобралась, не имело в данном случае никакого значения. Она уважала в Мишаткине его божественный талант, а все остальное не важно. Уходя, оставила банку индийского апельсинового сока. Минаев, вернувшийся с концерта, заявил, что состав консервированного сока: цедра, пульпа, сахар, кислота, консерванты — вредны для желудка. В них есть все, кроме самого сока. Но Минаев циник, это у них семейное. Он все может принизить, даже обычную жестяную банку сока, прибывшую из далекой и жаркой Индии.

Толик смотрел по телевизору футбол, когда Эля сказала ему, что хочет развестись и уехать в Москву. Толик не пошевелился, продолжал смотреть еще напряженнее. Эля удивилась, понаблюдала за мячом, он гоняли по полю две конкурирующие команды, но не заметила ничего такого, что было бы важнее, чем крах семейной жизни.

Эля внимательно всмотрелась в мужа и увидела, что его лицо поменяло цвет. Оно стало серым, как лист, пролежавший всю зиму под снегом. Эля поняла: его неподвижность — это драматический шок, реакция на ожог, травму, несовместимую с дальнейшей жизнью.

— Фиктивный! — громко крикнула Эля, пробиваясь через шок.— Фик-тив-ный...— по слогам повторила она, чтобы по порциям влить смысл в его парализованное сознание.

Толик по-прежнему смотрел в телевизор, но Эля видела: он доступен пониманию. Горячо, искренне, убежденно стала объяснять смысл слова «фикция»: она пропишется в Москве, а прописавшись, разведется, отсудит площадь и вытащит его, Толика, с сыном в столицу.

Эля так убеждала Толика, что поверила сама. А в самом деле? Почему одни могут жить в столице, а другие — по огородам? Почему нельзя жить там, где хочешь? И если закон ставит препятствия, то можно найти способы эти препятствия обойти или через них перелезть.

Толик по-прежнему смотрел на футбольное поле, но в его лицо стали возвращаться краски. Он верил жене, потому что никогда не врал сам и еще потому, что верить легче. Если верить, то можно жить дальше. А если не верить, то нельзя.

— А зачем нам Москва? — спросил Толик.— Нам что, здесь плохо?

— Мне плохо,— сказала Эля и заплакала.

Толик понимал, что в Москве ему делать совершенно нечего. Здесь оставались его родители и друзья, то, что называется родные и близкие, охота и рыбалка, работа и вечера, люди и земля, кусок земли. Вне этого он ничто. Но Толик внутренне согласился быть ничем. Пусть лучше будет плохо ему, чем ей.

— Ладно,— сказал Толик.— Делай, как хочешь. Я на все согласен.

Эля заплакала еще сильнее. В Толике все заметалось от невыносимости чувств. Он пошел на кухню и стал мыть посуду, чтобы как-то переключиться. Эля подошла к нему и молча стала вытирать тарелки. Они все делали в четыре руки, и казалось, что даже воздух между ними напоен прощальной нежностью.

На другой день сидели у стариков. Кирюшка весь оброс белыми волосами, как пастушок. Глаза большие, ноздри круглые. Характер спокойный, весь в Толика. Кислюковское семя.

Толик сообщил родителям их жизненные планы, напирал на слово «фиктивный» и так же, как Эля, вытаращивал от искренности глаза. Старый Кислюк, однако, не мог взять в толк: зачем куда-то уезжать, зачем обманывать государство, да еще на таком святом участке жизни, как семья? А ушлая Кислючиха сразу все усекла, но убиваться не стала. Для нее было главным в этом вопросе, чтобы невестка не забрала внука. Но об этом даже не было речи. Стало быть, Кирюшка не нужен своей мамочке-вертихвостке. И слава богу. И пусть едет. Ее сын-красавец не засидится при таком мужском дефиците в поселке. Вон Верка-разводушка первая отхватит, а чем она хуже этой. Ничем. Даже лучше. Зад, как телевизор «Рекорд». Пятерых нарожает. Намучилась в прежней жизни, теперь будет семью ценить, а не вихриться по столицам, по фиктивным замужествам.

Эля посмотрела на свекровин рот, сомкнутый курьей гузкой. Поднялась. Вышла на крыльцо. Лето стояло в самом расцвете, как ее жизнь. Пахло яблоками. У свекрови летние сорта бело-розовые, отборные, хоть рисуй. Еще неизвестно, что ждет ее там. Но главное — не ТУДА, а ОТСЮДА. Вышел Толик и сказал:

— Я буду ждать.

Свадьбу справляли в Доме кино. Гостями были только Минаев с женой Катей. Ничего не подарили, потому что Минаев оплатил столик. Это и был его свадебный подарок.

Катя Минаева поражала необычностью красоты: рост, как у баскетболистки, плоская — ни спереди, ни сзади, нос на семерых рос, а глаз не оторвать. Женщина из будущего. А Эля со своими пакляными волосами казалась себе женщиной из вчера и даже из позавчера, с тех послевоенных открыточек, где два целующихся голубка. Эля переживала. На ее темную юбку налип пух от кофточки. Вид был неопрятный, как будто ночевала на мельнице, на мешках с мукой.

Казалось бы, радуйся. Сбылась мечта. Но радости не было. С одной стороны, она в Москве. Квартира — на Патриарших прудах, замужем за Игорем Мишаткиным, в дипломе которого написано «артист кино».

С другой стороны, квартира хоть и в центре, но в коммуналке. Помимо них, еще семья: пожилые брат и сестра. У брата в недавнем прошлом был инсульт, мозги попортились. Ходит, ногу тащит, на лице недоуменное выражение. Время от времени сестра выгоняет его в коридор, он прогуливается, набирается впечатлений. Слева кухня, ванная комната, туалет. Справа у стены стоит сундук, накрытый старым ковром. Над сундуком телефон, к телефону на ниточке привязан карандашик. Брат прогуливается, смотрит по сторонам. Это его Елисейские поля. Иногда из него исторгается звуковой взрыв, этот взрыв толкает его вперед, и он, как реактивный самолет, пробегает несколько шагов. Потом останавливается и продолжает смотреть по сторонам с еще более недоуменным выражением.

Новая свекровь, Нина Александровна, любит этого реактивного братца, называет его «голубчик». Нина Александровна родилась в 1910 году и вынесла из тех предреволюционных времен выражения: душенька, голубчик, «на все воля божия».

У нее на все воля божия. Живет на пенсию, из расчета сорок три копейки в день. Как в тюрьме. И ничего. «Не мы первые, не мы последние». Отрезали три четверти желудка — «ну что ж, пожила». Мужа убили на войне — «как у людей, так и у нас». Сын спивается — «ему нужна разрядка». Покорность судьбе. Не то что Кислючиха. Она в этих условиях развела бы кроликов на балконе: мясо на базар, шкурки государству. Нина Александровна — человек непрактичный, птичка божия. До полночи сидит на кухне, газеты читает, боится в комнату войти. Молодые ложатся спать, а комната одна. Могла бы смело входить. Молодые невинно спали, лежа на боку, в одну сторону, как ложки в подарочной коробке.

Эля подозревала, что поезд судьбы завез ее куда-то в тупик...

За соседним столом сидел народный и заслуженный, толстый, как беременная баба, волосы сальные. Однако сидел королем: всё для него и все для него. Он скучным взглядом обвел Элю, как покупал. Но не купил. Отвел глаза в сторону.

В чем его козыри? Талант. Но талант есть и у Игоря, только об этом никто не знает. Надо, чтобы узнали. Игорь сидел и крепился изо всех сил, чтобы не напиться, но в конце концов напился все равно.

Эля положила его руку себе на плечо, повела из зала, как раненого бойца с поля битвы. На выходе из зала Игорь выпал из-под ее руки и свалился на стол, за которым сидели иностранцы. Пожилая американка посмотрела на Элю повышенно доброжелательно, и Эле показалось, что ее муж где-нибудь в штате Огайо тоже надирается до чертиков. Половина планеты в свиньях, половина в алкашах. А где живут?

Минаевы уехали на первом попавшемся такси. Эля осталась одна, если не считать Игоря. Но Игоря можно не считать. Он не стоял на ногах, вместо опеки стал нагрузкой.

Эля посадила его на ступеньки какого-то учреждения. Голова не держалась, падала вперед и вбок. Эля собрала пальцы в кулечек и подставила таким образом, чтобы нос утопал в кулечке. Голова оказалась зафиксирована в одном положении. Игорь клевал носом в прямом и переносном смысле этого слова. Дремал.

Потом очнулся на морозе. Увидел Элю рядом. Сказал ей просто и трезво:

— Если бы ты знала, как тяжело быть никому не нужным.

— Ты мне нужен,— возразила Эля.— Я у тебя есть.

— При чем тут ты? — горько возразил Игорь.— Меня нет у меня.

— Как это при чем...— растерялась Эля.— Я ехала... Я...

— Зря ты ехала. Я тебя обманул. Я тобой спасался.

— Я помогу тебе.

— Бесполезно. Я ничего не хочу. И вообще ничего не надо. Тебя не надо. И жить не хочется. Маму жалко.

(Окончание следует.)

СЕСТРА МОЯ...

Елена КРЮКОВА

* * *

Закуплю в магазинах нехитрую
снедь.
Вот автобус, набитый битком,—
Добежать, задержать,
протолкнуться, успеть,
Сжать ругательство под языком!

Я — страницею в книге твоей,
Бытие!
Строчка — праздник.
Строчка — страда.
А под бархатом плащика —
тело мое.
Обнаженное,
как всегда.

Как его ни купаю под душем тугим,
Как ни прячу в поземку белья —
Остается оно беззащитно нагим
В зимнем мире, где кутаюсь я!

И когда распахнется метрошная
пасть,
Отрясу я с кудрей
белый прах
И подумаю:
только бы мне не упасть
На высоких моих каблуках.

Горький

Ольга ПОСТНИКОВА

ПРОВОДЫ

Когда родные лес и поле
Дождутся зелени своей,
Не оттого ли столько соли
На стенах старицких церквей,

Не оттого ли столько влаги
От материнских долгих слез,
Что снова к воинской присяге
Своих детей народ повез...

И едут крытые машины
Под крик беременных невест.
Не оттого ль красу лещины
Печаль, как пяденица, ест...

Не дай вам боже стран далеких...
Не оттого ли с городца
Вам вслед летят-летят сороки,
Вещуньи счастья и венца!

КРИВАЯ ИЗБА

В избу люду понабилось,
Обломился перевод,
Чтоб стерпелось, чтоб слюбилось,
Свадьбой тешился народ.

Не на нашей было свадьбе,
Мы не венчаны с тобой,
На запаханной усадьбе
Приголублены судьбой.

Оба были бобыли,
В угол брошенный пришли,
Не могли налюбоваться,
Наглядеться не могли.

Сели мы под образа,
И растеплились глаза,
Чтоб друг друга не бояться,
Нас баюкала гроза.

Скособоченной избой
Мы повязаны с тобой,
Где бока печные светлы,
Где наличник голубой.

Видно, просто нужен дом
Да три грядки под окном,
Да бесхитростные ветлы
Над канавой, над прудом.

Москва

Лариса ПРАЙСМАН

* * *

Сестра моя,
мы выдуманы мудро:
Когда душа холодной тьмы хлебнет,
Ребенок,
заворочавшись под утро,
Ее окликнет сонно —
и вернет.

Сестра моя, быть женщиною —
кстати!
Ты говоришь, нет сил, и в горле
ком,—
А он стоит,
растрепанный,
в кровати
И трет глаза холодным кулачком...

ВОСКРЕСЕНЬЕ

Так сладко дождь стучит
по крыше,
И так спокойно дочка дышит,
И так наполнена душа
Дождем,
ребенком,
воскресеньем —
Весенним пасмурным весельем...
Жизнь холодна и хороша!

А прежде
как была свободна!
Страдай, пиши
когда угодно! —
Не то чтоб лень,—
а не могла...

Как будто впрямь под небом талым
Кастрюль и плача не хватало
Душе,
чтоб голос обрела.

Ставрополь

Ольга ДЕНИСОВА

* * *

То не служба в храме божием,
не певчие поют.
В музыкальной школе ангелы
экзамены сдают.
Разлетаются их платьица
крылышками на плечах.
Верно, и они поплатятся
за небесный свет в очах.
Что кому из них достанется?
В райских кущах нас встречать,
одиноко в башне маяться
или колыбель качать?..

* * *

Зима. Труба. Картонный дым
над крышей.
Я на огни морозные иду.
Я выгляжу навязчивой и лишней,
демонстративно верящей в беду.
По снегу белому, по этой зыбкой
глади,
с вмерзающим в ладонь мою
кольцом,
с непобедимой гордостью во
взгляде,
наверное, с обиженным лицом,
куда иду? А вам какое дело?
Мне нравится мой одинокий путь.
Там за спиной — все так
осточертело!
Смогла уйти — приду куда-нибудь.

Ижевск

Инна КАБЫШ

* * *

Ю. Р.

Если поезд ушел, надо как-нибудь
жить на вокзале:
в туалете, в буфете, под фикусом
пыльным, у касс,
ибо нам небеса это место и век
навязали,
как вовек полагалось верхам:
не спросивши у нас.

Надо ставить заплатки на платья
и ставить палатки,
разводить не руками, а кур,
хризантемы, костры,
и Писанье читать, и держать свою
душу в порядке,
и уехать хотеть за троих,
то есть как три сестры.

И кругами ходить, как в тюрьме,
по сквозному перрону,
и понять, и проклясть,
и смириться, и все расхотеть,
и без зависти белой смотреть
на дуреху ворону,
что могла б и в Верону
на собственных двух улететь.

И на этом участке планеты дожить
до рассвета,
и найти себе место под крышей и
солнцем в виду
раскуроченных урн, и дожить до
весны и до лета,
и в тетрадку писать,
и не тронуться в этом аду.

И стоять на своем, и пустить
в это месиво корни,
и врасти, а потом зацвести и
налиться плодом,
ибо поезд ушел в небеса,
и свистки его горни,
но остался вокзал, на котором
написано «Дом».

Москва

Елена ДУНСКАЯ

* * *

Все пустяки. Все просто ерунда.
Но только знать хотелось бы,
куда
Ведет дорога. А над ней звезда
С другой звездою говорит
доныне...
Зачем стихи слагаются, когда
Что ни душа — то склеп или
пустыня.

На кладбище несбывшихся надежд
Пестрым-пестро от праздничных
одежд.
Опять змеится очередь в Манеж
На вечный «кич», на нового
кумира.
Все ярче зрелища и все преснее
хлеб.
Чума отныне стала частью пира...

Прости, мой друг, я, кажется,
брюзжу,
Занудствую. Но страх в себе
глушу,
Когда с недоумением гляжу
На чахлый серпик, что в ночи
дымится.
А звездам этим, видно,
сносу нет.
Смерть — на бегу. Любовь —
«а ля фуршет»...
Век на закате.
А судьба все длится.

Москва

ОГОНЁК

Я ВСПОМИНАЮ...

У меня дома стоит платяной шкаф. Он давно перестал выполнять предназначенные ему функции. Если его раскрыть, то вы увидите на специальных полках коробки с негативами.

Надписи на них: Франция, Китай, Куба, США, Вьетнам, Финляндия, Югославия, Москва, Узбекистан, Великая Отечественная война, съезды партий и т. д.

Это мой архив. К сожалению, не все еще разобрано — руки пока не доходят. Сейчас я уже начал понимать: архив, если он в порядке и с ним работать, как золотая жила, приносит новые темы.

Так получилось, например, с серией политических репортажей и отдельных фотографий под названием «Все эти годы...».

В связи с публикацией фотографий этой серии меня часто спрашивают: «Небось все это лежало у тебя в «загашнике», как фига в кармане, и ты ждал нынешнего времени?»

Увы. Я фотографировал всех этих рашидовых, щелоковых, адыловых, брежневых и пр., не предполагая, что работаю в «театре масок», а маски у всех них — порядочных и честных людей.

Даже сказанное у гроба Сталина Берией в Колонном зале министру внутренних дел Серову: «Почему продолжается этот бардак? Я же приказал прекратить доступ народа в 12 часов, а сейчас уже второй час?» — я воспринял лишь как цинизм, грубость. Только сейчас мы узнаем истину: ему не терпелось самому как можно быстрее стать властелином.

Ну а многие фотографии, которые я тогда делал, ложились на редакторский стол, но не печатались.

В этом журнале калейдоскоп моих цветных фотографий. Они сделаны в последние годы в разных странах, а также во время прошлогодних командировок в Китай, Финляндию и Францию.

Еще одно маленькое воспоминание. Направляясь на собрание фотокорреспондентов в Дом журналиста, я уговорил моего друга, кинооператора, пойти со мной. На обратном пути после трех часов бдений он сказал: «Ну, то, что фотография получила цвет,— это хорошо! Счастье, что пока не зазвучала!»

Зло, но, пожалуй, правильно.

Дм. БАЛЬТЕРМАНЦ

Китай. Новый город Тэньчжэнь.

Дождь на Бродвее.

Хельсинки. У президентского дворца.

Вьетнам.
Залив Хайлон.

Тихий океан. США.

Кутузовский проспект.
Красная рябина.

Фламинго в кубинском зоологическом саду.

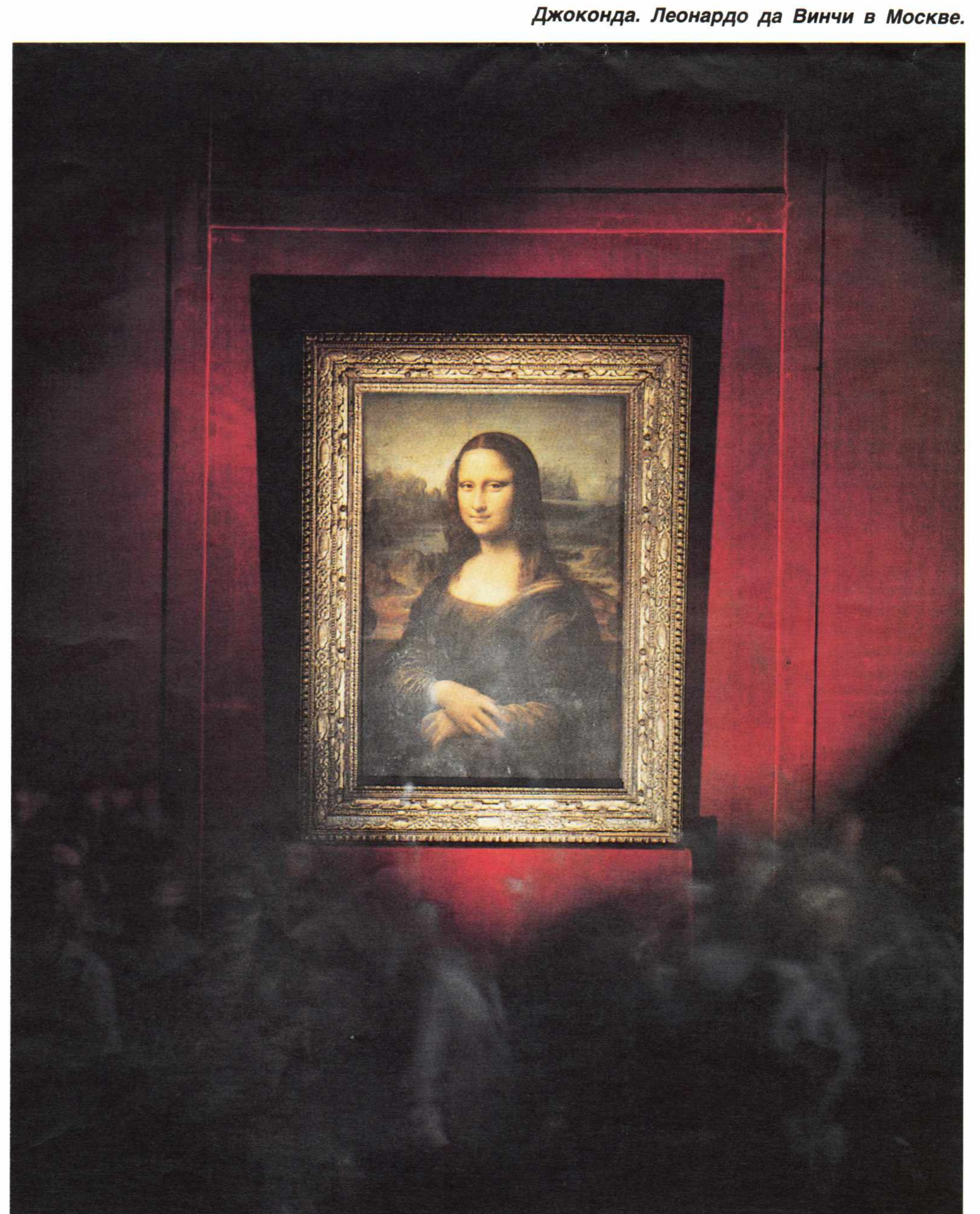

Китай. В храме.

Югославия. Мостар. Старый мост.

Джоконда. Леонардо да Винчи в Москве.

Амстердам. Торговец фруктами.

Брюссель. Дети всюду дети.

Париж. Монмартр живет своей жизнью.

Рим. Старость...

Рим. На площади св. Петра.

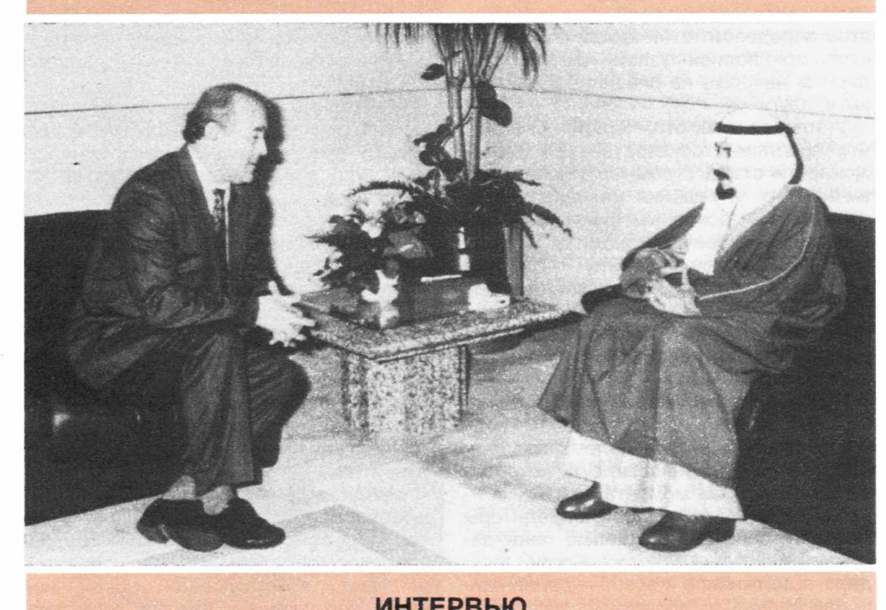

Музей Соломона Р. Гугенхейма. Нью-Йорк.

Западный Берлин. На выставке скульптуры и живописи.

НА ПРИНЦИПАХ СОТРУДНИЧЕСТВА, НЕПРИСОЕДИНЕНИЯ И НЕВМЕШАТЕЛЬСТВА

ИНТЕРВЬЮ ЕГО ВЫСОЧЕСТВА ЭМИРА ГОСУДАРСТВА КУВЕЙТ ГЛАВНОМУ РЕДАКТОРУ ЖУРНАЛА «ОГОНЕК»

Небольшое вступление к этому интервью кажется мне необходимым не только потому, что само Государство Кувейт далеко от нас и пишем мы о нем мало. Интервью кажется мне важным и потому, что, читая его, вы должны учесть некоторые обстоятельства. Одно, и главнейшее из них,— это бесспорное влияние нашей перестройки на мировые процессы, огромное внимание к нам и желание соизмерять внутренние проблемы любой страны современного мира с тем, что происходит в Советском Союзе и Восточной Европе. Мы выходим из своих изоляций, становимся человечеством очень быстро, страны и народы соприкасаются множеством своих радостей и своими болевыми точками. Объективное представление о том, как мы видимся из региона Персидского залива (а Кувейт — одна из влиятельнейших стран там), необходимо. Интервью это может представить интерес еще и тем, что Эмир Кувейта Его Высочество Шейх Джабер аль-Ахмед ас-Сабах никогда за многие годы своего пребывания у власти журналистов не принимал вообще. Для нашего с вами журнала было сделано исключение. Во время беседы Его Высочество счел необходимым прокомментировать некоторые ответы, но комментарий ничего, по сути, не изменял. Вручив ответы, Эмир около получаса со мной побеседовал, проявив огромный интерес к событиям в СССР и Восточной Европе. Один из его вопросов был весьма характерен:

— Чего хотят эти люди? У них есть бесплатное образование, бесплатное медицинское обслуживание, возможность получить жилье и работу. Чего же они хотят?

— Еще и свободы, Ваше Высочество,— ответил я, понимая особенный смысл вопроса для кувейтских условий.

Кувейт нельзя назвать страной, изнывающей от либерализма. Законы здесь строги, а парламент прекращен и распущен. В то же время в материальном отношении среднестатистический кувейтец живет получше не только среднестатистического советского гражданина, но и получше, чем живут в Швейцарии, Швеции и других оплотах нейтралистских благополучий. Тем не менее руководители оппозиции (они действуют в открытую, и я встречался со многими из них) проводят митинги по ночам (днем жарко), требуя парламента и многопартийности. В правительственных кругах убеждены, что выборы — одна только трата времени, а парламент — говорильня, потому что претензии по инерции предъявляются к одному только Эмиру. А к Эмиру претензий быть не может, так как страна процветает и давно уже не воевала ни с кем. Впрочем, в ирано-иракской войне кувейтцы откровенно поддержали Багдад, отчего по их столице было выпущено несколько иранских ракет, а в самом городе взрывались автомобили, начиненные динамитом. Это уже позади, отношения с послехомейнистским Ираном складываются замечательно.

Тем не менее забот у Эмира предостаточно. Все знают, что он ложится спать не позднее восьми вечера, но зато встает не позже четырех утра, с тем чтобы посвящать время неусыпной заботе о своих подданных. Эмиру едва за шестьдесят, он сухощав, немногословен и полон энергии. Сейчас руководитель Кувейта возглавляет состоящую из более чем сорока стран влиятельнейшую исламскую конференцию, панисламское сообщество, защищая его интересы изо всех сил. Население Кувейта является частью исламского океана — Эмир защищает и его, способствуя его благоденствию, несмотря на то, что коренных жителей в двухмиллионной стране меньшинство, около сорока процентов.

О подробностях жизни в Кувейте можно справиться по специальному телефону в министерстве информации, благо таксофоны в стране работают бесплатно. Со звонком в государственные учреждения здесь надо спешить, ибо в час тридцать рабочий день в Кувейте заканчивается. По четвергам работают и того меньше — до одиннадцати тридцати. Обучение и медицинская помощь в стране бесплатны; более того, страна берет на себя лечение и обучение своих граждан в любом месте планеты. Стодвадцатилитровый бак лимузина мы заправили за пятнадцать долларов, это намного дешевле минеральной воды. Государство давно не повышало цены на основные продукты питания, а на рис цена субсидируется на три четверти. Любые товары наличествуют в широчайшем выборе; лишь питье, продажа, производство алкогольных напитков преследуются по закону, и запрещено все связанное со свиньями — от сосисок до кошельков из свиной кожи.

Впрочем, запрещенное для порядочных мусульман животное однажды было упомянуто в несколько неожиданном контексте. Во время беседы в министерстве иностранных дел Кувейта воспитанный человек произнес слово, которое мой переводчик, стесняясь, переложил с арабского как «свинство». Это было сказано в процессе очередного горячего обсуждения вопроса об эмиграции советских граждан в Израиль. Вопрос этот в арабском мире дебатируется сегодня, как главнейший; министр информации Кувейта Джабер Мубарак аль-Хамад сказал мне, что, уважая Советскую страну, он дал указание запретить публикацию целого ряда статей, особенно свирепо нападающих на СССР и его руководителей. Страсти вокруг проблемы тем не менее нагнетены и нагнетаются во всем арабском мире целенаправленно, газеты переполнены открытыми письмами к М. С. Горбачеву, Советскому правительству и отдельным гражданам. Называются немыслимые цифры эмиграции, приводятся фантастические подробности. Тем не менее сообщили, что СССР только что закрыл едва открывшуюся прямую авиалинию Москва — Тель-Авив. Разговор о правах человека весьма осложнен: с одной стороны, арабская общественность горячо требует не разрешать советским евреям уезжать из страны. Триста тысяч палестинцев, живущих в Кувейте, всячески подпитывают эти страсти; немудрено, ведь территория их страны заселена приезжающими на Ближний Восток евреями и продолжает заселяться ими, хоть израильское правительство уверяет, что не собирается стимулировать такую политику. С другой стороны, страна палестинцев существует лишь номинально и под оккупацией, хотя в Москве и столицах ряда других государств есть ее посольства. Очень все это сложно.

И тем более забавным было упомянутое определение, переводимое как «свинство» и относимое к ситуации внутренне советской, нашей, домашней. Разгневанный собеседник имел в виду тех, кто стимулирует эмиграцию, создает в СССР расистские организации, провокационно называет «палестинскими» общества, целью которых является искоренение людей по национальному признаку. Никто не хочет идентифицироваться с профашистскими группами, каждый хочет от таких отречься.

Позже эта оценка, но на высокоцивилизованном уровне, подтвердилась в беседе с Сулейманом аль-Шахином, первым заместителем министра иностранных дел Кувейта. Не употребляя столь сильных, как его эмоциональные подчиненные, выражений, он сказал, что шовинистические группы, бесспорно, действуют на руку сионистам, обслуживая тех и помогая усилению еврейской эмиграции из СССР. И он категорично отказывал в уважении шовинистам, так любящим спекулировать на своем антисемитизме. Расизм не проходит в Кувейте, даже в сложнейшей тамошней ситуации.

Многие в арабских странах устали от продолжающейся на Ближнем Востоке войны, от беспрерывности конфронтаций, обеспокоиваются любым нарушением нестойких здешних соотношений сил. Сейчас направленно раздувается миф о советских усилиях по отправке евреев в Палестину, о том, что армия Израиля от этого несказанно усилится. И — мне было интересно — растет убежденность, что все эти «Памяти» — нанятая сионистами шпана для выталкивания евреев на эмиграцию. Такая точка зрения сегодня здесь общепринята.

(Когда я вообразил руководителей «Памяти», получающих субсидии через какие-нибудь сионистские каналы, мне стало забавно: все это запахло сталинской чертовщиной, лубянским подвалом, невесть чем; но пролистайте январский номер журнала «Молодая гвардия» с цветными репродукциями картин, будто только что привезенных с выставки в геббельсовском рейхсминистерстве пропаганды,— может быть, и сдвигаются времена?..)

Кувейтская жизнь удивительно интересна, мы еще расскажем о ней. Она тысячью нитей связана с нами, она неожиданно принимает наши отражения и посылает к нам свои сквозь все расстояния во времени, пространстве, политических и культурных традициях. Одним из признаков такой соединенности и является это интервью — первое, данное Эмиром Кувейта за много лет.

Виталий КОРОТИЧ

— Прежде чем ответить на Ваши вопросы, я пользуюсь предоставленной мне возможностью встречи с советским журналом, чтобы приветствовать дружественный советский народ и руководителей Советского Союза и подчеркнуть, что народ Кувейта глубоко ценит отношения дружбы и взаимопонимания, установившиеся между нашими странами. Я хочу также отдать должное справедливой позиции, которую народ Советского Союза занимает в отношении проблем человека и в первую очередь в отношении проблемы палестинского народа и всех других народов, борющихся за свою свободу в любом регионе мира.

— Как Вы оцениваете нынешнюю международную ситуацию и какова, на Ваш взгляд, роль Кувейта?

— Сегодня, когда мир вступает в последнее десятилетие века, перед нами открываются поистине небывалые возможности в области миротворческой деятельности и развития, созданные атмосферой международного согласия.

В то же время мир стоит перед новым испытанием в лице серьезных политических, экономических, социальных, технологических и экологических проблем. Ответственные лица и руководящие деятели в различных странах должны стремиться к созданию такой атмосферы в международных отношениях, которая открыла бы новую эру, основанную на победе принципов Справедливости и Дипломатии над Силой и Фанатизмом. При этом они не должны

сбрасывать со счета и те острые проблемы, которые бросают им вызов, и в первую очередь международное экономическое положение, с его проблемой задолженности, и социальное положение с проблемами экологии и наркотиков, и проблему международного терроризма, представляющую угрозу самим основам права и человеческих ценностей.

Мы в Кувейте придерживаемся принципов неприсоединения и невмешательства в международные конфликты, стараемся не дать втянуть себя в иностранные военные союзы, выступаем против создания военных баз на чужих территориях и боремся против политики расизма и захвата чужих земель. Мы выступаем в поддержку национально-освободительных движений во всем мире, руководствуясь принципами, записанными в Уставе Объединенных Наций, и стремимся укреплять отношения дружбы и сотрудничества со всеми государствами мира во имя укрепления мира на благо всего человечества.

— Что Вы можете сказать о проблеме Ближнего Востока и политике Кувейта в этом регионе?

— Весь мир знает, что регион Ближнего Востока уже четыре десятилетия является ареной борьбы, которая представляет реальную угрозу миру, безопасности и стабильности во всем мире. Речь идет о проблеме палестинского народа, того самого народа, который Израиль пытается различными бесчеловечными способами выкорчевать и изгнать с его родной земли и лишить его национальной самобытности. При этом, однако, Израиль не может не знать, что никакая сила не может погасить пламя борьбы палестинского народа, а, напротив, только еще сильней раздувает это пламя и приближает палестинский народ к достижению цели его справедливой борьбы. Таковы уроки истории, и не учитывать этот общечеловеческий опыт Израиль не может.

Два события огромной важности имели место в борьбе палестинского народа в последние годы — героическая «интифада», пламя которой полыхает вот уже третий год, и смелая позитивная инициатива, с которой выступило палестинское руководство на сессии Национального Совета в ноябре 1988 года, заявив, что оно готово взять на себя всю полноту ответственности за заключение мира с Израилем на принципах, записанных в Декларации о создании независимого палестинского государства со столицей в Иерусалиме, и обязуется соблюдать все вытекающие отсюда международные права и обязанности.

Арабские государства приветствовали этот новый курс палестинского руководства и выразили ему свою поддержку на последней арабской конференции на высшем уровне в Касабланке. Тем самым позиция палестинцев стала общеарабской позицией в вопросах установления мира на основе общего проекта, построенного на принципах справедливости, международного права и резолюций ООН.

Оба эти момента в палестинской проблеме возлагают на международное сообщество в целом и на ООН в частности особую ответственность, обязуя их переломить упрямство Израиля, который упорно отвергает все справедливые мирные инициативы и продолжает свои бесчеловечные преступления против палестинского народа, борющегося за свободу и национальное достоинство. Израиль должен считаться с изменениями, происшедшими в мире, и подчиниться логике справедливости и права. Израиль не может больше плыть против течения, оно захлестнет его своими волнами.

Объединенная воля государств требует полного всеобъемлющего мира, и проведение международной мирной конференции по Ближнему Востоку является той законной формой, которая призвана найти окончательное справедливое решение палестинской проблемы. Естественно, в подобной конференции должны участвовать пять великих держав, являющихся постоянными членами Совета Безопасности, и все стороны, заинтересованные в конфликте, в том числе ООП как единственный законный представитель палестинского народа, отстаивающая его справедливое дело.

— Какие последствия имело предложение Эмира Кувейта на сессии Генеральной Ассамблеи ООН касательно сокращения задолженности развивающихся стран?

— Хотя политическая атмосфера в мире в области межгосударственных отношений меняется к лучшему, это улучшение не примет необратимый характер до тех пор, пока в мире остается нестабильным экономическое положение. Продолжается рост внешней задолженности многих государств, падают цены на сырье, неуклонно увеличиваются таможенные и другие барьеры, нарушается платежный баланс. При этом передовой технический опыт остается монополией узкой группы государств, которые не спешат поделиться им с другими.

Учитывая все это, Кувейт считает, что проблема государственной задолженности стала огромным препятствием на пути улучшения международных отношений и основным фактором, подрывающим мировую экономику. Отсюда его требование найти срочные всеобъемлющие пути решения этой проблемы, ставшей причиной человеческих страданий во многих странах и породившей у их народов ощущение безысходности.

Руководствуясь этими соображениями, мы выступили в прошлом году с проектом решения проблемы государственной задолженности, суть которого сводится к трем моментам:

1. Призвать государства-кредиторы провести совещание с целью ликвидации процентной задолженности государств-должников и освобождения наиболее бедных государств от погашения части их внешней задолженности.

2. Просить Международный валютный фонд и международные банки пересмотреть жесткие условия, на которых они предоставляют свои кредиты государствам, нуждающимся в помощи для улучшения своего положения. При этом должны учитываться как различный уровень их развития, так и характер самой помощи, которая должна соответствовать потребностям государства, получающего кредит, и реально содействовать его развитию.

3. Организовать научно-техническую помощь севера югу и увеличить ее размеры, отдавая приоритет человеческому фактору перед немыслимыми цифрами расчетов. Подобные предложения будут способствовать, на наш взгляд, сохранению природных богатств и человеческих резервов в настоящем и будущем и помогут в осуществлении планов роста и развития, превратив мир из объекта разорения и деградации в объект прогресса и созидания.

Вы, вероятно, следили за дискуссией в Генеральной Ассамблее ООН, включившей проблему задолженности специальным пунктом в свою повестку дня, и знакомы с предложениями, с которыми выступили на сессии по этому вопросу руководящие государственные деятели ряда государств. Можно сказать, что дискуссия отразила общее убеждение, что проблема государственной задолженности стала реальной угрозой стабильности международных экономических отношений и мировой денежной системы, не говоря уже о ее негативном воздействии на политическую и социальную жизнь во многих странах мира.

С учетом предложений, выдвинутых Индией, Сенегалом, Египтом и Венесуэлой в июле 1988 года для разрешения проблемы их государственной задолженности и конкретных шагов, предпринятых в этом направлении рядом государств, в частности Советским Союзом и Францией, решивших простить государствам-задолжникам часть долга или процентов по кредитам, а также в целях придания этому процессу всеобъемлющего характера, не зависящего от субъективных решений того или иного государства-кредитора и во исполнение предложений, с которыми мы выступили в ООН в сентябре 1988 года, мы выдвинули на Конференции неприсоединившихся стран в Белграде в сентябре 1989 года серию предложений.

Во-первых:

Генеральный секретарь ООН созывает совещание с участием семи главных государств и некоторых других государств-кредиторов, представителей Международного валютного фонда и международных банков для изучения основ и масштабов, сложившейся кризисной ситуации и поисков выхода из нее.

Во-вторых:

Это совещание должно быть созвано в ближайшие шесть месяцев, учитывая серьезность фактора времени и негативных последствий, которые проблема задолженности может иметь для государств-должников и мировой экономики в целом.

В-третьих:

Совещание должно выработать программу приоритетов с учетом конкретных условий каждого государства-должника.

В-четвертых:

Совещание изучит возможность ускорения процесса развития посредством проектов и других способов с привлечением научно-технического опыта развитых стран и использованием возможностей и человеческих резервов стран-должников, при сохранении окружающей среды от загрязнения и повышении уровня эффективности участия местного человеческого фактора в планах развития.

Мы убеждены, что понимание масштабов проблемы задолженности, которое демонстрируют многие государства, как кредиторы, так и задолжники, является предпосылкой правильной оценки проблемы и залогом ее успешного разрешения.

— Каковы перспективы сотрудничества между Советским Союзом и Кувейтом?

— В марте 1988 года Кувейт и Советский Союз отметили 25-ю годовщину установления дипломатических отношений, которые всегда отличались прочностью, дружеским характером, взаимным уважением и основывались на принципах международного сотрудничества на благо обеих стран. Отношения прочной дружбы, существующие между Кувейтом и Советским Союзом, несомненно, подтверждают, что между государствами с различной социально-экономической системой возможны отношения подлинной дружбы, основанные на учете интересов и прав обеих сторон. С момента установления дипломатических отношений между нашими странами перспективы сотрудничества непрерывно растут и расширяются. Между нашими странами заключено множество соглашений и протоколов, регулирующих экономические, торговые и культурные связи. Постоянная кувейтско-советская комиссия по вопросам экономического и научно-технического сотрудничества занимается развитием сотрудничества между нашими странами, в частности в области нефте- и газодобычи и проблемами инвестиций. Мы в Кувейте заинтересованы в развитии торгового обмена с Советским Союзом. Мы считаем, что существуют широкие возможности для сотрудничества между кувейтскими и советскими организациями в создании совместных предприятий как в наших, так и в других странах. Большой интерес для Кувейта представляет также развитие сотрудничества с Советским Союзом в области банковской деятельности.

— Какую роль играет Кувейт в международных усилиях по оказанию помощи нуждающимся в ней странам?

— Характер экономического и культурного развития в арабском регионе имел своим следствием превращение этого региона в крупный мировой центр финансовой активности. С другой стороны, этот процесс сопровождается усилением стремления многих государств «третьего мира» получить помощь для финансирования многочисленных проектов развития и выведения национальных экономик на передовые рубежи. Сознавая свой общечеловеческий долг в отношении многих развивающихся стран, Кувейт предоставил им многочисленные кредиты и экономическую помощь на предельно льготных условиях. Эти кредиты и помощь охватывают широкий спектр. Здесь и разнообразная экономическая деятельность, и промышленные и сельскохозяйственные проекты, и проекты в области создания объектов экономической инфраструктуры, то есть строительство дорог, мостов, энергетических предприятий, иными словами, проектов, которые не привлекают коммерческих кредитов. Финансируя экономическую деятельность такого рода, мы ставили своей целью реально содействовать экономическому развитию дружественных стран. Здесь я хотел бы отметить, Кувейт через Кувейтский фонд арабского экономического развития предоставил в форме кредитов и стипендий помощь 64 государствам Азии, Африки, в том числе государствам арабского региона, некоторым островам Средиземного моря и Океании.

— Каковы масштабы социальной защиты, которыми пользуются граждане Кувейта, в частности в области образования и здравоохранения?

— Наверно, лучшим показателем цивилизованности и прогрессивности государства является экономическая и социальная защищенность его граждан.

Слава Аллаху, мы в Кувейте всячески стремимся предоставить нашим гражданам самые совершенные экономические и социальные услуги, в особенности в области образования и здравоохранения. Услуги эти многочисленны и разнообразны. Так, например, государство обеспечивает своих граждан жильем, которое призвано учитывать специфику социальных традиций в области быта и семейных отношений. Существующая система обеспечения гарантирует гражданам достойную жизнь после выхода на пенсию.

Что касается образования, то его расцвет может считаться одним из показателей цивилизованности нашей страны с точки зрения научной, духовной или методологической. Гигантский скачок в этой области мы сумели совершить, опираясь на методы и теорию технологической эпохи, соединив общие цели воспитания с национальными арабскими и духовными исламскими ценностями. Кувейт не жалеет усилий для того, чтобы идти в ногу с научным прогрессом. Именно с этой целью был создан Национальный университет, чтобы использовать плоды знания и научного наследия общечеловеческой культуры и поставить их на службу задачам развития национального человеческого фактора, повышения его продуктивности и повышения его культурного уровня на благо общества и его дальнейшего прогресса.

В том, что касается здравоохранения, можно сказать, что Кувейт проявляет большую заботу в этой области как о своих гражданах, так и обо всех лицах, временно проживающих на его территории. В настоящее время разрабатываются далеко идущие планы по дальнейшему улучшению сферы здравоохранения. Здесь имеется в виду подготовка необходимых кадров для руководства медицинскими учреждениями, строительство национальной фармацевтической промышленности и создание множества других объектов здравоохранения.

Как известно, образование и медицинская помощь предоставляются в Кувейте бесплатно всем живущим на его территории.

ОПАСНОСТЬ СПРАВА

Павел
ГУТИОНТОВ

Позвонил старый знакомый — московский инженер, испанец, из тех «испанских детей», что в конце тридцатых были вырваны из пламени гражданской войны, привезены в СССР, да, как выяснилось,— навсегда. Жизнь сложилась так, как сложилась, возвращаться поздно, но в минуты, увы, нередкого возмущения изгибами советской действительности Хосе неизменно называет нашу общую с ним страну — вашей. «Что, скажи ты мне, происходит? — спросил он и сейчас с неизбывным своим акцентом.— Да что же вы творите?..»

На работе к испанцу подошла коллега, еврейка, заплакала. «Хосе, я боюсь. Я прошу, если можно, пусть дочь, школьница, какое-то время у тебя поживет: она черненькая, похожа на испанку, если что, скажешь — родственница... Пожалуйста!..»

Да что же мы творим?!

Утверждают, что «вступительным взносом» в общество «Память» давно уже стали пять (по иным данным, три, семь) адресов евреев. На митинге в Останкине деятели этой же «патриотической» формации открыто призывают к погромам и даже называют даты. Во время инцидента в Доме литераторов они же кричали: «Сегодня мы с плакатом, завтра — с автоматом!» В Ленинграде на днях их же единомышленники ворвались на репетицию в филармонию, крушили мебель: «Жиды, вон из русского искусства!..» Милиция, как что-то часто в таких случаях бывает, явилась с опозданием...

И совершенно оголтелая шовинистическая пропаганда несется со страниц целого ряда изданий, а уж что их авторский актив несет устно, во время встреч с читателями — этого и бумага не выдержит.

Кстати, о бумаге. Кто бы объяснил, каким образом в то самое время, когда в столице на голодный паек садится даже «Правда», а «Аргументы и факты» вообще не выходят, в той же самой Москве нашли, выделили бумагу для районных газет, в частности для «Пульса Тушина», в первых трех номерах которого для собственно районных новостей и проблем практически места нет, а вот для истерических заклинаний о «национальном угнетении» русского народа — сколько влезет? Даже поэтическое творчество жителей представляется строками типа: «Нет ни земли, ни радости, ни рая. И ангелами дьяволы поют... Глашатаи сионского сарая Россию на распятие зовут...»

Все это, по мнению тушинской редакции, не только познавательно, но и открывает глаза на сегодняшние неурядицы в районе, Москве и стране в целом. Виновные обозначены предельно четко (плюс чистокровный русак Юрий Любимов, впрочем, тоже «гражданин Израиля»). Но что тогда называть призывами к разжиганию национальной розни? К кому применять соответствующую статью Уголовного кодекса?

Еще звонок. «Я ваша читательница, украинка, но внук мой на четверть еврей. Что с ним будет? Я дозвонилась до зам. министра внутренних дел Богданова, он мне сказал: «Мы контролируем обстановку». Но вы же видите, что происходит буквально в последние дни!..»

К сожалению, вижу. И в свете самых последних событий меня, скажу прямо, тоже все больше волнует то, что руководители правоохранительных органов, равно как и некоторые иные официальные лица, так и не дали внятного ответа на прямые обвинения в совершенно определенных симпатиях, скажем, к обществу «Память». Да люди «Памяти» и сами во всеуслышание заявляют: «Милиция и КГБ нас поддерживают!..»

Я не понимаю, почему именно с экстремистов мы начинаем воспитывать в себе терпимость к чужому мнению. Любой москвич знает, как решительно умеет действовать милиция, пресекая несанкционированные митинги, скажем, «Демократического союза» (организации лично мне глубоко несимпатичной), как оперативно реагируют суды, получая к рассмотрению дела об организаторах этих митингов. Почему же «Память», открыто призывая к насилию (в отличие от «ДС»), делает это безнаказанно? Провел небезызвестный художник Сычев (это его ребята щеголяют в сапогах и солдатских шинелях с трехцветным шевроном) митинг на Красной площади, на который уж никак глаза было не закрыть, привлекли его к административной ответственности (слишком широкую огласку приобрело дело, даже народные депутаты вмешались). И что же? Два месяца нарсуд Ленинского района не мог вытребовать Игоря Сергеевича к ответу, а сам он (как утверждал, «безнадежно больной») к зданию суда являлся и на глазах огромного скопления милиционеров (до полковника включительно) часами проводил со своими сторонниками опять же митинги в собственную защиту. Под лозунгами типа «Сегодня судят Сычева, завтра — социализм!». Хотя сам себя называет «демократическим монархистом», так что вроде бы не с него начинать противникам социализма...

Так вот, в январе дело Сычева прекращено, ибо истек двухмесячный срок для привлечения его к административной ответственности. Но, может быть, кто-то другой ответит за откровенное издевательство над действующими в стране законами?

Кстати, именно сычевцы отличились и в ЦДЛ, и в Останкине. И опять правоохранительные органы вмешиваются с откровенной неохотой...

Между прочим, это о Сычеве в свое время кое-кто писал как о лидере якобы «конструктивного» крыла «Памяти». Однажды он сам меня в этом горячо убеждал, даже в редакцию зайти пообещал, чтобы развеять возможные против себя предубеждения. А потом (дело-то было в общественном месте) углядел профессора-армянина, с кем-то, видно, его перепутал, налетел орлом, закричал в голос: «Для вас мы, русские,— гои, рабы, но это мы вас вот этими (показал) сапогами давить будем!» Профессор, автор учебников по русскому языку для иностранцев, очки с себя сорвал. «Бей,— кричит,— сейчас, фашист!» А Сычев (конструктивист все-таки) не бьет, продолжает: «Это вы памятник Багратиону, святыню нашу, взорвали на Бородинском поле!..» Профессор изумился, очки надел: «Вы мне, армянину, такой упрек бросаете?» Понял Сычев, что ошибся, ничего не ответил, вот только пообещал «кол с обратной насечкой», вместе с телохранителем в троллейбус прыгнул и укатил по улице Чернышевского...

Одним словом, и правда: монархист — а демократ, ничего не попишешь...

И все же легенда о том, что «всю» «Память» одной краской мазать не следует, упорно до сих пор поддерживается. Вот промелькнуло в печати сообщение о том, что именно «Память» выступила в числе соучредителей клуба избирателей Таганского района, возглавил же клуб зампред райисполкома. Судя по тому, что никаких опровержений из райисполкома не последовало, так оно и есть, зампреду в одном клубе с погромщиками заседать не стыдно. Кстати, именно в Таганском районе на митинге, проводимом райкомом партии, парни с «Георгиями Победоносцами» на груди вырывали из рук митингующих не нравящиеся им плакаты. А милиция потом именно тех, у кого вырывали, и задерживала. Об этом подробно писали «Известия» — отчет о судебном заседании, где милиционеры выглядели на редкость беспомощно. С ноября — ни ответа, ни привета из Таганского района на выступление газеты. Впрочем, новости до нас доносятся: экскаваторщик Кригер, которому не удалось вкатить пятнадцать суток за то, что на него члены «Памяти» напали, стал кандидатом в депутаты райсовета. Начальник райуправления внутренних дел Никитин, лично руководивший необоснованным задержанием,— кандидатом в депутаты России. Плюрализм!..

И вот дождались листовок с призывами к погромам. Хорошо хоть генерал Богданов все знает и «контролирует ситуацию»...

А теоретики из «Молодой гвардии» да «Нашего современника» все считают да пересчитывают, сколько у нас евреев с высшим образованием, сколько их в Академии наук, сколько в Союзе писателей. Ладно что подсчеты их вопиюще недобросовестны, но сам факт интереса к «5-му пункту», считают теоретики, дает им право называть себя «патриотами», а всех, кто им возражает,— «русофобами».

Спорить с ними нелепо и унизительно. Сошлюсь лишь на человека, которого «патриоты» вроде бы почитают как «своего» — великого русского философа Николая Бердяева, произведения которого вернулись наконец на Родину. И теперь каждый может убедиться, что никакого Бердяева сами «патриоты» никогда не читали, равно как Владимира Соловьева или Георгия Федотова, гений которых они тоже пытались всунуть в убогое ложе своих идеек.

Так вот, Бердяев, считавший, что «в основе антисемитизма лежит бездарность», напрямую вмешивается в разговор, который с маниакальным упорством пытаются навязать нам сегодня.

«Есть что-то унизительное в том, что в страхе и ненависти к евреям их считают очень сильными, себя же очень сла-

ПРОШУ СЛОВА!

быми, неспособными выдержать свободной борьбы с евреями... есть только один способ борьбы против того, что евреи играют большую роль в науке и философии: делайте сами великие открытия, будьте великими учеными и философами. Бороться с преобладанием евреев в культуре можно только собственным творчеством культуры. Это область свободы. Свобода есть испытание силы. И унизительно думать, что свобода всегда оказывается благоприятной для евреев и неблагоприятной для неевреев...»

Итак, слово сказано! В том-то и дело, что те, кто призывает сегодня к погромам, кто разжигает пламя национальной нетерпимости, будь то по отношению к евреям, к армянам ли, к азербайджанцам, к русским, вовсе не против самих евреев, русских, азербайджанцев, армян.

Они против СВОБОДЫ как «испытания силы», которой у них уже нет,— ни интеллектуальной, ни экономической, ни политической. И за истошными выкриками «Отечество в опасности!», которые раздаются со страниц «патриотических изданий», стоит единственное: это мы в опасности, в опасности наше еще недавно незыблемое право быть ленивыми, бездарными, лицемерными, трусливыми... под угрозой, одним словом, весь спектр качеств, которые привели на грань катастрофы великую страну.

Посмотрите текст «Предвыборной платформы блока общественно-патриотических движений России», наполненный призывами к «национальному возрождению русского народа». Правда, чего стоят они, эти призывы, на мой взгляд, показывает развернутая теми же силами истерическая кампания «в защиту Пушкина» от Андрея Синявского и Анатолия Ананьева, в то самое время как «русофоб» Дмитрий Лихачев, заклейменный «Памятью» как пособник сионистов, годами, надрывая голос, криком кричал о бедственном положении Пушкинского Дома и хранящихся там рукописей великого поэта. Дождались, прорвало-таки отопление, национальные святыни спасены буквально чудом, но даже это не заставило «патриотов» прервать «литературоведческие дискуссии». Да и до Пушкина ли им?

Программа «блока» взывает к чувству национальной ущемленности русского народа, открыто и опасно спекулирует на нем. Хотя безнравственно и политически безответственно считаться нам сегодня, какой из народов принес больше жертв на алтарь так и не построенного светлого будущего. «За счет России» не обогатились каракалпаки, юкагиры, ненцы или крымские татары. Равно как и русскому народу не принесли дополнительных благ уничтоженный Арал или исполосованная гусеницами тундра.

В том-то и беда, что делить нам нечего. И угрозы «патриотического блока» «выйти Россией» из состава Советского Союза (причем с предъявлением всем окружающим соседям территориальных претензий!) не обещают мало-мальски счастливой жизни никому из тех, кто поддастся, может быть, на этот лихой лозунг. Ибо зовет нас «блок» из «ужасов перестройки», направленной, как полагают авторы программы, на превращение страны во второразрядную державу, сырьевой придаток мирового капитала,— не просто в спасительную эру миновавшего «застоя» со всеми его прелестями и перспективами. Его программа грозит тысячью перманентных Карабахов на шестой части планеты. Но добиваться «возвращения из перестройки» лидеры «блока» готовы ценой любых потрясений, крови, межнационального пожара, в том числе и внутри «отделяющейся России»...

Активизация «правых» (политическая география у нас условна, но, думаю, термин никого не запутает) именно сейчас не случайна. Отступать им некуда. В обществе разворачивается открытая борьба, где позиции сторон определены математически точно: «за» перемены или «против». Водораздел — здесь.

Одним из последних умирает на наших глазах миф, будто все мы — сторонники перестройки. Будто наше единство подтачивают некие зловредные силы, расколовшие общество, покусившиеся на партию. Боюсь, что и партия давно не едина — если уж инструктор ЦК КПСС Д. Барабашев, ставший сопредседателем клуба «Россия», призвав «сплотиться воедино для борьбы с теми силами, которые рвутся сегодня к власти», критикует в листке клуба члена Политбюро и даже решения Пленума Центрального Комитета. И в том же листке член клуба поэт Вал. Сорокин заявляет, что у россиян нет ни одной газеты, кроме «Литроссии», «а огромная пресса, наверное, все-таки — это имени Коротича пресса. Она вся в огромном канадском кармане члена Политбюро А. Н. Яковлева. Я — коммунист, но сегодня говорю: «Господи, если ты можешь сделать, чтобы сегодня вечером Александр Николаевич Яковлев, член Политбюро, ушел в отставку, я до утра буду стоять на коленях!» Страшно подумать даже, на что толкает А. Н. Яковлев материалиста Сорокина, члена одной с ним партии!..

Конечно, пусть коммунист Вал. Сорокин в такой экстравагантной форме излагает свои, надо думать, выношенные мысли и заветные думы. Куда более поучительно, что языком «Памяти» заговорил, и вполне открыто, партийный чиновник столь высокого ранга. Это значит, что, теряя последнюю опору, консерваторы ищут союзников среди откровенных фашистов. (Ибо хватит, наверное, закрывать глаза на очевидный факт: в случае с «Памятью» и стоящими за ней силами мы имеем дело с обыкновенным фашизмом в его российском, черносотенном варианте. Не случайно же так часто ловили за руку ее идеологов, обильно использующих в своих «трудах» раскавыченные цитаты из теоретиков третьего рейха.)

Цель правых сегодня предельно ясна: расколоть общество, разбросать народ «по породам», как на собачьей выставке (используя сравнение Эрнста Аметистова, одного из лидеров «Мемориала»). На этом и продержаться. Глубоко своекорыстные интересы в общем-то и не скрываются за призывами «не допустить унижения России». «А разве не унижение — постановление финансистов, чтобы за один доллар, за который в Америке можно только почистить ботинки или проехаться в метро, когда сюда приезжают американские туристы, мы отдавали шесть (хоть неконвертируемых, но все-таки трудовых) народных рублей!» Конечно, можно спросить у Станислава Куняева, автора этого сногсшибательного экономико-финансового пассажа, насколько унижены итальянцы и японцы, чьих лир и йен (не трудовых, очевидно, и не народных?) за доллар идет еще больше. Да, думаю, и сам Куняев все прекрасно понимает и не о рубле нашем худосочном печется, а совершенно определенные настроения разжечь пытается. Как те лидеры «Памяти», что убеждали, на голубом, как говорится, глазу, будто линии метро в столице для того и проложены, чтобы было сподручнее одновременно взорвать все госучреждения...

И правда, лучше склероз, нежели такая «Память»!..

Но кому-то очень, повторяю, нужно, чтобы напряженность в обществе, нестабильность социальной обстановки не дали нам возможности добиться тех решительных перемен, без которых мы так и останемся государством, созданным, по словам Алеся Адамовича, лишь лагеря, колхозы и спецраспределители. От себя добавлю: водородную бомбу...

Сегодня правые пытаются завесить улицы российских городов бакинской тенью. Но на пути фашизма должно встать единство народа. Погромщики любой окраски должны знать: в этом городе, на этой земле фашизм не пройдет!

ПРОШУ СЛОВА!

УХОДЯТ СЫНОВЬЯ В АРМИЮ...

Уже ни для кого не секрет, что в нашей армии долгие годы процветает такое позорное явление, как «дедовщина», олицетворяющая жестокость, преступный цинизм и глумление над личностью. И все попытки покончить с этим явлением пока безуспешны, возможно, потому, что «дедовщина» органически составляет часть общего нравственного климата в армии.

Но еще более опасно то, что «дедовщина» приобрела национальную окраску. Отслужившие в армии рассказывают, что с самого первого дня новобранцы стараются объединиться по национальному признаку в землячества: «среднеазиатское», «закавказское», «прибалтийское». В само доброе понятие «землячества» вкладывается совсем иной смысл, ибо создаются они не для, скажем, изучения языков друг друга, не для постижения культуры, народных обычаев, а исключительно для защиты от жестокости и надругательства «дедовщины». И естественно, сами, в свою очередь, становятся носителями такой жестокости...

Нам и раньше были известны случаи, когда новобранцы, не выдержав издевательств, убегали из воинских частей и, покрывая расстояния в тысячи километров, добирались к себе домой, в Узбекистан, чтобы поведать о мучениях. Были и такие, кто умирал в госпитале от побоев.

Но то, свидетелями чего мы становимся в последнее время, требует особого разговора.

Мы не вправе никого винить. Ни воинов турецкой национальности, якобы мстящих узбекам за ферганские события, ни членов общества «Память», якобы карающих их за государственный статус узбекского языка в республике.

Но мы знаем, о чем говорят с тревогой в просторных дворах узбекских семей, в чайханах и на собраниях неформалов. Население взбудоражено, а впереди очередной весенний призыв в армию. Слышны и голоса, требующие от правительства создания национальных воинских формирований под предлогом того, что за пределами республики не защищены честь, достоинство и сама жизнь воинов узбекской, равно как и других, национальности.

Мы не сторонники таких радикальных мер, особенно в наше, чреватое межнациональными распрями время. Как и руководство Министерства обороны СССР, мы за единство и повышение авторитета армии. Поэтому мы требуем расследования целого ряда фактов. Пусть все будет, как в правовом обществе. Найдутся виновники преступлений — открыто и гласно предать их суду, не найдутся — разъяснить всему населению, что снимет напряженность, успокоит матерей, да и всю общественность нашей республики. Бурхан Абдурахманов служил в Ленинске, Кзыл-Ординской области. 22 августа 1989 года его родители, проживающие в Янги-кишлаке Ферганской области, получили телеграмму от командира: «Ваш сын Абдурахманов Бурхан Бахрамович умер от болезни». Можно понять горе родителей, которые терялись в догадках: почему командование заранее не сообщило им о болезни сына, может, можно было его спасти?

Военком Фрунзенского района, откуда был призван в армию Абдурахманов, послал телеграмму о содействии в отправлении тела покойного в родной кишлак, но ответа не получил. И только после настойчивого обращения родителей Бурхана к военкому республики сообщили, что тело военнослужащего будет отправлено на родину, как положено по инструкции, с сопровождающими.

Нетрудно догадаться, каково было состояние родителей Бурхана, когда им стало известно, что тело их сына прибыло на станцию Ташкент в почтово-багажном поезде, без сопровождающих, как обычный груз. К «грузу», как и принято по форме, была приложена накладная.

Тридцать первого августа в присутствии зам. председателя Фрунзенского райисполкома М. Назирова, председателя Совета ветеранов войны и труда района Ю. Юлдашева, военного комиссара района Ю. Бабича, начальника отдела военного комиссариата Н. Зарочинцева, председателя кишлачного Совета М. Сулейманова и представителей неформальных организаций был вскрыт гроб с телом Абдурахманова и тщательно исследован. Родились недоуменные вопросы, часть которых была изложена в акте, под которым поставили свои подписи и военнослужащие Ю. Бабич и Н. Зарочинцев.

В чем причина того, что тело покойного продержали в морге госпиталя целых двенадцать дней? Кто дал распоряжение об отправлении гроба с телом покойного родителям без сопровождающих, как грузовой багаж? В акте отмечалось, что это не первый случай такого, мягко говоря, халатного отношения к покойным военнослужащим, призванным в армию из Ферганской области.

Но главный вывод подписавших акт состоял в следующем: следы рваных ран на трупе, а также следы пуль в голове и груди свидетельствуют о том, что военнослужащий Бурхан Абдурахманов умер не от болезни, как сказано в телеграмме командира, а убит...

Мы могли бы подробно рассказать и о том, что произошло с рядовым Камилом Джалаловым, призванным в июне 1989 года в армию и прослужившем в Забайкальском военном округе всего два месяца. Его загадочная смерть, как и смерть рядового Мухиддина Байханова, Бахтияра Кадырова, служившего в Красноводске, Насимджана Джаббарова, Тулибая Кутлумурадова и других, требует, на наш взгляд, тщательного расследования.

Командиры воинских частей, где служили эти узбекские парни, в своих телеграммах на имя их родителей объясняют смерть своих подчиненных как результат болезни или самоубийства. Но родители, как правило, не удовлетворены таким стандартным объяснением, опять и опять обращаются в различные военные инстанции, желая узнать истинную причину смерти сыновей, взывают к справедливости...

И по сей день поют в нашем народе старинный «Плач по убитым сыновьям», где есть вдохновенные строки о том, как доблестно быть убитым в бою за родину и как подло быть убитым клятвоотступником в спину...

Адыл ЯКУБОВ,
народный писатель Узбекистана, народный депутат СССР.
Тимур ПУЛАТОВ,
народный писатель Узбекистана.

«ОГОНЕК» + «АНТИСПИД»

Советский благотворительный фонд

Сентябрь — 120 детей, зараженных СПИДом.
Февраль — 240 детей, зараженных СПИДом.
Большинство из них заражены в больницах.
Мы обращаемся за помощью ко всем развитым странам мира!
Валютный счет фонда — «АНТИСПИД» № 70000015 во Внешэкономбанке СССР.
Рублевый счет — 700645 в ОПЕРУ Жилсоцбанка СССР.

Благотворительный Фонд «ОГОНЕК» — АНТИСПИД» зарегистрирован как самоуправляемая общественная организация. Теперь мы можем работать более эффективно — можем открывать филиалы в других городах, создавать при Фонде совместные предприятия и т. д. 18 января состоялось первое заседание Распорядительного совета Фонда, в состав которого входят: Гавриил Харитонович **Попов** — главный редактор журнала «Вопросы экономики», профессор, доктор экономических наук, народный депутат СССР; Борис Иванович **Леонов** — директор ВНИИ медтехники; Рэм Викторович **Петров** — иммунолог, академик, вице-президент АН СССР; Андрей Иванович **Воробьев** — академик АМН СССР, директор Всесоюзного гематологического научного центра Минздрава СССР, народный депутат СССР; Святослав Николаевич **Федоров** — генеральный директор МНТК «Микрохирургия глаза», народный депутат СССР; Владимир Яковлевич **Цветов** — политический обозреватель Центрального телевидения; Гарри Кимович **Каспаров** — чемпион мира по шахматам; Виталий Алексеевич **Коротич** — главный редактор журнала «Огонек», народный депутат СССР; Татьяна Никитична **Толстая** — писательница; Александр Максимович **Яковлев** — заведующий сектором уголовного законодательства Института государства и права АН СССР, народный депутат СССР; Чингиз Торекулович **Айтматов** — писатель, главный редактор журнала «Иностранная литература», народный депутат СССР; Вадим Толгатович **Абубакиров** — главный врач клинической инфекционной больницы № 2 г. Москвы, в которой находится специализированная НИЛ эпидемиологии и профилактики СПИДа; Евгений Борисович **Рейн** — поэт; Виктор Иванович **Севастьянов** — доктор биологических наук, руководитель Всесоюзного центра по исследованию гемосовместимых биоматериалов; Абел Гезевич **Аганбегян** — академик, ректор Академии народного хозяйства при Совмине СССР; Шалва Александрович **Амонашвили** — действительный член Академии педагогических наук, народный депутат СССР; Евгений Давидович **Свердлов** — директор Института молекулярной генетики АН СССР, член-корреспондент АН СССР; Михаил Федорович **Жилин** — заместитель главного врача клинической инфекционной больницы № 2 г. Москвы по акушерству и гинекологии; Алла **Алова** — корреспондент журнала «Огонек»; Альберт Филиппович **Быковский** — доктор медицинских наук, профессор, руководитель межлабораторной группы по СПИДу Института эпидемиологии и микробиологии имени Гамалеи; Евгения Марковна **Альбац** — обозреватель газеты «Московские новости»; Михаил Игоревич **Коробков** — директор Центра инжиниринга, маркетинга и менеджмента АПИО Госстроя СССР, Союза архитекторов СССР, ЦК ВЛКСМ; Михаил Вениаминович **Левин** — начальник подотдела медицинских полимеров концерна «Биопрепарат» Министерства медицинской промышленности СССР; Олжас Омарович **Сулейменов** — президент антиядерного движения Невада — Семипалатинск, член Верховного Совета СССР; Александр **Мень** — православный священник; Михаил Яковлевич **Жидков** — пастор Московской церкви Евангельских христиан-баптистов; Евгений Владимирович **Зайцев** — проповедник Тульской адвентистской церкви, преподаватель семинарии; Владимир Семенович **Федоровский** — председатель исполнительного органа Московской Еврейской религиозной общины; Абдул Хамед **Турсунов** — представитель Духовного управления мусульман Средней Азии и Казахстана, ответственный секретарь журнала «Мусульмане советского Востока». Зарубежные представители Фонда: Михаил **Шемякин,** Владимир **Войнович,** Анатолий **Гладилин,** Василий **Аксенов,** пастор Евгений **Фос** — директор Института «Вера во втором мире» (Цюрих).

На заседании прошла бурная дискуссия о направлениях работы Фонда, о необходимости создания производства одноразовых медицинских изделий, о том, **что** необходимо закупать в первую очередь, о том, как распределять закупленное. Для эффективного принятия решений по всем этим вопросам совет сформировал из своего состава 4 комиссии: **комиссия по закупкам медицинского оборудования и другим затратам с валютного и рублевого счетов** (ответственные А. Г. Аганбегян, Р. В. Петров, А. И. Воробьев); **комиссия по распределению благотворительных грузов и закупленного медицинского оборудования** (ответственные Ч. Т. Айтматов, А. Ф. Быковский, С. Н. Федоров); **комитет общественного контроля за использованием в больницах различных регионов страны одноразового медицинского оборудования** (ответственные Е. Альбац, О. Сулейменов); **комиссия по сбору средств и пожертвований** (ответственные Г. К. Каспаров, Т. Толстая, А. Мень).

Академик А. Г. Аганбегян назначен руководителем экономико-производственной программы Фонда.

25 января прошло заседание комиссии по закупкам и другим затратам. Дискуссия по валютным тратам была очень напряженная. Одно из мнений: валюту надо «копить», с тем чтобы, собрав 5—6 миллионов долларов, купить линию по производству одноразового медицинского оборудования и построить завод. Но преобладающим оказалось другое мнение: хотя **экономически** целесообразнее вкладывать валюту в закупку оборудования, производящего одноразовые медицинские изделия, и строить заводы, с **эпидемиологической** точки зрения, с точки зрения экстренной помощи, немедленного спасения детей, которых продолжают заражать в больницах, необходимо действовать экономически нецелесообразно — закупать сами одноразовые шприцы, системы для переливания крови, внутривенные катетеры для детских больниц. Завод строится минимум два года. А у нас этих двух лет уже нет. Опоздали. Рэм Викторович Петров на заседании сказал:

— Если мы начнем вкладывать доллары в строительство, мы их неизвестно куда «заколотим» — учитывая наши любимые традиции долгостроя, простоя оборудования из-за нехватки сырья и т. д. Не можем мы рисковать пожертвованиями. Ну просто спать спокойно не сможем мы с вами. Пожертвования людские надо тратить на экстренную реальную сегодняшнюю помощь. А в совместное с западными фирмами производство одноразовых медицинских изделий мы можем вкладывать рубли, землю под заводы, рабочую силу, сырье. Взять кредит под строительство в конце концов можем.

Итак, проект решения комиссии: на валютные пожертвования в течение 1990 года закупать одноразовые шприцы, системы для переливания крови, внутривенные катетеры и хотя бы частично закрыть дефицит в этих медицинских изделиях детских больниц и роддомов. А на совместное производство одноразовых медицинских изделий взять валютный кредит. Проект решения будет утверждаться на очередном заседании Распорядительного совета. Сейчас Фонд ведет переговоры с фирмами о закупках и параллельно проходит регистрацию в МВЭС как участник внешнеэкономической деятельности. Надеемся, регистрация пройдет быстро, без бюрократических проволочек.

Под руководством академика Аганбегяна Фонд разворачивает деятельность по созданию совместного с западными фирмами производства одноразовых медицинских изделий. Обращаемся к советским предприятиям и Советам народных депутатов: мы ждем от вас предложений по площади для строительства заводов. Обращаемся к западным фирмам, бизнесменам — мы ждем ваших предложений по созданию совместных предприятий.

По рублевому счету Фонда комиссия предложила следующие статьи расхода: вложение средств в производство медицинского оборудования; просветительская работа среди населения и медработников, в частности создание документальных и видеофильмов, создание выездных «курсов» повышения квалификации для медсестер (бригады медиков, выезжающие в отдаленные поселки, кишлаки и ведущие разъяснительную работу для медперсонала); лекции зарубежных специалистов по проблемам СПИДа; приглашение зарубежных специалистов для разработки совместно с советскими учеными прогноза распространения СПИДа в СССР и программы действий для предотвращения глобальной катастрофы; финансирование эпидемиологических экспедиций для выяснения эпидемиологической ситуации в различных регионах страны, в частности создание бригад «быстрого реагирования», немедленно выезжающих в районы, где зафиксирована вспышка СПИДа.

ХРОНИКА ПОЖЕРТВОВАНИЙ

Академик А. Г. Аганбегян — 118 тысяч одноразовых шприцев и 236 тысяч игл к ним. Благотворительный груз от академика Аганбегяна по его просьбе направляем в Республиканскую детскую инфекционную больницу, г. Ереван.

Писательница Людмила Петрушевская. — 5 тысяч долларов.

Чемпион мира по шахматам Гарри Каспаров — 6500 франков.

Музыкант Владимир Спиваков — миллион лир.

Михаил Яковлевич Жидков, пастор Московской церкви Евангельских христиан-баптистов — 6 тысяч одноразовых шприцев в дар Фонду.

«Институт нейрохирургии имени академика Н. Н. Бурденко АМН СССР просит помочь нам одноразовыми шприцами. По положению, созданному Минздравом СССР, магазин «Медтехника» продает одноразовые шприцы по безналичному расчету только роддомам и детским учреждениям г. Москвы. Это вынуждает обратиться к вам. Наш институт не является детским учреждением, но имеет детское отделение, в институте ежедневно находятся **до семидесяти детей** с заболеваниями центральной нервной системы. Детям проводятся хирургические вмешательства и длительное послеоперационное лечение. В день детское отделение расходует 130—150 шприцев.

Заранее благодарим вас.

Главный врач Института нейрохирургии
имени Н. Н. Бурденко АМН СССР
П. И. Падалко».

Шприцы от пастора Жидкова Фонд передал в Институт нейрохирургии.

Отец Митрофан Зноско — храм Св. Серафима в Нью-Йорке — тысяча долларов в дар Фонду.

Совместное советско-финское акционерное общество «КОНЕЛА» — 60 тысяч одноразовых шприцев. Груз направлен в областную детскую больницу г. Брянска.

Правление советских директоров Московского народного банка (Лондон) — 83 тысячи одноразовых шприцев и 166 тысяч игл. Шприцы направляем в зону экологического бедствия в город Кзыл-Орда Казахской ССР, в городскую детскую больницу.

Александр Бобылев, представитель американской компании Интерлок Консалтанс, привез в пода-

рок Фонду паровой стерилизатор, предназначенный для стоматологических кабинетов. Стерилизатор снабжен цифровым дисплеем для установки режима стерилизации, и принтером, регистрирующим режим работы. Прост в употреблении, не разрушает медицинские инструменты.

Стерилизатор передан в детское отделение ЦНИИ стоматологии (Москва).

Международная Ассоциация делового и культурного сотрудничества «Содружество сынов Отечества»:

«Мы с большим интересом следим за публикациями вашего журнала последних лет. Проблемы, поднимаемые на его страницах, входят в круг нашего внимания, зачастую вызывая самую острую реакцию. В этом смысле мы считаем ваш журнал одним из лидеров тех позитивных преобразований, которые происходят в нашей стране, и испытываем чувство особого доверия к вашим инициативам и начинаниям.

Будучи обеспокоены гигантской опасностью распространения вируса иммунодефицита человека, мы хотели бы поддержать созданный при вашем непосредственном участии Фонд «АНТИСПИД». С этой целью мы безвозмездно передаем Фонду партию из 10 000 одноразовых шприцев западногерманского производства.

Мы просим направить полученные шприцы в медицинские учреждения, занятые вопросами охраны здоровья материнства и детства.

С готовностью к дальнейшему сотрудничеству Президент Ассоциации «Содружество сынов Отечества» О. Солодовников».

От редакции. 10 тысяч одноразовых шприцев были направлены в родильное отделение 10-й городской больницы в Рязани.

Маленький **коллектив посольства СССР в Республике Бурунди и советских специалистов,** работающих в этой стране, на общем профсоюзном собрании принял решение закупить 10 тысяч одноразовых шприцев и направить их в Фонд «ОГОНЕК» — АНТИСПИД» для целесообразного использования. В свою очередь, обращаемся к коллективам советских посольств за рубежом и других заграничных учреждений внести свой вклад в борьбу против СПИДа в нашей стране.

В. Н. Софинский, советский посол в Бурунди.

От редакции. 10 тысяч шприцев направляем в орехово-зуевский роддом.

Всесоюзное хозрасчетное внешнеэкономическое объединение «Союзвнештранс»:

ВВО «Союзвнештранс» поддерживает благородные усилия Фонда и окажет практическую помощь по транспортно-экспедиторскому обслуживанию медицинских грузов Фонда.

Обращаем ваше внимание, что успешная переотправка грузов из международного аэропорта Шереметьево-2 в другие аэропорты страны полностью зависит от готовности аэропортов Московской зоны (Домодедово, Внуково, Шереметьево-1 и Быково) к их приему, а также оперативное содействие таможенных органов.

Учитывая вышеизложенное, просим руководство ГУАРП МГА СССР о соответствующих указаниях.

Искренне желаем успехов в благородной инициативе.

С уважением
зам. председателя ВВО «Союзвнештранс»
В. Н. Буканов.

Внесли пожертвования в наш Фонд также: И. Нагле, И. Марморштейн, Институт «Гидропроект» имени С. Я. Жука (Москва), Л. В. Баженова, Ю. А. Чеботарев (Москва), Хаим Магаль (Тель-Авив), Блэкуэлл сайентифик пабликэйшнз, Лтд (Великобритания); Жан-Пьер Бернине, Йоахим Дитрих (ФРГ), Франк Шмидт (ФРГ), У. Гравенхорст (ФРГ), София Марголина (Берлин), Б. Келли (Англия), С. К. Кеннеди (Англия), Дж. Уильямс (Англия), Анна Кахилл (Англия), Анджела Пайпер, С. Р. Рэтклифф, Х. Ф. Эверет, Рон Миллер (Англия), агентство морских перевозок «Шараф», М. Л. Лу (Англия), Л. Эмблер (Англия), Д. М. Джоану (Англия), Розмари Тотванян, Шейла Т. Маккэй (Лондон), С. М. Мэнсфилд, Черази Джамаунджи, С. Дикзбаликс (Австралия), М. Е. Томас (Англия), А. М. Х. Кшизопольска (Англия), М. Г. Тэйлор (Англия), А. Т. Эванс (Англия), Ай. Филлипс (Англия), Дж. Р. Эффеми (Англия), Э. Томпсон (Англия), С. Х. Госсип (Англия), Гордон Э. Смит, Йорг Р. Меттке (Москва), А. Е. Колобанова (г. Реутов Московской области), В. В. Захаров (г. Долгопрудный Московской области), Ю. И. Волощук (Харьков), Э. Бетак (ЧССР), С. Главач (ЧССР), П. Обложинский (ЧССР), Инге Гонтерман (ФРГ), Уве Гравенхорст (ФРГ), проф. Чандра (ФРГ), Э. Маркстейн (Австрия), Ю. А. Изотов (Ленинград), И. Б. Радионов (София), Кёйкуся Лтд (Япония), посольство СССР в Швейцарии, Аль Адван Таер Фейсал (Иордания), Минэлектротехприбор СССР, Франсуа Оба́, НЦМД МЗ СССР, В. И. Лалабекова (Москва), Восточно-Сибирский ЗМК, трест «Спецмонтажавтоматика», завод «Электробритва» (Харьков), Е. И. Мурейко (Полтава), ВНПО «Союзгазавтоматика» (Москва), кооператив «Сенеж» (Москва), УНИХИМ (Свердловск), СП «ЛИНК» (Москва), ММУ треста «Центромонтажавтоматика» (Москва), МСИ-40, приемное отделение Хмельницкой горбольницы, редакция газеты «Заря Донбасса», авторы агентства печати «Новости», кооператив «Подмосковные вечера» (г. Пущино Серпуховского района), С. М. Шапиро (Томская обл.), Красновская (Ленинград), КСУ-17 (Кременчуг), производственный кооператив «Электрод» (Ленинград), КБ ПО «Монолит» (Витебск), санаторий-профилакторий «Витязь» (Севастополь), А. Биншток (Нью-Йорк), Укргипромед.

Мы благодарим вас, друзья! Мы благодарим всех, кто участвует в нашей программе «АНТИСПИД».

Координатор Фонда
«ОГОНЕК» — АНТИСПИД»
Алла АЛОВА.

Выступление академика А. И. Воробьева на заседании Распорядительного совета Фонда.

Всесоюзное объединение по фрахтовым операциям и агентированию флота — 500 тысяч одноразовых шприцев. Направлены в Ригу: в родильный дом № 1, Республиканскую детскую больницу, 1-ю городскую клиническую больницу.

Аукцион подарков «Мисс-фото-89» «заработал» для Фонда 22 950 долларов и 74 555 рублей.

«Экипаж теплохода «Брест» Черноморского морского пароходства на судовом собрании принял решение перевести на благотворительный валютный счет «АНТИСПИД» при журнале «Огонек» 100 инвалютных рублей.

Капитан теплохода Владимир Рябцев».

«Объединенный профком советских специалистов **совместного советско-вьетнамского предприятия «Вьетсовпетро»** в г. Вунгтау, СРВ, перечислил на благотворительный валютный счет «АНТИСПИД» 1600 долларов. Выражаем надежду, что наши средства окажут помощь в борьбе с этой бедой.

Председатель Объединенного комитета профсоюза СП «Вьетсовпетро» Ф. П. Красноперов».

Правление Центрального Дома литераторов перечислило 1100 рублей на счет «АНТИСПИД» — это средства от встречи в ЦДЛ с еженедельником «Аргументы и факты».

Этот вопрос возник перед нами после опубликования в газете «Известия» от 5 декабря 1989 года проекта «Закона СССР о печати и других средствах массовой информации». Нельзя не радоваться самому факту первой за последние десятилетия серьезной попытке освободить печатное слово, затравленное цензурой и административными преследованиями. Хочется воскликнуть: «Наконец-то!» Но так уже кричали в 1865 году, когда был принят Закон о печати; кричали либералы под траурное молчание наиболее демократичной части журналистики. Такого рода восклицания и похвалы всегда выдают с головой либерализм с его постоянной радостью висельника, которому немного ослабили на шее веревку. «Гласность» 1860-х годов сравнивали с отменой крепостного права. Да, пожалуй, но крестьян освободили без земли, «гласность» же осталась лишь очередным «послаблением печати», не перейдя в ее подлинную, основанную на твердых гарантиях **свободу.** И вот опять, спустя годы, страна стоит перед тем же выбором: правительственное **разрешение** говорить правду о самых острых проблемах (гласность) или, перефразируя известную формулу, «отделение печати от государства, государства от печати», то есть юридически оформленное **право** каждого гражданина публиковать свое мнение, используя все известные технические достижения.

По поводу неудачи Великой французской революции А. И. Герцен заметил, что для того, чтобы раба превратить в свободного человека, недостаточно разрушить Бастилию. Для того чтобы гласность превратить в свободу печати, нельзя лишь до бесконечности удлинять поводок, на котором ходит печатное слово (как это получилось с Законом 1865 г.). Эта все удлиняющаяся по мере развития демократии веревка превращается затем в запутанный клубок, а подчас и в хорошо расставленные сети. В них уже запуталась русская «гласность» век назад. Не хотелось бы, чтобы все это повторилось снова. Тогдашний Закон о печати, также ставивший своей задачей оградить редакторов и авторов от произвола власти, местной и центральной (администрирование, к сожалению, всегда сопровождается произволом), представлял собой довольно-таки дырявый забор, через который администратор проникал легко и без напряжения, руководил, «спускал директивы» и наказывал.

Если задача закона охранять права граждан, то кого может защитить фанерный лист, выкрашенный под нержавеющую сталь? Если, создавая космический скафандр, мы заботимся о его прочности и герметичности. способности сохранить жизнь тому, кто в нем находится, то автор и редактор выходят ныне легко одетыми на ледяной холод Системы. Бессмысленно проектировать скафандр с дыркой. Нынешний проект Закона о печати — пока что лишь выкройка будущего Закона о печати: между монументальными пунктами о свободе печати и правах журналиста видны зияющие провалы. Среди пустот — аналогичные тем, столетней давности, и уже совершенно оригинальные, созданные в последнее время, например, вопрос о международном сотрудничестве, «добровольной обязательности» ВААП и др. Иногда не стыкуются и противоречат друг другу отдельные пункты и статьи, оставляются лазейки для аппаратного «управления» печатью, некоторые формулировки неясны или сомнительны с точки зрения самой цели Закона. Мы понимаем эту цель как окончательное снятие с печати всех веревок и ошейников и гарантированную защищенность ее от всех видов «управления», цензурирования и репрессий.

Сравнивая ст. 1 проекта с вариантом, предложенным в 1862 году И. С. Аксаковым, невольно думаешь о том, что первая статья закона похожа на первую ноту музыкальной пьесы, задающую тон всему остальному. Вместо тяжеловесной и избыточной фразы с формулировками, требующими пояснений, ссылок и уточнений (например, что такое «общественно значимая информация», которую распространять можно, в отличие от «общественно незначительной», которую, видимо, распространять нельзя? Кто этот «вопрос» решает?) Аксаков предлагал русский Закон о печати начинать словами: «Свобода печатного слова есть неотъемлемое право каждого подданного Российской империи без различия звания и состояния». («День», 1862, № 32). Проект же предлагает нам мысль о том, что «печать и другие средства массовой информации свободны» (ст. 1); Аксаков, наоборот, призывает освободить не «печать», а граждан страны в их возможности публиковать свою точку зрения, оформленную в литературный текст. В чем различие? Сегодня мы уже понимаем, что в сельском хозяйстве должен быть свободен не совхоз или колхоз, а крестьянин. Что свободен должен быть не кооператив, а кооператор (и то, и другое в рамках закона). Давайте продолжим эту мысль и распространим ее на деятелей печати. Получится тогда, что необходимо признать право каждого гражданина СССР, независимо от партийной или религиозной принадлежности, издавать и публиковать любой текст, не противоречащий законам и Конституции СССР. Пока что ст. 1 как бы иносказательно говорит об этом, смущаясь и робея сказать прямо и недвусмысленно.

Двусмысленность можно назвать главным врагом любого закона. Пока что в проекте ее, к сожалению, много — и в противоречии друг другу отдельных статей, и во внутренне противоречивых терминах и определениях. Что такое «средство массовой информации», постоянно употребляемое в проекте? Печатный орган, «осуществляющий свою деятельность» (ст. 3), являющийся «юридическим лицом» (ст. 4)? Но тогда совершенно неуместно по отношению к юридическому лицу, совпадающему по смыслу с лицом издателя, редактора, учредителя, слово «средство». Противоположная по смыслу трактовка «средства массовой информации» содержится в соседней ст. 2, где объясняется, что это «печатные или аудиовизуальные сообщения, предназначенные для публичного распространения». Но само по себе никакое «сообщение» «юридическим лицом» быть, очевидно, не может. Согласно советскому законодательству, юридическими лицами могут быть только живые люди или их объединения. С другой стороны, с точки зрения языковой правильности «юридическим лицом» не может быть и «средство». Вообще признаемся, что здесь что-то не стыкуется: термин «средство массовой информации» слишком велик, чтобы обозначать им печатный орган, и слишком мал, чтобы употреблять его в смысле «юридическое лицо». Кроме того, не вдаваясь в глубины истории эстетики, можно прямо утверждать, что называть публицистический или художественный текст «средством» неверно сразу с нескольких точек зрения. Информация может быть издана небольшим тиражом и оказаться «массовой», а может большим тиражом — и не массовой; не для всех, но «для нас» (например, издания для членов определенного кружка, религиозной общины, клуба или объединения). Никаких, я думаю, ни у кого не может возникнуть возражений против смысла этих статей, если очистить их от неточностей и противоречий.

То же самое можно сказать и о ст. 3 «Язык средств массовой информации», длинной и противоречивой. Сначала говорится о праве пользоваться «языками народов, которых они обслуживают», затем — что они «вправе распространять массовую информацию и на иных языках». Как это понимать? «Иным» может быть назван практически любой язык, включая древнегреческий и суахили. Понимать ли это как право печатать книги и журналы на любом языке (СССР? всего мира?). Но тогда лишается смысла первая фраза статьи, она вариант того, что утверждается в следующем предложении. Если мы понимаем идею как право каждого гражданина СССР публиковать издаваемый или написанный им текст на любом языке, существующем в мире (включая и искусственные, например эсперанто), то об этом прямо и недвусмысленно нужно заявить. Если же мы не хотим этого, то и это тоже надо бы столь же недвусмысленно и четко определить. Иначе в согласии с последним предложением ст. 3 американский индеец, принявший гражданство СССР, не сможет издавать на своем языке газету, и никто не сможет ему потом объяснить, почему.

В каждой из статей проекта отчетливо видны следы той полемики, которая шла в комиссии в процессе работы. Статья, аналогичная ст. 5 проекта во Временном указе Российского правительства от 12 мая 1862 года, звучала так: «Не допускать к печати статьи:

А) в которых возбуждается неприязнь и ненависть одного сословия к другому,

Б) в которых заключаются оскорбительные насмешки над целыми сословиями или должностями государственной или общественной группы...» (Сб. постановлений и распор. по цензуре с 1720 по 1862 г. Спб., 1862, с. 468).

Надо признать, что список запрещений в ст. 5 более обширен и привлекателен. Правда, опять есть неясности. Наш проект Закона о печати запрещает призывы «к изменению существующего государственного и общественного строя». Этот запрет сильно отдает сталинизмом и брежневским «развитым социализмом» с его убежденностью в собственной непогрешимости и совершенстве. Но мы-то знаем, что это не так. Наш государственный строй стремительно меняется, и в этом заключается смысл перестройки. С другой стороны, призывы к резкому изменению нашей государственной структуры (неважно, согласны мы с ними или нет) раздаются ныне с трибуны Съезда народных депутатов. Означает ли это, что телевидение и газеты, публикуя эти выступления, нарушают ст. 5 проекта Закона? Может быть, что можно народным депутатам, то нельзя «простому народу»? Но мы уже хорошо знаем, куда ведет эта дорога. Не вызывают сомнений пункты, запрещающие пропаганду войны, расовую, национальную и религиозную исключительность. Это есть в Конституции СССР, и, конечно, Закон о печати не должен ей противоречить. Но вот вопрос: может ли Закон о печати, если мы его примем в таком виде, запретить производство детских военных игрушек? Ведь любая бумажка-вкладыш к такой игрушке окажется вне закона и быть опубликованной не может.

Несколько настораживает ст. 5 «Недопустимость злоупотребления свободой печати», где запрещается использование печати для разгла-

шения государственной тайны (что понятно и не может вызывать возражений) со странным добавлением «...или иную специально охраняемую законом тайну». Какая же тайна может охраняться законом, кроме государственной (включая военную, дипломатическую и пр.)? Если речь идет о профессиональной тайне (например, медиков), то это необходимо оговорить специально; перечень профессиональных тайн должен быть приведен в Законе.

Как будто мало было у нас «специально охраняемых тайн», обильно политых кровью? Это слабое место в проекте, оставляющее широкие возможности для последующего административно-командного маневра. В любую сторону — «иные тайны», не сказано, какие именно. «Иные» означает здесь «любые». То же самое можно сказать и о прибавке в конце ст. 5 относительно «подстрекательства к совершению **иных** уголовно наказуемых деяний». Слишком много умных и честных людей было уничтожено и посажено за решетку с такого рода мотивировками, чтобы мы могли смотреть на них снисходительно. Эти «иные» тайны» и «деяния» сильно отдают тридцатыми годами и лишают реальной юридической силы предыдущие четыре статьи той же главы I «Общие положения». Что значит «иная» (не государственная) тайна? Чья она? Есть два варианта: 1) частного лица, 2) ведомства. Чего стоит закон, запрещающий критику частного лица и свято берегущий тайну отдельного ведомства? Здесь стоит вспомнить, как в 1860-е годы при отмене Государственного комитета по цензуре отдельные министерства и ведомства тихо и незаметно прибрали к рукам русскую печать — каждое из них требовало под тем же предлогом контроля за разглашением «иных тайн» нести на предварительную проверку материалы, касающиеся данного ведомства (иногда нужно было несколько цензурных разрешений для одного номера журнала!). Отменив цензуру, невнятным толкованием, кому и что можно, ввели нечто худшее — многочисленные ведомственные цензуры. Из огня да в полымя. Не повторилась бы эта история...

С другой стороны, еще в «Мнениях разных лиц о преобразовании цензуры» (1862 год) цензор Оберт жаловался, что ст. 3 тогдашнего цензурного устава, запрещавшую высказываться критически о существующей верховной власти, невозможно логически истолковать: нельзя критиковать ни одно ведомство, ни даже отдельное лицо, занимающее (или даже занимавшее) видный пост в государственном аппарате. Сопровождая свои рассуждения примерами того, как под видом защиты государственных или ведомственных интересов запрещались статьи, направленные против злоупотреблений, цензор говорит о юридической расплывчатости этих пунктов. В этой расплывчатости тонут журналист и редактор, зато чиновник чувствует себя как рыба в воде. Наверное, нужно еще много работать, чтобы привести ст. 5 в такой вид, когда она не противоречила бы юридической точности Закона, целям, провозглашенным в ст. 1 и всей главе «Права и обязанности журналиста», разрешающей «искать» и «распространять» «определенную информацию» в самых различных сферах и ведомствах страны. Бюрократы будут активно этому сопротивляться, используя все промахи Закона о печати, который будет принят. Может быть, неверно говорить «промахи», потому что для кого-то это удачные формулировки.

Странное впечатление оставляет ст. 6 «Право на учреждение», где есть две мало отличающиеся друг от друга формулировки пункта, вокруг которого в Комиссии разгорелась особенно жаркая схватка. В «Варианте» авторы его забыли, кажется, о ст. 1 с ее ссылкой на Конституцию СССР и гарантиями права на «свободное выражение» и «распространение» своего мнения посредством печати. В «Варианте» вообще нет «гражданина СССР»; в основном тексте статьи он стыдливо ютится в самом конце обширного списка разных «организаций» и «учреждений», имеющих право на то, на что должен иметь право любой гражданин страны. Это как бы выражение того пресловутого и принесшего уже столько зла тезиса о том, что у нас «общественное» выше «личного». Эта вывернутость наизнанку основной идеи порождает подобного рода сюрреалистические проекты Закона, где вообще не оговаривается (или упоминается в разделе «и прочее») самое главное: право гражданина СССР создавать свой журнал и печатать в нем произведения других граждан. Если мы признаем право организации иметь газету или журнал и при этом не признаем права гражданина, то мы опять будем иметь в виду «лес», а не составляющие его деревья. Со всеми вытекающими отсюда последствиями. Что в конце концов первично, а что вторично: организация, состоящая из граждан СССР, или граждане СССР, работающие в этой организации? Ответив на вопрос, мы определим, на что работает наш Закон.

На наших глазах с давно известными журналами происходили удивительные метаморфозы (и этот процесс не останавливается); и мы не раз убеждались, что́ именно определяет лицо журнала — «общественная организация» или те люди, которые в нем работают. Вот почему так хотелось бы с головы на ноги поставить этот список: вначале сказать о том, на что имеет право гражданин страны, а потом уже перечислять всевозможные объединения граждан в «организации», «трудовые коллективы». Если мы просто скажем: «Любой гражданин СССР имеет право на организацию издательства или органа периодической печати», эта формулировка вберет в себя «объединения граждан», а также избавит нас от необходимости пояснять в конце статьи, что «не допускается монополизация... печати, радио, телевидения и других»,— этой монополизации не будет естественным образом. Давайте избавляться от монополизации в вопросе о том, кто может, а кто не может иметь журнал,— и ее, «монополизации», не будет; зато будет подлинное равенство граждан перед Законом о печати.

Вызывает сильное удивление в главе II «Организация деятельности средств массовой информации» настойчивая попытка авторов привязать печать к местным административным органам. В ст. 7 указывается, что «регистрация... издательств ... осуществляется государственными органами союзных (автономных) республик, ведающими вопросами книгоиздания». Где гарантия, что в «государственном органе» какой-нибудь республики не засядет очередной «унтер Пришибеев», в результате чего свободная печать будет полностью уничтожена? Зачем это двойное подчинение закону и администрации? Невольно возникает мысль, что у нас администрация сильнее закона. Иначе почему, уже подчинив издательства закону, мы прибавляем сюда и ее?

Член Государственного совета России барон М. А. Корф писал об этой проблеме подчинения печати администрации: чиновника, способного «управлять печатью», не существует в природе. Потому что, «находясь по самому положению своему в непосредственном соприкосновении со всеми важнейшими вопросами дня и под неизбежным влиянием всех случайностей государственной жизни, он иногда невольно должен будет, более чем следует, увлекаться к тому, чтоб действия свои в отношении литературы подчинять временным административным видам и законы о печати обращать в орудие к достижению разнообразных меняющихся целей. Никакие качества ума и характера и никакое внимание к делу не могут спасти государственного деятеля в таких обстоятельствах от пагубных по своим последствиям ошибок, а сверх того, с каждой переменой лица ... будет неизбежно меняться весь дух правительственной политики в отношении печати. Произвол, непоследовательность, противоречия останутся, таким образом, как бывало прежде, характеристической чертой этой отрасли управления...» — писал бывший начальник Главного управления цензуры России, упразднивший свою должность и свое ведомство. Будем честными до конца и согласимся с тем, что подчинение печатного слова администрации противозаконно по своей сути. Статьи 7 и 8 проекта создают условия для «запрета на профессию» тем журналистам и издателям, которые «провинились» перед местными властями. Называя вещи своими именами, можно утверждать, что эти статьи отменяют Закон о печати, так как закон предполагает ответственность за противоправные действия **перед судом,** но никак не перед «должностным лицом».

Это самое «должностное лицо» постоянно проглядывает сквозь строки проекта, и чем чаще оно возникает, тем быстрее исчезает эйфория от слов «свобода печати».

Ст. 10 разрешает «приостановить» деятельность радиостанции или журнала «на срок до одного месяца решением органа, выдавшего свидетельство о регистрации». Правда, в ст. 11 предполагается, что для запрещения печатного органа все-таки необходимо решение суда. Но опять-таки ставится в зависимость от «органа, выдавшего свидетельство»; его «предупреждения» лежат в основе обвинения. Если сравнить административный произвол, запрограммированный в тексте проекта, с взрывчатым устройством, то издание журнала в условиях действия такого Закона о печати можно сравнить с прогулкой по минному полю. На каждом своем шагу от «регистрации» и до «распространения» издатель или учредитель печатного органа имеют под ногами яму административного произвола; могут быть не зарегистрированы, не допущены, приостановлены, закрыты. Вряд ли такое положение дел можно считать пределом юридического совершенства документа. Не говоря уж и о совершенно «глухих» пунктах проекта, о смысле которых можно только догадываться. Например, ст. 10, предполагающая карательные меры по отношению к журналу, нарушившему «правила распространения официальных сообщений». Не слишком ли крутая мера?

В ст. 25 определяется исключительное право государства влиять на редакционную коллегию журнала, определять, что печатать, а что нет. Мало того, что каждый журнал обязан по требованию все той же «администрации» печатать любой материал, представленный ему «сверху»,— он еще должен делать это бесплатно! Чего же стоит закон, предполагающий его нарушение правительственным чиновником? Почему журнал — юридическое лицо и хозрасчетное предприятие — обязан бесплатно работать на «аппарат»? «Официальные сообщения органов государственной власти и управления», конечно, нуждаются в публикации достаточным тиражом. Однако не хватит ли для этого правительственных газет и журналов? Или мы опять увидим старую, надоевшую всем унылую картину, когда первые полосы всех газет совпадают почти до запятой? Конечно, нужно отрегулировать отношения государства, заинтересованного в распространении нужной информации в нужный момент, и частных журналов и газет, теле- и радиостанций. Однако главным способом распространения таких официальных сообщений должна стать публикация в печатных органах правительства. Частным печатным органам может быть **предложена** соответствующая информация для публикации; а вот печатать ее или нет и с каким комментарием — это дело редакции. Причем необходимо обязать правительство **платить** журналу или газете за опубликование предложенной информации. Нельзя правовому государству нарушать собственное трудовое законодательство. Каждая строчка в номере периодического издания или книге должна определяться исключительно редакционной коллегией. И больше никем. Иначе вместо закона мы получим очередную «инструкцию», определяющую, где и как можно ограничить неугодного автора, строптивого редактора, «чересчур самостоятельного» издателя.

Помимо противоречия основным правовым нормам, этот пункт (ст. 25) противоречит и расположенной рядом ст. 29, которая гласит: «Никто не вправе обязать средство массовой информации опубликовать отклоненный редакцией материал...» И это правильно, но только без последующего добавления: «...если иное не предусмотрено законом». А. И. Герцен сравнивал лозунг Французской революции «Свобода, равенство, братство — или смерть» с возгласом грабителя: «Кошелек или жизнь!» Если «иное» все-таки будет «предусмотрено законом», то закон просто перестанет быть таковым, порождая условия для безнаказанности, коррупции, всякого рода «административных восторгов». «Стеснение для печати губительно для самого государства,— писал более ста лет назад И. С. Аксаков,— и государство, в видах собственного сохранения, должно предоставить полнейшую свободу деятельности общественного сознания, выражающегося преимущественно в литературе. Одним словом, если государство желает жить, то должно соблюдать непременные условия жизни, вне которых смерть и разрушение; условие жизни общества — есть свобода слова, как орудия общественного сознания... Мы хотим думать, что эти очевидные истины признаются официальным миром» («День», 1862, № 31). Признаются ли сегодня, хочется спросить?

По крайней мере этот вопрос возникает при чтении ст. 40, где опять возникает трижды проклятая «ответственность за чужое дело». Почему один человек должен нести ответственность за то, что сделал (сказал, написал, опубликовал) другой? Представим себе ситуацию, когда человека, которого обманули или обокрали, сажают **за это** в тюрьму. Такого рода ситуация описана в ст. 40, где говорится, что ответственность за нарушение законодательства о печати при издании «средства массовой информации» несут, помимо «редактора», «учредителя», «издателя» и «автора», еще и «должностные лица государственных и общественных организаций» (!!!). К чему такая непомерная ответственность возлагается на го-

сударственных чиновников? Здесь можно было бы только пожалеть их, бедных, ибо по проекту они оказываются в положении «козлов отпущения» за все грехи печати. Если бы не туманное предположение, что за этим добровольным самозаклянием чиновников аппарата стоит все то же стремление покрепче ухватить печать за горло. Так, на всякий случай.

Еще раз убеждаешься в верности мысли о том, что «печать — один из видов общежития, и в ней есть все то, что в остальных частях общества» (Лембке М. Эпоха цензурных реформ 1859—1865 гг. Спб., 1904, с. 80). Как писали русские журналисты сто лет назад в открытом письме правительству, «Печать не есть принадлежность какого-либо класса людей, какой-нибудь клики; в печати могут высказываться и высказываются мнения лиц, принадлежащих к различным общественным срезам... В интересах Верховной Власти, в интересах страны следует не стеснять печать в этом отношении, а напротив, давать ей всевозможные льготы, пока она остается в пределах, обозначенных самим правительством» (Там же). Принимая же на себя ответственность за мнение частного лица (автора или издателя журнала, например), правительство выглядит не лучшим образом: мнение это может быть неверным — и тогда оно ошибается вместе с автором. Государство имеет возможность выразить свое мнение по любому поводу в своем печатном органе; стремление подвести под государственный контроль **всю печать** можно сравнить с попыткой легкой промышленности выпускать одежду одного цвета и одного размера.

Попытка обеспечить гарантии развития гласности в печати с помощью заботливых чиновников аппарата напоминает лечение насморка с помощью гильотины. Подчинив печать государству, мы уже не имеем права говорить о «свободе» ее, ибо свобода от государства — главное, от чего необходимо и так трудно быть свободной печати.

Что же могут гарантировать не вызывающие сомнений статьи о правах журналистов (ст. 33—37) или о правах на информацию (ст. 26—32)? Во многих статьях в качестве гаранта выступает суд (ст. 11, 24, 32 и др.). Видимо, только суд и должен быть единственным посредником в решении спорных вопросов между юридическими лицами, причем государство, если оно построено на правовой основе, должно рассматриваться в суде как равное с другими (издатель, автор, редактор) юридическое лицо. Готов ли наш суд выполнять такую функцию? «...Основательное и справедливое изменение в положении литературы невозможно без изменения всего характера нашего законодательства и наших учреждений. Результат этот очень неутешителен, но мы считаем себя обязанными прямо и без самообольщения заявить о нем»,— писали русские литераторы в своей «записке о преобразовании цензуры» («Мнения разных лиц о преобразовании цензуры». Спб., 1862, с. 78). К этому «мнению» и сейчас можно присоединиться, вспомнив «литературные процессы» недавнего прошлого.

Для избавления прессы от назойливой опеки администраторов и вместе с тем для защиты ее прав было бы важно найти силу, способную противостоять «аппаратному» саботажу Закона о печати. Может быть, таким органом мог бы стать Комитет, избранный Съездом народных депутатов? Естественно, только при условии подчинения его Съезду народных депутатов, но никак ни кому бы то ни было еще. В этом случае печать, как выражение общественного мнения, будет контролироваться самим же обществом в лице его полномочных представителей. Как писали в прежние времена братья Достоевские, «общество не чувствует никакой потребности ни в каких законах о печати, кроме разве одного, именно **о свободе печати:** всякий может писать, печатать и издавать свободно все, что хочет, так как правительство, опирающееся на любовь народа и на общественное мнение, имеет основание рассчитывать в то же самое время на здравый смысл подданных, а потому не имеет повода опасаться ни за себя, ни за подданных» («Время», 1862, № 4, с. 298).

Наша страна после столь долгих страданий заслужила хороший Закон о печати, способный освободить общество от летаргического сна и вывести из тюремного дворика на свет Божий. Демократия предполагает терпимость к чужой точке зрения, не совпадающей с твоей собственной. Апофеоз этой нетерпимости к чужому мнению — догматизм, любовь к своему начальнику, прямо пропорциональная его чину,— все то, что Ф. М. Достоевский называл «лакейством мысли». Чем больше в обществе, по выражению М. Е. Салтыкова-Щедрина, «административного восторга», тем напряженнее и сосредоточеннее работает Угрюм-Бурчеев либо Иудушка Головлев. Всего этого нужно опасаться так же, как опасались и сто лет назад; желательно только, чтобы пользы от нашего Закона о печати оказалось больше, чем от принятого 125 лет назад, в 1865 году. Если история чему-нибудь учит и, как нас учили с детства, действительно идет по спирали...

Фото И. ГРИШИНА

ВОКРУГ ИСТИНЫ

Послесловие к работе одной из комиссий Съезда народных депутатов

Наши горячие разговоры о предвыборной, парламентской и прочей культуре, увы, все еще из области благих намерений. Иначе трудно объяснить настойчивость, с которой нас вынуждают вновь и вновь возвращаться к, казалось бы, исчерпанным темам. Кое-кого так и тянет на воспоминания. Иногда они, «воспоминания» эти, отдают некомпетентностью, в других случаях — смахивают на отчаянную попытку во что бы то ни стало отмыть мундир... Удивляться тут особенно нечему. Ничего нового нет в таком стремлении. И не стоило бы приводить еще один пример, если бы речь шла о событии заурядном. А так ведь — снова о тбилисской трагедии. Известно, как некоторые уважаемые министерства, ведомства откровенно препятствовали расследованию известных событий, когда они еще велись на республиканском уровне. Но вот наконец делом занялась Комиссия Съезда народных депутатов СССР. Результаты оглашены. Однако до сих пор раздаются голоса, подвергающие сомнению качество и правдивость анализа материалов. И не где-нибудь в сельском клубе, а по телевидению или даже на Пленуме ЦК КПСС. Все это трудно расценить иначе, чем неуважение к парламенту страны, его представителям, избранным народом, к их решениям. Исключительно в связи с тем, что выводы Комиссии продолжают подвергаться сомнению на самом различном уровне и под сомнение ставится также редакция журнала «Огонек», мы вновь обратились к народному депутату СССР Анатолию Александровичу СОБЧАКУ с просьбой дать оценку происходящему.

— Совершенно неожиданно для меня (и для нас тоже — см. «Огонек» № 8 за 1990 год, «Неделя в феврале».— **Ред.**) на февральском Пленуме ЦК КПСС товарищ Лигачев вернулся к оценке тбилисских событий... Это выглядело тем более странно, что во время встречи с парламентской комиссией Егор Кузьмич подчеркивал, что никакого заседания Политбюро по Тбилиси, кроме рабочего совещания 7 апреля 1989 года, не было. И вдруг на Пленуме он заявляет прямо противоположное: мол, было заседание, в котором принимали участие и М. С. Горбачев, и Н. И. Рыжков, и Э. А. Шеварднадзе, и А. Н. Яковлев, прилетевшие из Лондона.

По-видимому, выступавший имел в виду протокольную встречу, которая состоялась примерно в 23 часа 30 минут после возвращения делегации из Англии? Она действительно имела место в депутатской комнате аэропорта, и там присутствовали названные лица.

Нас, членов комиссии Съезда народных депутатов СССР, интересовали вопросы, кто именно сообщил руководителю партии и страны о происходящих в Тбилиси событиях, какой была по содержанию эта информация и какие были приняты решения. Все опрошенные руководители — товарищи Чебриков, Лигачев, Шеварднадзе, Язов — сказали нам, что встреча в аэропорту носила протокольный, неофициальный характер. М. С. Горбачев и прилетевшие с ним из Лондона товарищи уже знали о событиях в Тбилиси, но никто из них не мог вспомнить, от кого именно поступили сведения. Только один товарищ Язов указал, что информация исходила от Е. К. Лигачева.

Произошел обмен мнениями на ходу, и было принято решение направить товарищей Шеварднадзе и Разумовского в столицу Грузии. Уже был готов к вылету самолет, когда пришла успокоительная телеграмма от тогдашнего руководителя грузинской парторганизации товарища Патиашвили. Ему тут же позвонили, но он сказал, что не видит необходимости в их приезде, и полет отложили на день.

М. С. Горбачев отправился отдыхать, а участники встречи в аэропорту, кроме Е. К. Лигачева, уехавшего в отпуск, то есть товарищи Чебриков, Шеварднадзе, Крючков, Бакатин и Лукьянов, на следующий день в ЦК КПСС снова вели разговор о Тбилиси. Они еще раз связались с Д. И. Патиашвили и, поскольку вновь получили успокоительный ответ, приняли решение о том, что Э. А. Шеварднадзе и Г. П. Разумовскому нет необходимости лететь в Грузию.

О событиях, которые произошли в ночь с 8 на 9 апреля 1989 года в Тбилиси, все участники этой встречи, по их словам, узнали только после того, как трагедия уже произошла.

Вот какое письмо получил я от Е. К. Лигачева в октябре прошлого года (привожу текст полностью):

«Анатолий Александрович! В связи с публикацией выводов грузинской комиссии о событиях 9 апреля в Тбилиси, где дается ссылка на материалы союзной комиссии, счел необходимым направить Вам эту записку.

С уважением, Лигачев.
06.10.89 г.

Председателю комиссии Верховного Совета СССР по расследованию событий 9 апреля 1989 г. в городе Тбилиси тов. Собчаку А. А.

Уважаемый Анатолий Александрович!

На днях познакомился с выводами комиссии Верховного Совета Грузинской ССР по расследованию событий 9 апреля 1989 г. в Тбилиси, опубликованные в республиканской газете «Коммунист» (23 сентября 1989 года).

Считаю необходимым обратить Ваше внимание на следующее. Авторы данного документа многозначительно утверждают, что на совещании, проходившем 7 апреля т.[екущего] г.[ода] в ЦК КПСС под председательством Е. Лигачева «решили удовлетворить просьбу ЦК КП Грузии по оказанию помощи в военной силе». Далее говорится, что это «подтверждается материалами расследования комиссии, утвержденной Съездом народных депутатов СССР». Между тем, насколько мне известно, возглавляемая Вами комиссия результаты своей работы еще не оглашала. Это обстоятельство и побудило меня обратиться лично к Вам.

Хочу подтвердить то, что я говорил на заседании Комиссии Верховного Совета СССР. Действительно, 7 апреля т. г. в ЦК КПСС с участием членов Политбюро, кандидатов в члены Политбюро, секретарей ЦК состоялся обмен мнениями об обстановке в Грузии.

В конце заседания я обратил внимание на то, что просьба о выделении войск для поддержания общественного порядка и введение комендантского часа не обсуждались коллективно в республиканских органах Грузии и исходила фактически устно от тов. Патиашвили Д. И. В связи с этим внес предложение рекомендовать ЦК КП Грузии рассмотреть сложившуюся ситуацию в руководящих республиканских советских и партийных органах: в Президиуме Верховного Совета, Совете Министров, ЦК Компартии. При этом было особо подчеркнуто, что следует действовать политическими методами, усилить работу с участниками митингов и в трудовых коллективах, а не отсиживаться в кабинетах.

Предложения были переданы Секретарями ЦК товарищу Патиашвили Д. И. К сожалению, эти принципиально важные указания ЦК КПСС не отражены в заключениях комиссии.

Вскоре ЦК КП Грузии направил в Москву несколько шифрограмм (их текст был зачитан тов. Лукьяновым А. И. на Съезде народных депутатов СССР). К этому времени, точнее 8 апреля утром, я отбыл в ранее запланированный отпуск.

При обсуждении вопроса 7 апреля было высказано пожелание и обращено внимание руководства МВД и Министерства обороны на необходимость обеспечения готовности сил и средств на случай опасного, угрожающего жизни людей развития событий. Тем самым не повторить ошибок, которые не позволили предотвратить известную трагедию в Сумгаите. К сожалению, наши опасения подтвердились последующими событиями в Абхазии, Фергане, когда пришлось срочно перебрасывать войска из других районов и все-таки не удалось избежать гибели и ранений людей, их горя и страданий.

Хотел бы напомнить, что, по сообщению руководства ЦК КП Грузии, МВД СССР, отделов ЦК КПСС ситуация в Тбилиси уже в ту пору осложнилась, нарастал опасный экстремизм.

Категорически не могу согласиться с утверждением Грузинской Комиссии в той же газете, что «события 9 апреля не были тайной для руководства страны, в том числе Лигачева». Руководство страны узнало о трагических событиях после того, как они произошли. ***Что касается меня, то могу сказать, что узнал об этом из сообщения по телевидению*** **(выделено нами.—** ***Ред.*****).**

Строго говоря, до 7 апреля и после этого дня я не принимал участия в рассмотрении вопросов по Грузии.

Таковы факты. Просил бы Вас ознакомить с этой запиской членов Комиссии Верховного Совета СССР.

С уважением, Е. Лигачев.
6 октября 1989 г.*».

Нашей парламентской комиссии Егор Кузьмич сообщил: «Я этими проблемами, связанными с событиями в Грузии, не занимался ни до совещания, ни после совещания». А само совещание представляло собой «просто обмен мнениями, у кого что возникло». Однако в результате в Тбилиси были переброшены войска, генералы Родионов и Кочетов начали готовить операцию.

Естественно, возникает вопрос: где же Егор Кузьмич говорил правду — когда давал объяснения комиссии и утверждал, что никакого заседания Политбюро не было, а имела место рабочая встреча, обмен мнениями? На II Съезде народных депутатов? Или в письме на имя председателя парламентской комиссии? А может быть, правда заключена в его выступлении на февральском Пленуме ЦК КПСС?

То, о чем говорил Лигачев на заседании комиссии, а также в письме на мое имя, полностью совпадает с объяснениями других участников соответствующих совещаний и встречи в аэропорту. Однако если считать правдой то, что Егор Кузьмич сказал на февральском Пленуме ЦК, возникает вопрос о правдивости показаний остальных участников встречи в аэропорту.

Дело тут более чем серьезное, поскольку речь идет о высших руководителях партии и государства и о тех показаниях, которые они давали нашей комиссии. Вот почему после сказанного Е. К. Лигачевым на Пленуме ситуация изменилась и требует принципиального решения.

Итак, что же показали комиссии другие участники памятной встречи в аэропорту? Цитирую стенограмму.

Д. Язов:

«Часов так в 23.30 прилетел Михаил Сергеевич из Англии. Все встречали. После того, как коротко проинформировал Михаил Сергеевич о том, как была проведена поездка на Кубу, затем в Англию, он сразу спросил, как положение у нас. О том, что происходит в Тбилиси, он был в общем ориентирован, товарищ Лигачев сказал: вот получили такую-то

* В приведенном письме сохранены авторский стиль Е. К. Лигачева и орфография. Комиссию Съезда народных депутатов СССР тов. Лигачев ошибочно называет Комиссией Верховного Совета СССР.— Примечание А. А. Собчака.

шифровку сегодня от товарища Патиашвили; какое решение? Было принято решение направить туда товарища Шеварднадзе, товарища Разумовского для того, чтобы на месте решить все проблемы. И на случай, если они примут решение ввести комендантский час, вновь будет решение направить один полк воздушно-десантной дивизии и ряд других частей для охраны общественных объектов».**

В. Чебриков:

«На аэродроме состоялся разговор, какие меры предпринимаются. Горбачев дал такой совет: пусть товарищ Шеварднадзе и товарищ Разумовский вылетают в Тбилиси. Но сделайте так: взвесьте, подумайте, когда лететь. Я согласен сейчас отпустить. Но это же дело такое... Ночью шли переговоры... Мы собрались еще раз. Это было уже на следующий день, в субботу. Это совещание пришлось вести мне. Мы с группой товарищей обсуждали. Взвесили все «за» и «против». Еще раз просили позвонить. Вновь разговор идет о том, что ничего не надо, стоит самолет в аэропорту, все нормально... И потому было принято решение товарищу Шеварднадзе и товарищу Разумовскому не лететь. Отложили... Если бы Патиашвили не перебил нам этой вещи с Шеварднадзе и Разумовским, они бы прилетели туда на сутки раньше, они бы не допустили этого. Еще шанс был. Они бы никогда не допустили этот шаг».

Хочу обратить внимание на целый ряд деталей нашего расследования, на ряд фактов, которые мы и сегодня не можем интерпретировать однозначно.

Генерал Родионов показал комиссии, что бывший второй секретарь грузинского ЦК Б. Никольский еще 6 апреля требовал от него восемь тысяч солдат для наведения порядка в Тбилиси. Никольский это отрицает.

Генерал Самсонов, начальник штаба Закавказского военного округа:

«Шестого апреля примерно в 18.30 мне позвонил Никольский с просьбой выделить войска для наведения порядка. Я ответил, что округ не может этого сделать. Затем примерно через 30—40 минут товарищ Никольский опять позвонил, сказал, что не может связаться с командующим округа. Самсонов доложил, что у него была связь с командующим и тот поддержал Самсонова в том, что войска для наведения порядка выделять не надо. Одновременно Самсонов сказал, что без команды ничего делать не будет. Никольский ответил, что команда будет, и минут через двадцать, примерно в 20.00, позвонил Язов Самсонову, спросил об обстановке, и товарищ Язов сказал: связаться и держать связь с руководством республики, но без его команды войска не выделять. Товарищ Никольский позвонил в третий раз примерно в 20.30 и спросил, получил ли я команду?»

Б. Никольский назвал эту запись «неточной». Сказал, что никто Язову не звонил. Но вспомнил, что «такой разговор с Родионовым был. **С Самсоновым действительно был разговор... И силы попросили для того, чтобы прикрыть ЦК и Совет Министров».**

В ряде объяснений членов Бюро ЦК КП Грузии есть данные о том, что демонстрация военной техники и военной силы на улицах Тбилиси 8 апреля — идея того же Бориса Никольского. Но сам он назвал такие утверждения «лукавостью». Мол, он не обладал властью, чтобы принимать такие решения. Хотя речь шла не о решении, а об идее психологического давления на город.

Кстати, демонстрация военной техники прошла тогда и в ряде городов Прибалтики — в Риге, Таллинне, Пярну... Мы спрашивали, что думает об этой акции министр обороны Д. Язов. Он ответил, что это было **«в порядке подготовки к учению» и «не считает это запугиванием товарищей из Прибалтийских республик».** Правда, Дмитрий Тимофеевич тут же уточнил, что боевая техника на улицах и площадях мирных городов в тот день была **«видимо определенной реакцией»** на пикетирование штаба Прибалтийского военного округа. По поводу действий генерала Родионова в Тбилиси Язов объяснил: **«...есть такие происшествия, которые делались во имя чего-то доброго, хорошего...».** А потом добавил: **«Родионов не новичок на стадионе, чтобы по каждому случаю ему давать оплеуху. Родионов два года командовал армией в Афганистане. Я был у него однажды в армии. Знаю, какой он мужественный, какой зрелый человек».**

Из листовки, которую раздавали на II Съезде народных депутатов военные перед докладом комиссии:

«ТРЕБУЙТЕ ПРАВДЫ О ТБИЛИСИ!.. НИ НА ОДНОМ ТЕЛЕ погибших в Тбилиси 9 апреля 1989 года КОЛОТЫХ, РУБЛЕНЫХ, РАЗМОЗЖЕННЫХ РАН НЕТ! Ужасы с окровавленными лопатками — вымышлены. КЕМ и ЗАЧЕМ?.. ТРЕБУЙТЕ ПРАВДЫ!»

Мы специально запрашивали документы у соответствующих правоохранительных органов и абсолютно точно установили, что ни одного преступления, ни одного убийства или насилия, совершенного на межнациональной почве или по отношению к армии до 9 апреля в Тбилиси не было. Результаты трагедии известны. Но если бы хоть один из военных, который действовал в Тбилиси или принимал соответствующие решения, был наказан!.. Более того, генерал Родионов получил повышение. И Кочетов, и Ефимов, и даже командир полка Бакланов, который вопреки Уставу применял нетабельные химические средства, газ «Си-эс»,— никто из них не понес никакого наказания...

Вот еще один фрагмент работы нашей комиссии: беседа с К. А. Кочетовым.

— Когда вам стало известно о применении саперных лопаток? Когда вам доложили, что в ходе операции по вытеснению — в порядке ли самообороны или в каком ином — были применены саперные лопатки?

КОЧЕТОВ: — Вопрос о применении саперных лопаток возник 9-го числа на бюро ЦК. Члены бюро ЦК подняли этот вопрос — вроде применялись саперные лопатки. Но характер всех повреждений говорит о том, что применялись эти саперные лопатки вот как вы объясняете — пускали роту, она не имела снаряжения, только для защиты.

— Можно ли понять, что командиры вам не докладывали о применении саперных лопаток?

КОЧЕТОВ: — Можно. Это снаряжение непосредственно солдатское, оно табельное. И солдаты его используют для выполнения инженерных работ. А в данном случае он мог использовать для самообороны.

— Константин Алексеевич, вы до сих пор убеждены, что лопатки не употреблялись, ну, во всяком случае, чтобы наносить удары?

КОЧЕТОВ: — Анализ тех поражений погибших, шестнадцать человек, подтверждает, что нет там колотых, посеченных ран.

— Но там же масса раненых, которые обращались именно с рублеными ранами. Не убитые, а раненые.

КОЧЕТОВ: — Может быть, отдельные случаи были.

Вопрос Газенко О. Г.: — Олег Георгиевич, сколько человек было с такими ранами?

ГАЗЕНКО: 24 человека.

Вопрос Кочетову: — Производилось ли расследование по поводу применения саперных лопаток вами или другим военачальником?

КОЧЕТОВ: — Прокуратура проводила.

— Только прокуратура? А сами вы такого расследования не проводили?

КОЧЕТОВ: — Я сам такого расследования не проводил.

— Когда вы узнали о применении газов?

КОЧЕТОВ: — О применении газов я вообще не подозревал. В плане это не предусматривалось. Этот вопрос не поднимался. А узнали, наверное, на третий день. И опять узнали не от органов, которые применяли, а узнали от общественности через бюро ЦК.

...Теперь, когда прогремели события в Баку, продолжаются ссылки на «тбилисский синдром». Они звучат в выступлениях ряда генералов, в интервью министра обороны Язова, опубликованном в «Правительственном вестнике». Ставится вопрос: почему же войска опоздали и были введены в Баку лишь тогда, когда избиение армян было завершено? Объясняется, что опоздание произошло из-за боязни войск, так сказать, вмешиваться в конфликт, иначе они, войска, могли быть снова обвинены в нарушении закона и в том, что они были направлены в Баку в качестве полицейской силы.

Попытка сослаться на «тбилисский синдром» несостоятельна и весьма опасна политически. Это не только лукавая попытка избавиться от ответственности за допущенное в Баку, но и негодная попытка задним числом снять с себя обвинения, связанные с Тбилиси... Я думаю, что такая позиция лучше всего характеризует установку некоторых военных на жестокое и бесславное поведение при подобных событиях. Она лучше всего говорит о том, что наши военные до сих пор не усвоили элементарную разницу между боевыми действиями против противника и собственного населения.

В выступлении Лигачева на февральском Пленуме прозвучало слово «заговор». Речь шла о каком-то заговоре против партии, против высших ее руководителей... Не хотелось бы делать какие-то акценты на этом слове. Но все-таки необходимо разобраться, кто именно отдает солдатам приказ о том, чтобы они действовали в одной обстановке или бездействовали в другой. Все это потребует, на мой взгляд, создания парламентской комиссии для расследования событий, связанных с введением чрезвычайного положения в Баку, Душанбе. Однако работа комиссий, самых авторитетных, мало что стоит, и народ нас не поймет, если в результате виновные по-прежнему таковыми себя не ощущают. В этом случае мы не гарантированы, к сожалению, от нового Тбилиси или Баку. И это чрезвычайно опасно.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО МИНИСТРУ ФИНАНСОВ СССР В. С. ПАВЛОВУ

Мы представляем вновь созданные в стране коммерческие и кооперативные банки. Таких банков в стране открылось около трехсот, из них более пятидесяти — в Москве. Это уже достаточно широкая сеть новых кредитно-финансовых учреждений, на примере которых отрабатывается управление двухуровневой банковской системой. На верхнем уровне — Государственный (Центральный) банк, который экономически регулирует размер денег, находящихся в обороте народного хозяйства, устанавливает принципы кредитования и учета, разрабатывает банковское законодательство и контролирует деятельность банков второго уровня — коммерческих банков. На сегодняшний день без коммерческих банков создать рыночную экономику, социально целесообразные товарно-денежные отношения невозможно. Но для этого ими нужно управлять на основе законов и взвешенной, дальновидной налоговой политики.

Постановлением Совета Министров СССР от 14 ноября 1989 года № 971 Министерство финансов СССР установило для коммерческих банков платежи в бюджет в размере 60 процентов от фактической балансовой прибыли ежеквартально с применением системы налоговых льгот. Но ни в одной стране мира нет налога на прибыль выше 35—45 процентов, и налог берется за весь финансовый год, а не поквартально, так как деньги все время находятся в обороте. Кроме того, в официальной телеграмме Минфина СССР о налогообложении, разосланной коммерческим банкам в декабре 1989 года, ни слова не говорится о налоговых льготах. По-видимому, руководителям этого уважаемого ведомства невдомек, что если не будет весомых налоговых льгот на прибыль от вложений коммерческих банков в сельское хозяйство, производство продуктов питания и жилищное строительство, здравоохранение, развитие культуры и спорта, на прибыль от вложений в слаборазвитые районы и районы стихийных бедствий, а также в первую очередь в развитие научно-технического прогресса, то туда не будут направлены средства банков в приоритетном порядке.

Таким образом, создается впечатление, что Минфин СССР, преследуя сиюминутные цели латания дыр в бюджете, хочет дискредитировать социальную значимость коммерческих банков и нарождающихся рыночных отношений в целом. Недавно из публикации «Проценты здравого смысла» («Известия» № 40, 1990 г.) мы узнали о том, что подготовлен проект Инструкции Минфина о взимании налога практически со всех расходов коммерческих банков, в том числе и с расходов на подготовку кадров. То есть общий налог достигнет 70—80 процентов от балансовой прибыли. Неужели цель Минфина — под благим предлогом борьбы с бюджетным дефицитом грубо удушить коммерческие банки?

Наши коммерческие банки только родились, им нужны средства на приобретение вычислительной техники, на создание резервных фондов, на строительство зданий банков — сейчас они располагаются в неприспособленных помещениях.

Очень не хочется верить в преднамеренность действий специалистов Минфина СССР, но тогда их прожекты о налогах объясняются некомпетентностью. Видимо, необходимо изучать мировой опыт, использовать его на практике. Коммерческие банки готовы дать Минфину благотворительный взнос в рублях на эти цели. А если бы Внешэкономбанк СССР еще год назад разрешил нам проводить валютные операции, то дали бы сегодня и необходимые валютные средства.

Считаем необходимым остановить развитие ошибочной линии действий Минфина СССР, спасти коммерческие банки от гибели и в их лице защитить будущее экономической реформы и перестройки.

В. ВИНОГРАДОВ,
председатель правления Московского инновационного банка;
А. ТИТОВ,
председатель правления Мосстройбанка;
А. СМОЛЕНСКИЙ,
председатель правления банка «Столичный», и руководители правлений других банков — членов Московского банковского союза

ИЗ ИСТОРИИ СОВРЕМЕННОСТИ

Несколько лет назад в Париже в одном из крыльев Лувра, там, где размещается Музей декоративного искусства, открылась необычная выставка. Называлась она «Photos trugées» — «Фальсифицированные фотографии». Теперь нас этим не удивишь: мы знаем, что перекроить по заказу диктатора можно не только отдельную жизнь, но и целые массивы истории. Но тогда выставка произвела на меня шоковое впечатление. Рядом с фотографиями, препарированными советской цензурой, можно было увидеть реальные фото, с которых смотрели лики Троцкого, Зиновьева, Бухарина, Рыкова, Каменева... Ведь всего несколько лет назад имена этих людей еще звучали, как выстрел в затылок. Особенно запомнилось мне фото, относящееся еще к дореволюционной истории: на снимке была запечатлена группа русских эмигрантов, социал-демократов, идущих гурьбой с какого-то собрания. И было очевидно, что в толпе рядом с Лениным шли еще какие-то люди. Теперь же их не было. И получалось, что Ленин шел одновременно и в толпе, и один. Снимок, как и другие фотографии на этой выставке, был обманным. Увеличенные фрагменты фотографии выявляли забавные нюансы: в одном месте ретушер оставил незамазанным мысочек ботинка от изъятого человека, в другом — какое-то пятно, которое при рассмотрении сквозь лупу оказалось тенью от шляпы — от шляпы пропавшего с фотографии человека. И я подумал тогда: не след ли это от шляпы Юлия Осиповича Мартова? Ведь из всех имен русской революционной истории имя Мартова оказалось едва ли не под самым толстым слоем цензурного асфальта.

СЛЕД ОТ ШЛЯПЫ Ю. О.

Вячеслав КОСТИКОВ

ИЗ-ПОД ГЛЫБ

Несмотря на яростное внутрипартийное соперничество, Ленин испытывал к этому человеку глубокую привязанность и любовь, которые он сохранил до последних дней своей жизни. Да и сама их жизнь переплелась в такой причудливый и трагический клубок, что распутать его даже и теперь, когда из запасников истории к нам возвращаются спрятанные звенья, не так-то просто. Нетерпимость первых лет революции требовала раскалывать, рвать, резать. Но рвать чаще всего приходилось по живому.

Ю. О. Мартов выехал из России в конце сентября 1920 года. Он был уже тяжело болен. Путь его лежал вначале на Ревель поездом, потом до Штеттина пароходом. Он не бежал, не переходил нелегально границу, не беспокоился при проверке документов: и заграничный паспорт, и мандаты у него были «чистые». Но, хотя целью поездки значилось — участие в съезде Независимой социал-демократической партии Германии, всем — и отъезжающему, и провожающим — было ясно, что назад ему пути не будет. Политика «военного коммунизма» с милитаризацией труда, продразверсткой, противниками которой выступали сторонники Мартова, до последнего предела обострила отношения меньшевиков с большевиками. Говоря об «очередных задачах Советской власти», Владимир Ильич провозглашает, что «от трудовой повинности в применении к богатым Советская власть должна будет перейти, а вернее, одновременно должна будет поставить на очередь задачу применения соответственных принципов к большинству трудящихся, рабочих и крестьян».

Такого рода ориентиры не могли не сказаться на отношении рабочих к большевикам. В Ижевске в 1918 году при выборах в Советы большевики получили лишь 22 из 170 мандатов. Крестьянские восстания, начавшиеся после введения продразверстки (в 20 губерниях Центральной России за год ВЧК насчитало 245 крупных мятежей), к 20-му году фактически выливаются в крестьянскую войну. В принятой в мае 1920 года Тамбовским губернским съездом трудового крестьянства программе снова фигурирует созыв Учредительного собрания, разогнанного большевиками в 1918 году. Крестьянские отряды Поволжья требуют отмены колхозов, свободы торговли, роспуска учреждений РКП(б), как «вредных для трудового народа». В воззвании Тобольского штаба восставших говорилось: «Коммунисты говорят, что Советская власть не может быть без коммунистов. Почему? Разве мы не можем выбрать в Советы беспартийных? Да здравствует народная Советская власть!» Против хлеборобов используются регулярные части Красной Армии во главе с лучшими военачальниками — Тухачевским, Фрунзе, Буденным, Якиром, Тюленевым, Уборевичем. Война против крестьян пагубно сказывается на продовольственном снабжении городов. На фоне хозяйственной разрухи и террора ширится разочарование рабочих и в результатах революции, и в большевистских Советах, и в профсоюзах.

Численность последних (там, где еще не введено обязательное вступление) резко падает. Петроградский союз металлистов, имевший в декабре 1917 года 183 000 членов, к началу 1918 года насчитывал не более 70 000. Почти вдвое сократился и союз металлистов в Москве. Профсоюзы начинают покидать даже ломовые извозчики: в Москве число членов этого профсоюза съехало с 1000 до 200 человек.

В этой обстановке меньшевики делают попытку активизировать свою работу. Возникает идея создать параллельно Советам, где большевики в основном уже монополизировали власть (там, где это не удавалось, Советы разгонялись, например, в Ярославле, Тамбове, Бологом), Собрания уполномоченных от фабрик и заводов. Меньшевики действуют легально. Собрания уполномоченных проходят в Петрограде, в Москве, Туле, Харькове, Самаре, Екатеринославе, причем среди делегатов весьма высок процент беспартийных рабочих. Летом 1918 года движение уполномоченных обретает широкий размах. На волне этого успеха рождается идея Всероссийского съезда Собраний уполномоченных.

Меньшевики не имеют целью вытеснить большевиков из коридоров власти. Понимая ограниченность возможностей, они ставят более скромную задачу: «созвать свободно выбранную конференцию всех рабочих и всех партий, которые имеют приверженцев в рабочем классе... заставить большевиков прислушаться к голосу самого рабочего класса».

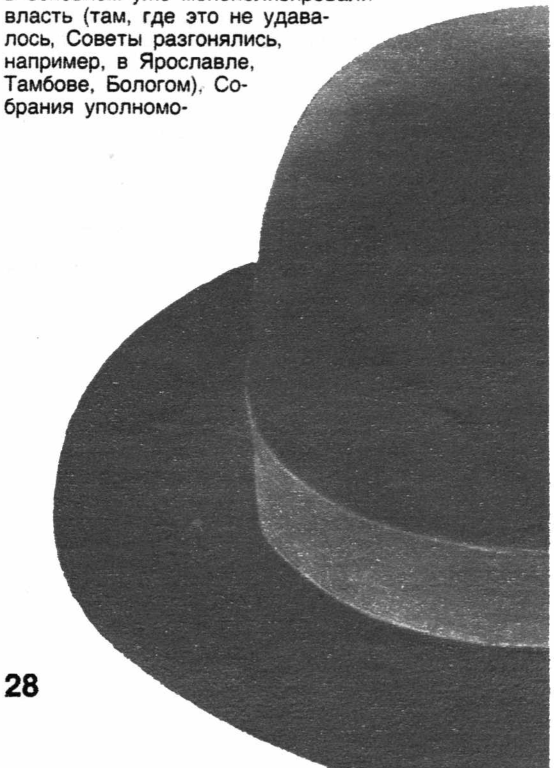
Первая Всероссийская конференция уполномоченных от фабрик и заводов назначается на 20 июня 1918 года. Отклик, который это движение получает в пролетарской массе, настораживает большевиков: они усматривают опасную для себя тенденцию меньшевизации России. В Москве и Петрограде в качестве превентивной меры против забастовок проводятся массовые аресты меньшевиков. В июне 1918 года меньшевистский ЦК подводит итоги разгрома партии:

«Почти везде закрыты наши газеты. Центральные наши органы в Петрограде и Москве («Новый луч» и «Время») закрыты... В провинции газеты сохранились в 5—6 более глухих углах. Закрытие газет вызвало тоже политические забастовки (Тула, Екатеринодар, Луганск). Попытки судить газеты вызвали бурные манифестации в Новониколаевске в Западной Сибири, в Харькове, Одессе... В Харькове процесс «Социал-демократа» не состоялся, потому что угрожающий вид собравшихся тысяч рабочих заставил судей разбежаться. После этих опытов решили больше не судить нас, а закрывать газеты административным порядком. Процессы, начатые против Мартова, Дана, Мартынова и других, так и остаются неразобранными... Мы ждем доведения террора до последних границ. В заседании ЦИК уже говорилось о необходимости взять Мартова, Дана и других «заложниками»...

«Институт» заложничества был естественным порождением политики «военного коммунизма». Брали в заложники крестьян, чтобы выгрести из деревни спрятанный хлеб, буржуазию и городскую интеллигенцию, чтобы стимулировать работы по расчистке железных дорог и заготовке дров. Но то были «классово чуждые элементы». Во время Кронштадтского восстания заложничество распространили на семьи тех, кто в 1917 году был передовым отрядом восставших: в Петрограде брали жен и детей кронштадтских матросов и офицеров. С конца 1920 года постановлением Совета Народных Комиссаров было разрешено брать в заложники недавних товарищей по борьбе с царизмом — русских социал-демократов. В. Короленко, с нескрываемым разочарованием наблюдавший плоды революции, за которую боролись поколения русских интеллигентов, писал Максиму Горькому: «История когда-нибудь отметит, что с искренними революционерами и социалистами большевистская революция расправлялась теми же методами, как и царский режим».

К концу 1920 года громы и молнии уже летят в адрес «его величества рабочего класса».

«Да разве это рабочие бастуют? Настоящих рабочих в Петербурге нет: они ушли на фронт, на продовольственную работу и т. д. А это все — сволочь, шкурники, лавочники, затесавшиеся во время войны на фабрики...» Такое «марксистское» объяснение перерождения рабочего класса давал один из членов Петроградского исполкома. Рабочие, переставшие быть сознательными, никак не хотят воспринимать бухаринского рассуждения

о том, что «принуждение во всех своих формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью, ... является методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи».

На «концентрированное насилие» большевиков, на бухаринскую формулу «в революции побеждает тот, кто другому череп проломит», рабочие и часть сохранивших независимость профсоюзов отвечают стачками. Совсем не случайно, что именно в этот период возникает знаменитая дискуссия о профсоюзах. Троцкий откровенно призывает превратить их в приводные ремни государства. Меньшевики отстаивают независимость профдвижения. Влияние меньшевиков и эсеров на заводах и фабриках начинает быстро расти. Когда в Москве на митинге в честь рабочей делегации из Англии выступил находившийся уже в подполье (за ним безуспешно охотилось ЧК) лидер эсеров Виктор Чернов, зал устроил ему бурную овацию.

Меньшевики тем не менее уже не рассчитывают на долю власти: политическая монополия большевиков к этому времени безраздельна. Но там, где предоставляется возможность сказать правду об отклонении революции от ее идеалов, они делают это, идут на риск, расплачиваясь арестами и тюрьмой. В декабре 1920 года на Восьмом съезде Советов меньшевики и эсеры имели последнюю возможность выступить свободно, и они требуют немедленной отмены продразверстки. В это же время с протестом против продолжения разрушительного эксперимента над Россией в резких тонах выступил М. Горький.

Потребовались реки крестьянской крови, яростный Кронштадтский мятеж, чтобы эксперимент приостановился. Увы, только на время.

В условиях острого кризиса власти и доверия большевики опасаются, что меньшевики, придерживавшиеся «лояльной оппозиции», возглавят движение протеста. Лишенные прессы, загнанные в подполье, преследуемые ВЧК, они продолжают сохранять влияние в рабочей среде. Перед октябрьским переворотом партия меньшевиков имела около 200 000 членов — лишь немногим меньше, чем большевики. Такая партия, имевшая к тому же и опыт подпольной работы, не могла исчезнуть бесследно. Личный престиж Мартова среди интеллигенции и части рабочих был весьма высок. Упрятать же больного туберкулезом, ослабшего здоровьем Мартова в Бутырку, как это делалось в отношении рядовых меньшевиков,— значило бы убить его, сделать из него мученика и символ сопротивления. Тогда-то и родилась идея выпроводить Ю. О. Мартова за границу.

ПОСЛЕДНИЙ ПОЕЗД НА ВАРШАВУ

В кругах старых большевиков долго бытовала своего рода легенда об отъезде Мартова.

Память об этой легенде «О добром Ленине и о его заблудшем друге» тлела в тайниках памяти до оттепели начала 60-х годов. И как только обстоятельства позволили, выплыла наружу в виде рассказа Э. Казакевича «Враги».

Я побывал у вдовы писателя, бережно хранящей воспоминания о судьбе этого рассказа. Вот что она мне поведала.

Рассказ «Враги» был последним произведением Эммануила Генриховича. Несмотря на хрущевскую оттепель, опубликовать его оказалось непросто. Переговоры с «Новым миром» не дали результатов. А. Твардовский от публикации уклонился.

Э. Казакевич был безмерно расстроен отказом. Подозревал, что обусловлено это недоверием к документальной основе повествования. В письме Твардовскому он писал:

«То, что описано в моем рассказе,— точно, вплоть до дома, где скрывался Мартов... Софью Марковну (героиню рассказа) на самом деле звали Софьей Самойловной Штерн-Михайловой. Она дожила до 50-х годов, была членом СП и умерла несколько лет назад. Имеются документы, подтверждающие точность рассказа Софьи Самойловны. Они, вероятно, в архиве КГБ и, м. б. в архиве ЦК... Рассказ точен до мельчайших подробностей. Старые большевики в общих чертах знают о нем. Он стал легендой, к сожалению не всенародной, т. к. за этот рассказ при Сталине не погладили бы по головке».

В рассказе описывалось, как Ленин, зная о предстоящих арестах меньшевиков, разыскивает старую меньшевичку «Софью Марковну», работающую в «Наркомсобезе», поручает ей разыскать Мартова и от своего имени передать предложение об отъезде за границу.

«...в пятницу в 11 часов вечера от первой платформы Александровского вокзала отходит последний,— заметьте, последний — пассажирский поезд на Минск и Варшаву... Если Юлий хочет, он может сесть в этот поезд в шестой вагон, место 15... Там в вагоне будут знать».

Озабоченный спасением старого друга, Ленин торопит: со дня на день ожидается начало войны с Польшей, сообщения будут прекращены и главное — «терпеть антисоветского подполья в условиях войны и разрухи мы не можем. Мы на это не пойдем».

И Софья Марковна, потрясенная гуманностью вождя, своей причастностью к божественному акту милосердия, спешит по грязной, одичавшей от голода и холода Москве вначале на Варварку в ВСНХ, где работает много меньшевиков, потом, разузнав у старого партийного товарища адрес, на Мясницкую, где на чердаке обшарпанного дома в каморке с гудящим примусом скрывается Ю. О. Мартов. Железная койка, желтое больничное одеяло, душная сырость неухоженного жилища.

— Ну? — спросил наконец Мартов.— От него?

— Да,— сказала Софья Мартовна.

— Пожалел... Нет, не пожалел,— возразил он себе.— Хочет остаться чистеньким. Не желает руки пачкать в моей крови...

Политический фольклор, как и народная молва, живет по своим законам. Реальность была иной, хотя в своем рассказе, опубликованном в возглавляемых Аджубеем «Известиях» в 1962 г., Казакевич уловил важное обстоятельство: без согласия Ленина Мартову едва ли бы удалось уехать за границу. Но Мартов не пожелал принимать «гостинец» от Ленина. Не в силу озлобленности или вражды (он был на редкость мягким и незлобивым человеком), а совсем по иной, политической причине.

Хотя при выборах в Учредительное собрание меньшевики потерпели крах (меньшевики получили 2,3% голосов, большевики — 24%, эсеры — 40%), они продолжали пользоваться большим влиянием в пролетарской среде и профсоюзах. Несмотря на давление властей и закрытие многих газет, на выборах в Советы весной 1918 года они провели 45 депутатов в Москве. 225 — в Харькове, 120 — в Екатеринославе, 78 — в Кременчуге, более 30 — в Киеве, Самаре, Брянске, Иркутске. В Костроме меньшевики получили большинство. Крупнейшая в Ярославле «Корзинхинская мануфактура», традиционно посылавшая в Совет большевиков, отдала социал-демократическому списку больше половины голосов.

Ярлык «врагов народа» в отношении меньшевиков был внедрен в популярное сознание позже. В первые годы после революции меньшевики воспринимались пролетарской массой как часть рабочего, социал-демократического движения. Было известно, что часть меньшевиков, в том числе Ю. О. Мартов, была за переговоры с большевиками и за участие в «однородном социалистическом правительстве». Отношения стали обостряться позже, когда большевики начали методически применять к бывшим собратьям по РСДРП методы политического насилия: закрывать газеты, разгонять собрания, захватывать типографии, арестовывать меньшевиков.

Но неприятие лидерами большевиков меньшевизма имело давние корни. Лидер эсеров Виктор Чернов, рассказывая о своих встречах с Лениным, вспоминает такой эпизод:

— Помню, раз до войны, дело было году, кажется, в 11-м — в Швейцарии. Толковали мы с ним в ресторанчике за кружкой пива — я ему и говорю: Владимир Ильич, да приди вы к власти, вы на следующий день меньшевиков вешать станете! А он поглядел на меня и говорит: «Первого меньшевика мы повесим после последнего эсера».— прищурился и засмеялся.

СУХАЯ ГИЛЬОТИНА

Вытеснение меньшевиков из советской политики продолжалось до начала 20-х годов, когда ряды российской социал-демократии были настолько ослаблены, что уже не представляли для власти никакой угрозы. Причем большевики использовали в отношении меньшевиков тактику «кнута и пряника». Закрывая меньшевистские газеты, разгоняя меньшевистские Советы, проводя аресты, большевики охотно предоставляли меньшевикам посты в промышленности и экономике. Много меньшевиков работало в аппарате ВСНХ, в министерствах, в издательствах, в академической сфере. Единственно, чего требовалось взамен,— это «не заниматься политикой». Большевики не чинили препятствий (разумеется, при достаточно солидных поручительствах) вступлению бывших меньшевиков и эсеров и в РКП(б). Всероссийская перепись членов РКП(б), проведенная в 1922 году, свидетельствует о том, что к партии большевиков к этому времени примкнуло более 22 тысяч членов поставленных вне закона других социал-демократических партий.

Использовалась и «мягкая» тактика взятия подписок: меньшевикам и эсерам предлагалось подписать письменное отречение от своих партий и партийной идеологии. Согласившихся временно оставляли в покое и некоторые «дотянули» до грандиозных чисток 30-х годов. Несогласные обрекали себя на тихую высылку в губернии. Главная цель такого рода «сухой гильотины» была очистить от меньшевиков крупнейшие промышленные центры и крупные губернские города. Нежелавших склонить голову дорога вела и к Бутыркам, и к бывшим царским централам. И нередко были случаи, когда меньшевики и эсеры попадали в те же самые камеры, в которых отбывали сроки по приговорам царского суда. Причем сроки определялись, как и все в то время, «приблизительно», с прикидом на мировую революцию. Видный чекист М. И. Лацис в популярном очерке о деятельности ЧК, вышедшем в государственном издательстве в 1920 году, писал о меньшевиках: «Мы их сажаем в укромное местечко, в Бутырки и заставляем отсиживаться, пока не кончится борьба труда с капиталом».

Такова была обстановка, побудившая Ю. О. Мартова к отъезду из Советской России. Влиять на большевиков в сторону «смягчения» он уже не имел возможности. Но обладая большим авторитетом в кругах европейской социал-демократии, он мог и, вероятно, рассчитывал предупредить европейский пролетариат о трагическом опыте «военного коммунизма». Большевики, естественно, опасались этого. В ЦК РКП(б) возникли разногласия: выдавать или не выдавать Мартову заграничный паспорт. В воспоминаниях известного меньшевика Р. Абрамовича этот эпизод описывается так:

«Как передавали нам некоторые из среды старых большевиков, обсуждение проблемы паспортов для меньшевиков вызвало в ЦК РКП разногласие. Многие члены ЦК настаивали, что Мартов со своими большими интернациональными связями может наделать Коминтерну много хлопот за границей. Но другие, в особенности Ленин, настаивали на том, что выгоднее Мартова выпустить за границу, чтобы отделаться от него в самой Москве. Некоторые видные большевики потом передавали, что в сущности большинство ЦК было против выдачи паспортов. Но позиция Ленина была истолкована так, что, жалея своего старого друга Мартова, которого он не переставал любить, он хочет дать ему возможность уйти от неизбежной тюрьмы и ссылки».

Ставшие ныне доступными материалы, в частности сборник воспоминаний видных меньшевистских деятелей, вышедший в США в 1988 году, дают возможность уточнить обстоятельства отъезда.

Мартов обратился с просьбой о выезде не к Ленину, ибо считал унизительным для себя, как для лидера рабочей партии, просить о милости, а написал открытое письмо ЦК РКП(б) и II конгрессу Коминтерна, который проходил в Москве с 19 июля по 17 августа 1920 г. В этой связи в Москве находилось большое число западноевропейских социалистов. Письмо таким образом получило широкую огласку. Проигнорировать обращение Ю. О. Мартова, широко известного в социал-демократической среде Европы, было невозможно. Паспорта были выданы, и в конце сентября 1920 года Ю. О. Мартов выехал из Москвы. А 12 октября он уже присутствовал на открытии съезда Независимой социал-демократической партии Германии в маленьком немецком городке Галле.

Большевики придавали большое значение этому съезду. Главой советской делегации был назначен Г. Зиновьев. Его вступительная речь длилась более четырех часов. Мартов должен был выступать третьим. Однако говорить он не смог. Болезнь, сильно запущенная в Москве, во время переезда по морю заметно обострилась. Горло хрипело. После нескольких слов приветствия он передал свой доклад А. Штейну, который его и зачитал.

Характерно то, что в докладе на съезде в Галле Мартов критиковал большевиков не столько с идейных позиций, ибо сам он до конца дней оставался теоретиком пролетарской революции, сколько с позиций нравственных и этических. Он ставил большевикам в вину подавление свободы партии и свободы независимой мысли. Теперь мы можем сказать, что в своей критике он был прав. Развитие подмеченных Мартовым отклонений от политической морали впоследствии привело к самым серьезным искажениям социалистической идеи в СССР, к длительному, затянувшемуся вплоть до начала перестройки кризису в отношениях между коммунистами и социал-демократами.

Но ни политических средств, ни физических сил для противодействия этой тенденции у Ю. О. Мартова уже не оставалось. Болезнь быстро прогрессировала. Последние его усилия были направлены на то, чтобы создать за границей печатный орган русской социал-демократии (с 1 февраля 1921 г. в Берлине начал выходить журнал «Социалистический вестник») и на то, чтобы защитить от насилия оставшихся в России товарищей.

СУМЕРКИ СВОБОДЫ

К сожалению, надежды на облегчение участи остававшихся в России социал-демократов, затеплившиеся с началом нэпа, не оправдались. Короткая весна демократии, проявившаяся во взрыве экономической и культурной жизни, не затронула политику.

12-я Всероссийская конференция РКП(б), собравшаяся в Москве в начале августа 1922 года, расставила последние точки над «i».

Надежды меньшевиков на то, что нэп откроет

возможность сотрудничества с большевиками в условиях плюрализма, оказались, как и в 1918 году, иллюзией.

«Начало новой экономической политики,— говорилось в резолюции конференции,— вызвало было у меньшевиков и эсеров надежду на капитуляцию РКП и установление «демократической» коалиционной власти. Но по мере того как все эти надежды оказывались иллюзорными, меньшевики и эсеры все больше впадали и впадают в авантюризм».

Социал-демократические партии, боровшиеся вместе с большевиками против самодержавия, теперь открыто и громогласно объявлялись антисоветскими и ставились вне закона. Резолюция конференции, в сущности, ориентировала партию на террор и к социал-демократам и к беспартийной интеллигенции.

«Вместе с тем нельзя отказаться и от применения репрессий не только по отношению к эсерам и меньшевикам, но и по отношению к политиканствующим верхушкам мнимо-беспартийной, буржуазно-демократической интеллигенции...»

В этой же резолюции политически неблагонадежными объявлялись и кооператоры, ибо проходивший летом 1921 года Всероссийский съезд сельскохозяйственной кооперации обнаружил явную склонность к меньшевистским лозунгам. Съезд был объявлен «орудием кулацкой контрреволюции». Не оправдались и ожидания, что преобразование ЧК в ГПУ и принятие Уголовного кодекса РСФСР положат конец внесудебным арестам и ссылкам. Репрессии продолжались. Число сосланных социалистов превышало 1,5 тысячи.

4 января 1922 года меньшевики, сидевшие в Бутырской тюрьме в Москве, объявили голодовку. На четвертый день к голодовке присоединились и все остальные политические заключенные тюрьмы. Сведения о голодовке просочились за границу. Социалистическая печать Франции, Германии, Швейцарии, Австрии забила тревогу. По Европе прокатилась волна рабочих собраний. Проходивший в Лейпциге съезд Независимой социал-демократической партии Германии единогласно принял резолюцию:

«...Осуждая и отвергая господство террора, как несовместимое с принципами социализма, съезд отмечает еще, что террористическая тактика большевистского правительства по отношению к инакомыслящим социалистам и пролетариям затрудняет в других странах борьбу пролетариата против классовой юстиции усиливающегося капитализма».

Протесты, вовлекшие широкие массы пролетариата, возымели действие. Меньшевики были освобождены. Часть из них выехала за границу, другие получили возможность поселиться в губернских городах по своему выбору. 11 февраля 1922 года Ю. О. Мартов встречал своих товарищей по партии на перроне берлинского вокзала.

В поспешной высылке видных меньшевиков (Ф. Дана, Б. Николаевского, Е. Грюнвальда, С. Шварца и др.) была и еще одна причина. В Москве в это же время готовился обширный политический процесс против социалистов-революционеров. Иметь на руках сразу два процесса было бы слишком убыточно для престижа за границей. Одним пришлось пожертвовать. «Милость» пала на меньшевиков. Вероятно, здесь в какой-то мере роль сыграла ленинская формула: «первого меньшевика мы повесим после последнего эсера».

Но Мартов и созданный им «Социалистический вестник» (просуществовал до 1965 г.) сыграли важную роль и в участи эсеров. Именно Мартову принадлежала идея обратиться за помощью к Горькому и Анатолю Франсу. Во многом благодаря их заступничеству смертная казнь, к которой были приговорены 12 членов ЦК партии эсеров, не была приведена в исполнение. Приговор поставили в зависимость от отказа партии от методов вооруженной борьбы.

Последние месяцы жизни Ю. О. Мартова были отягощены не только болезнью, но и тягостными раздумьями о судьбах социалистической идеи в России. Политически меньшевики потерпели крах. Тактика и лозунги большевиков в революции оказались более действенными. Но вызывали мрачные предчувствия последствия политической монополии в России.

Идеологически Мартов всегда был очень близок к Ленину. На это обращал внимание еще Г. В. Плеханов, говоривший о Мартове и Дане,— «это бессознательные полуленинцы, это печально, но это так». В разгроме демократии, который объективно стал результатом Октября, он таким образом не мог не чувствовать собственных мировоззренческих изъянов. На глазах умирающего Мартова сбывалось мрачное пророчество Троцкого, что диктатура пролетариата приведет в конечном счете к «диктатуре над пролетариатом». И даже самый драгоценный лозунг коммунистического манифеста — «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» — в результате отталкивания европейской социал-демократии все больше терял свою созидательную силу. Мировая солидарность трудящихся рушилась под догматическими глыбами Коминтерна.

При Сталине она окончательно превратилась в пропагандистский лозунг, в идеологическую ловушку для европейских коммунистов. Плоды этой политики Европа пожинает и поныне.

ИГРА В МАСКИ

Убийственная ирония Ленина в отношении «либералов», «революционеров» в белых перчатках» общеизвестна. Когда в 1921 году в Москве был разогнан Всероссийский комитет помощи голодающим — общественная организация, созданная непартийной общественностью России,— Владимир Ильич инструктировал: «Изо всех сил их высмеивать и травить не реже одного раза в неделю в течение двух месяцев». Многие статьи Ленина кишат гневливыми ярлыками и эпитетами. В небольшой брошюре «Пролетарская революция и ренегат Каутский» Ленин на нескольких страницах текста «потчует» видного марксиста, личного секретаря Ф. Энгельса и одного из лидеров европейской социал-демократии, такими характеристиками, как негодяй, щенок, мещанская сволочь, ренегат, лакей буржуазии, пошлый болтун.

Однако в отношении к Мартову Ленин проявлял известную сдержанность: сказывалась и давняя личная дружба и понимание того, что хороши ли, плохи ли меньшевики, но они изначально входили в «святое семейство» революционеров.

Безудержная травля меньшевиков началась уже после смерти Ленина. Формирование посмертного культа Ленина шло на фоне художественной лепки образа врага из меньшевиков. И на этом поприще хорошо потрудились и советская литература, и живопись, и кинематограф. Характерно то, что глумление над меньшевиками шло параллельно с шельмованием русского интеллигента. Неудивительно, что в восприятии обывателя облики интеллигента и меньшевика как бы слились воедино. Атрибуты этой карикатуры нам хорошо памятны до сих пор: козлиная бородка, пенсне, шляпа, картавый фальцет, худая шея — полная противоположность мускулистому, пышущему энергией и оптимизмом большевику.

Низкорослому, рябому, щупленькому Сталину, вероятно, доставляло невыразимое удовольствие видеть на экране фальшивую немощь своих идейных врагов. Может быть, сказывалась старая обида? Известный исследователь русской революции Борис Суварин в монографии «Сталин. Исторический обзор большевизма»* упоминает малоизвестный факт: большевики «подобрали» Сталина после того, как меньшевики исключили его из своих рядов за участие в «экспроприациях», которые они не без причины рассматривали как бандитизм.

При помощи Краткого курса ВКП(б) шло «вымывание» меньшевиков из истории, перечеркивалась их роль в пропаганде марксизма в России, в борьбе с царизмом, в подготовке Февральской революции, и особенно их лояльность в отношении большевиков после Октября. В «Истории КПСС», выпущенной в 1974 году четвертым изданием, на более чем 700 страницах не нашлось ни одного доброго слова в адрес тех, вместе с которыми в 1895 году Ленин создавал «Союз борьбы за освобождение рабочего класса».

Один из редких следов меньшевиков мне удалось обнаружить в Музее В. И. Ленина. В зале № 3 для обозрения приходящим в музей пионерам выставлена забавная карикатура П. Н. Лепешинского, сделанная по мотивам известного русского лубка «Как мыши кота хоронили». В. И. Ленин, изображенный в виде вальяжного, упитанного кота, гоняет по комнатам расшалившихся мышей — меньшевиков, выдергивая самым докучливым хвосты. Бедняга Плеханов (жалкий такой мышонок!) так перепугался, что вспрыгнул на окно за занавесочку. Бедный Георгий Валентинович! Вот бы посмотрел, восстав из гроба, на проказы своего ученика.

МЕЖДУ ТЕМ...

А между тем, когда без предвзятости начинаешь разыскивать следы меньшевиков в истории российской революции, наталкиваешься на открытия удивительные. Настолько удивительные, что восприятие, воспитанное на карикатурах «Краткого курса», в первом своем порыве хочет закричать: «Не верю! Не может быть!»

Такова, признаюсь, была первая моя реакция, когда я узнал, что восстание на легендарном «Потемкине» было организовано меньшевиками; что не менее легендарный лейтенант Петр Шмидт с восставшего крейсера «Очаков» был социалистом умеренного толка, а не большевиком; что руководитель штурма Зимнего дворца и один из организаторов Красной Армии Антонов-Овсеенко в РКП(б) вступил лишь в 1917 году, а до этого был меньшевиком; что наконец сами понятия «меньшевик» и «большевик», столь ревностно охраняемые историей КПСС, в пролетарской среде России были чисто условными. Во время революции 1905 года в социал-демократических организациях России меньшевики, например, были в большинстве.

В своей монографии о большевизме Б. Суварин пишет, что и сама идея создания Советов, как органа народного самоуправления, принадлежала меньшевикам: ее впервые изложил в «Искре» в июне и июле 1905 года меньшевик Ф. Дан. Во время октябрьской стачки 1905 г. в Петербурге эта идея была реализована. Председателем первого Совета в Петербурге стал меньшевик Зборовский. Во главе исполкома Петербургского Совета рабочих депутатов в 1905 г. стояли меньшевики Троцкий и Хрусталев-Носарь. Что касается большевиков, то они восприняли идею Советов крайне настороженно, углядев в них конку-

* Сразу же после выхода книги в 1935 году она была переведена для Сталина в единственном экземпляре.

ренцию партии. И только возвращение Ленина из эмиграции в ноябре 1905 года положило конец этому «недоразумению».

Не без удивления узнал я и о том, что сохранению раскола РСДРП на две фракции энергично способствовала и царская охранка. В циркулярном письме департамента полиции своим агентам, которые нередко занимали весьма высокое положение в партийной иерархии (вспомним дело Малиновского), предписывалось:

«...чтобы они, участвуя в разного рода партийных совещаниях, неуклонно и настойчиво проводили и убедительно отстаивали идею полной невозможности какого бы то ни было объединения большевиков с меньшевиками». «По трагической иронии истории,— пишет Борис Суварин,— Ленин придерживался аналогичного мнения».

И наконец при чтении воспоминаний поражает то единодушие, с которым все знавшие Ю. О. Мартова — в том числе и Ленин, Троцкий, Горький, Крупская — отзывались о его человеческих качествах, подчеркивая в особенности его мягкость, доброту, интеллигентность, чувствительность, неприятие насилия. Н. К. Крупская писала о том, что даже в период самых яростных фракционных споров Ленин сохранял высочайшее уважение к этому человеку. «Мартов был человеком чрезвычайной чувствительности, и благодаря тонкости своего восприятия понимал и развивал идеи Ленина с большим талантом»,— писала она. В апреле 1922 года, уже после отъезда Мартова из РСФСР, Л. Троцкий писал в своих «Политических силуэтах»:

«Мартов несомненно является одной из самых трагических фигур революционного движения. Даровитый писатель, изобретательный политик, проницательный ум. Прошедший марксистскую школу, Мартов войдет тем не менее в историю рабочей революции крупнейшим минусом. Его мысли не хватало мужества, его проницательности недоставало воли. Это погубило его. Лишенная волевой пружины мысль Мартова всю силу своего анализа направляла неизменно на то, чтобы теоретически обосновать линию наименьшего сопротивления. Вряд ли есть и вряд ли когда-нибудь будет другой социалистический политик, который с таким талантом эксплуатировал бы марксизм для оправданий уклонений от него и прямых измен ему...»

Интересная, хотя и не исчерпывающая характеристика Ю. Мартова. Прожитые страной 70 с лишним лет дают возможность взглянуть на многие «крупнейшие минусы» этого человека с иной точки зрения. Я думаю, далеко не случайно, что в последний год жизни, осмысливая противоречивые итоги Октября, и в особенности ту цену, которую пришлось заплатить за опыт построения коммунизма, В. И. Ленин с обостренным вниманием следил за судьбой изгнанного друга. Ведь многие предостережения Мартова оказались справедливыми — в частности, предвидение тех колоссальных бедствий, которые будут принесены народу, если буржуазно-демократическая революция, открывавшая для полуфеодальной России возможность быстрого экономического и политического развития в семье европейских государств, будет искусственно обращена в революцию социалистическую. 28 октября 1917 года, через два дня после большевистского переворота, ЦК РСДРП обратилось с воззванием к рабочим Петрограда:

«Революции нанесен тяжелый удар, и этот удар нанесен не в спину генералом Корниловым, а в грудь — Лениным и Троцким... Не дождавшись даже открытия съезда Советов Рабочих и Солдатских Депутатов, эта партия путем военного заговора втайне от других социалистических партий и революционных организаций, опираясь на силу штыков и пулеметов, произвела государственный переворот... Страна разорена трехлетней войной. Войска Вильгельма вторглись в ее пределы и грозят уже Петрограду... И над этой разоренной страной, в которой рабочий класс составляет еще незначительное меньшинство населения, в которой народ еще только что освободился от векового рабства самодержавия, над этой страной в такой критический момент большевики вздумали проделать свой безумный опыт захвата власти, якобы для социалистической революции...»

Вспоминал ли Ленин об этой столь непривычно звучащей для нас оценке Октября в тот день, когда узнал о смерти своего друга-врага?

ВРЕМЯ СОБИРАТЬ КАМНИ

Ю. О. Мартов умер 4 апреля 1923 года. На его кремации и похоронах присутствовал Максим Горький. Но Ленин узнал об этой смерти не сразу, хотя статья-некролог памяти Мартова была помещена в «Правде» на следующий день за подписью К. Радека. В это время Ленину по болезни было запрещено читать газеты. Исследователи полагают, что о кончине Юлия Осиповича Ленин узнал в конце октября, когда запрет на чтение был снят. 6 ноября Н. К. Крупская писала Инессе Арманд:

«...Читаем с В. ежедневно газетки, он с интересом следил за событиями в Германии, вычитал и вытянул из нас все, что от него скрывали,— убийство Воровского, смерть Мартова и пр.».

...До смерти самого Ленина оставалось меньше года.

Неординарна и трагична судьба двух этих людей. Они вместе начинали революционный путь и почти одновременно подошли к смертному порогу. И тот и другой пораженные тяжкой болезнью, и тот и другой с тяжелыми думами о судьбах революции.

В революционном движении они были подобны двум долям единого плода. Разделенные тонкой материей схоластических споров, они не смогли дать сильного и стойкого ростка советской демократии. Горьки плоды этого разлада и последовавших за ним сумерек свободы. Лишенная плюрализма российская демократия оказалась незащищенной от разбуженных революцией демонов тьмы. И обе половины, и большая и меньшая, вскоре были втоптаны в кровь сапогом безжалостной диктатуры.

В Музее В. И. Ленина в Москве под стеклянным колпаком хранится черная фетровая шляпа Ленина, которую он носил в эмиграции. В такой же шляпе ходил за границей и Ю. О. Мартов. Дело, разумеется, не в сходстве шляп, а в том, что и тот и другой ходили по одним и тем же партийным адресам, служили одному делу.

У нас в течение многих лет искусственно и агрессивно разводили меньшевиков и большевиков по разным углам русского дома, забывая о том, что в истории революционного движения они принадлежат к одному семейству. Не случайно, что вопрос об объединении двух фракций возникал снова и снова, особенно в моменты, когда нужны были решительные действия в защиту революции.

На баррикадах Москвы меньшевики и большевики вместе отстреливались от царских жандармов и казаков. В октябре 1905 года, незадолго перед возвращением в Россию, Ленин писал Плеханову: «А тактические разногласия наши революция сама сметает с поразительной быстротой...» В 1914 году в Государственной думе большевики и меньшевики вместе голосуют против военных кредитов. В 1917 году группы видных большевиков и меньшевиков выступают за создание однородного социалистического правительства.

Да и после Октябрьской революции изгнанные из России меньшевики, несмотря на все обиды, продолжали защищать идеалы революции в России, одновременно критикуя ее перерождение. После смерти Ленина «заграничная делегация РСДРП» (как называли себя меньшевики) была одним из самых последовательных критиков сталинизма и извращения социалистической идеи. «Суть сталинизма, как утверждали меньшевики, заключается в отказе от тех традиций, которые были заложены в социал-демократии» — об этом писал недавно в своей книге «Триумф и трагедия» Дм. Волкогонов. Известный лидер меньшевизма Ф. И. Дан в книге, написанной незадолго до смерти (умер в 1947 г.), высказал полную актуального значения мысль: большевизм не начинается и не кончается на Сталине — социализм достоин свободы, и он принесет ее людям.

И нет ничего удивительного, ни парадоксального в том, что, как только ожившая советская демократия начала сдирать с себя синюшные татуировки сталинизма, в стране с поразительной быстротой возродился интерес к исходным идеям социализма и социал-демократии.

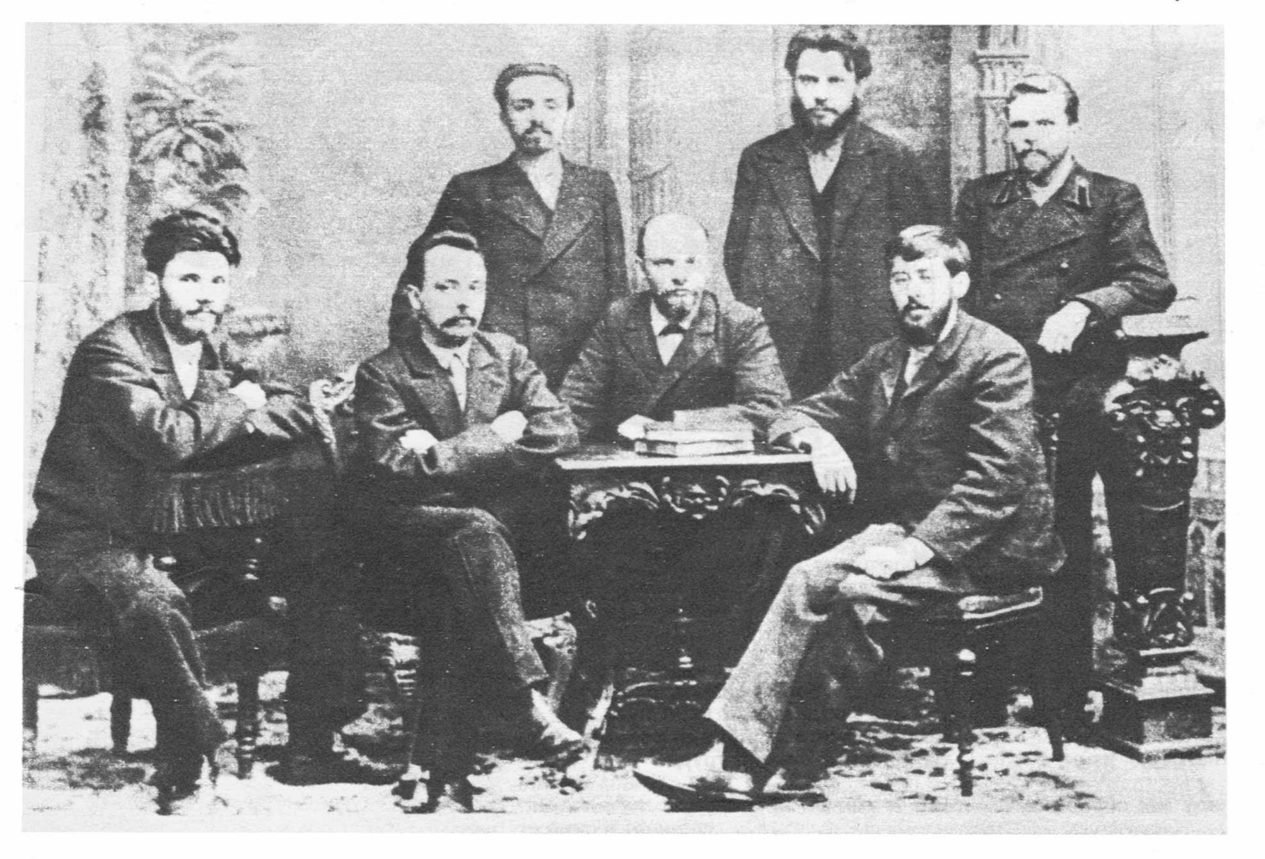
В идеях этих заложен огромный потенциал. Они «обкатаны» в целом ряде стран Северной Европы, Скандинавии, во Франции и Австрии. Тот уровень социальной, правовой и экономической защищенности, который обеспечивают социал-демократы в странах, где они стоят у власти или разделяют политическую ответственность с другими партиями, со всей очевидностью свидетельствует о том, что их концепции и рецепты оказались не столь уж плохи, как это казалось максималистам начала XX века.

Вопрос о том, кто в длительной перспективе оказался или окажется правым в споре о путях русской революции, представляет, разумеется, большой исторический интерес. Но с точки зрения задач строительства демократии в СССР и «общеевропейского дома» важнее вспоминать не о разногласиях и ошибках «мягких» и «жестких» искровцев, меньшевиков и большевиков, а искать общие с европейской социал-демократией пути в XXI век.

Раскол российской социал-демократии нанес неисчислимый вред интересам трудящихся. Фактически весь XX век прошел под знаком этой беды. Горбачев протянул руку европейским социал-демократам, и эта рука ощутила тепло встречного движения. Основание в Москве филиала «Фонда Эберта», визиты председателя Социнтерна Вилли Брандта и, наконец, создание, а точнее сказать восстановление в ряде республик СССР социал-демократических партий — лишь начало важного и устремленного в XXI столетие политического процесса. Его отзвуки послышались мне и в статье М. С. Горбачева «Социалистическая идея и революционная перестройка», и на недавнем пленуме МГК КПСС, когда Ю. А. Прокофьев ориентировал московских коммунистов на «сотрудничество с группами социал-демократической ориентации».

Историческая память России вызывает из насильственного забвения многие события, идеи, лица. И я думаю, что в «мемориале» русской демократии достойное место должен занять и непременно займет революционер с незапятнанной совестью и руками, социал-демократ самой чистой пробы — Юлий Осипович Мартов.

На снимке справа от В. И. Ленина Ю. О. Мартов

МЫ ПАРОДИРУЕМ

Александр ИВАНОВ

ВЛОЖЕНИЕ

Я до тебя не понимала,
Какой недюжинный запас
Тепла, душевного накала
Вложил завод когда-то в нас.
Елена АНДРЕЕВА

Я мало в жизни понимала,
Тепло надежд в душе храня.
В меня родной завод немало
Вложил накала и огня.

Но в жизни счастье я искала,
Вдоль по течению гребя...
Еще какого-то накала
Мне не хватало без тебя.

Клянусь, что без объятий милых
Мне не прожить теперь и дня.
Да весь завод вложить не в силах
Того, что ты вложил в меня!

ВЫХОД ИЗ ПОЛОЖЕНИЯ

Еврей, прости антисемита.
Прости несчастного, еврей.
Его душа черна, испита,
тоской и завистью размыта...
Прости его и пожалей.

Еврей, прости антисемита —
он иногда бывает прав.
Вадим КОВДА

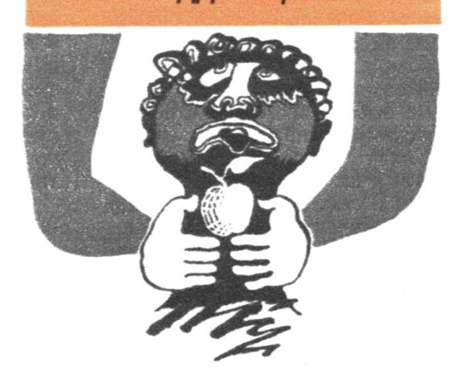
Я не еврей, к антисемитам
себя никак не отношу.
Но к их претензиям открытым,
к их странным доводам сердитым
я снисхождения прошу.

Ведь если некто пьян и грязен,
и горе мыкает весь век,
чей труд тяжел и безобразен,
по результатам — несуразен,
то это — русский человек.

А если некто весь сияет,
удачу встретив у дверей,
на Черном море отдыхает,
«Диором» весь благоухает,
то непременно он еврей!

Дабы решить вопрос скорее,
а он, увы, пока открыт,
всех надо записать в евреи,
друг к другу станут все добрее,
и кто тогда — антисемит?!.

НЕПОДДАЮЩИЕСЯ

Тот мне поддавался, кого я
любила...
Кого я хотела — из воска лепила:
Хотела Отелло,
Хотела Шекспира...
Кого я хотела, того я любила.

Вот только не знала,
Что был он двуликим...
Маргарита НОГТЕВА

Себе я сама подбирала кумира.
Однажды, представьте, слепила
Шекспира!
Он не поддавался, но я-то упряма.
И вот наконец
Покорила Вильяма.

Вот как-то в постель погрузила
я тело,
И вдруг мой Шекспир
Превратился в Отелло!

Глазищи сверкают, и рожа небрита.
И крикнул:
— Молилась ли на ночь ты, Рита?

Конечно, проблему я тут же решила,
Ревнивого мавра в момент
придушила.
Впредь надо солидней искать
человека,
Слеплю я, пожалуй, Бальзака
(Гобсека)...

Труд без помех

Наливная, как яблоко осенью,
Грудь была и нежна, и туга.
А на том берегу сенокосили,
До потемок метали стога.
Нам едва ли они помешали бы —
Да и что нам могло помешать.
Анатолий ГРЕБНЕВ

Вот и кончились увеселения,
Над страной прозвучали гудки,
На работу пошло население,
Мы с тобою — на берег реки.

Торопливо одежду мы сбросили,
Вся была ты,
как тот ананас...
А на том берегу сенокосили,
Злые взгляды метали на нас.

Небеса улыбались нам просинью,
Облака продолжали свой путь...
Колыхалась, как яблоки осенью,
Наливная и спелая грудь.

Вот и кончен наш труд
специфический,
Я вздохнул и достал папирос...
Государственный, демографический
Мы решали с тобою вопрос.

Михаил УСПЕНСКИЙ

К ДЕДУШКЕ

Широко раскинулась сибирская тайга как в одну, так и в другую сторону. В тайге проживали разные виды флоры и фауны. Некоторые из них были покрыты ценными породами мехов. За такими как раз и охотились охотники. Одного охотника звали Прокопий Почогир. Прокопию было за тридцать. Родители его погибли во время таежного пожара, вырастили Прокопия совсем посторонние люди. От этого, видно, вырос Прокопий нелюдимым, из тайги выходил редко, только сдать шкурки и набрать патроны и съестные припасы. Не завел ни жены, ни детей, все силы отдавал промыслу.

Как-то раз прилетел в поселок вертолет. Кроме пилотов, там сидел черненький и кучерявый человек, назвался Борей. У него под дубленкой была надета яркая футболочка с веселым личиком, картой какой-то страны и надписью: «Я уже здесь. А ты?» Этот Боря заявился к председателю промысла и показал ему очень красивую бумагу, с печатями на веревочках. В бумаге было что-то написано по-ненашему, а по-русски: «Правительство Израиля, постоянно заботящееся о воссоединении семей...» и так далее. Председатель удивился и сказал, что тут живут только эвенки, русские, а также представители смешанных браков и никаких таких потенциальных граждан государства Израиль тут нет. На что курчавый Боря возразил: один-таки есть. Когда председатель простодушно поинтересовался, кто же это гадюка такая, услышал в ответ имя Прокопия Почогира. Оказалось, отец его, Василий, был сыном ссыльного поселенца Абрама Моносзона и эвенкийской девушки. Этот дедушка Абрам был тогда мелкий бундовец, а теперь, почти в столетнем возрасте, считается одним из крупнейших теоретиков сионизма и живет в Израиле. И вот, чувствуя, что вековой рубеж ему не перевалить, решил он перед смертью поглядеть на далекого внука. Председателю не хотелось терять лучшего охотника, и он сказал, что Прокопий раньше весны из тайги не выйдет. Но черненький Боря возразил, что без Прокопия не вернется, а у председателя будут очень сильные неприятности, тесно связанные со сбытом пушнины. Такой наглый был этот Боря.

В международном положении Прокопий был несилен, авторитет стариков уважал, поэтому стал собираться в дорогу. Начал готовить подарок деду: новую ижевку, мешок табаку, две бутылки спирту. Но Боря сказал, что это никакие не подарки, нужно везти дедушке меха. А поскольку много мехов везти не разрешают, велел Прокопию сшить себе из шкурок национальную одежду и в ней ехать. Кроме того, Боря велел взять все деньги — и те, что набиты были в старые унтайки, и те, что в тазике.

Народные умелицы быстро сшили Прокопию одежду из песцов и соболей, и они с Борей покинули поселок. В краевом центре Боря купил Прокопию золотые часы, перстень, помог вставить золотые зубы вместо настоящих.

Оказалось, что этот самый Израиль находится чуть ли не в Африке. В песцах и соболях было очень жарко. Хорошо, что люди, встречавшие Прокопия в аэропорту, меха с него сняли, выдали вместо них белые штаны и рубашку. А так как Боря с остатками денег перед самым отлетом потерялся, пришлось Прокопию довериться встречавшим.

Оказалось, дедушка-сионист уже помер, Прокопий поспел только на поминки. Многие из гостей умели говорить по-русски, а по-эвенкийски ну ни один. Особенно Прокопию понравилось, как что-то говорил по-своему одноглазый военный начальник — наверно, хвалил деда. Прокопию стало скучно, он начал прихлебывать из рюмочек. К нему подошел какой-то душевный негр и через переводчика втолковал, что он тоже внук покойного, а значит, родня Прокопию. Такой родни за вечер набралось много. Прокопий пообещал, что он со всей родней честно поделится, как велит закон тайги.

Недельки через две новая родня пустила Прокопия по миру. Даже золотые зубы пришлось ему вынуть и продать. Особенно много денег уходило на виски. Оно было не крепкое, а дорогое. Прокопий стал ко всем приставать, чтобы его отправили домой, в поселок. Он выскочил из дома, побежал по городу искать советских людей и не нашел ни одного. А нашел он таких людей, которые отметелили его от всей души. А когда вернулся в особняк деда пожаловаться душевному негру, тот его и на порог не пустил.

Больше Прокопия в городе Тель-Авиве никто не видел. Но в израильской армии ходят слухи, что у палестинцев объявился какой-то исключительный снайпер: выходит на дело только в холодные ночи и попадает точно в глаз...

1983
Красноярск

«МЫ ГОВОРИМ»

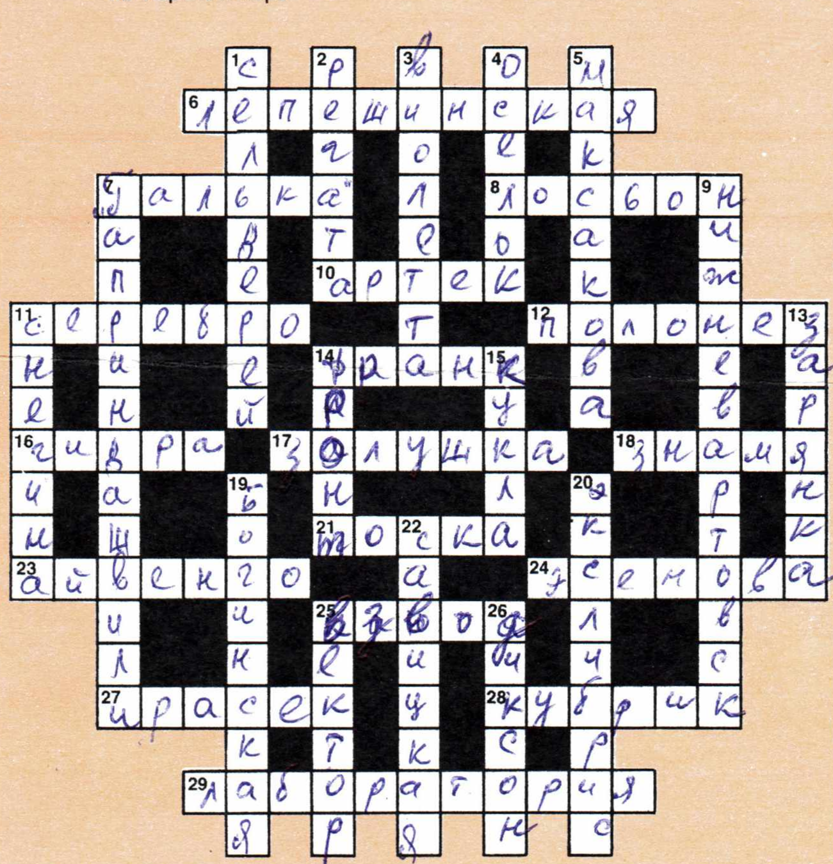
Виктор ШЕНДЕРОВИЧ

- *Не всякий, кто сорвался с цепи, обрел свободу.*
- *Головы летели, славя руководителя полетов...*
- *Истинный интернационализм: чтобы погибнуть во время погрома, теперь не обязательно быть евреем.*
- *Объявление: «Меняю 1/6 часть суши на другую».*
- *Сколько предрассудков искоренили, а рассудка все нет и нет.*
- *Не бейте его! Гроссмейстер — это не фамилия!*
- *Парикмахерский кооператив «Завитой социализм».*
- *Фирменное блюдо: полпорции свободы.*
- *Если борьба с масонами окончится победой, победителей будет некому лечить.*

Материалы подготовил Игорь ДВИНСКИЙ. Рисовал Виктор КОВАЛЬ

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 6. Балерина, народная артистка СССР, выступавшая в Большом театре. 7. Опера С. Монюшко. 8. Косметическое средство. 10. Всесоюзный пионерский лагерь в Крыму. 11. Химический элемент, благородный металл. 12. Бальный танец-шествие. 14. Денежная единица некоторых стран. 16. Южное созвездие. 17. Балет С. С. Прокофьева. 18. Стяг, символ государства. 21. Опера Д. Пуччини. 23. Роман В. Скотта. 24. Поэтесса, народный писатель Туркмении. 25. Воинское подразделение. 27. Чешский писатель. 28. Жилое помещение для команды на корабле. 29. Учреждение, занимающееся научными и техническими опытами, исследованиями.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Овощное растение. 2. Спортивное состязание на гребных, парусных или моторных судах. 3. Действующее лицо в опере Д. Верди «Травиата». 4. Точильный брусок. 5. Певица, народная артистка СССР, выступавшая в Большом театре. 7. Экс-чемпионка мира по шахматам. 9. Город в Ханты-Мансийском автономном округе. 11. Героиня поэмы С. А. Есенина. 13. Певчая птица семейства дроздовых. 14. Передняя сторона строя. 15. Роман Б. Пруса. 19. Советская спортсменка, абсолютная чемпионка Европы и мира по гимнастике. 20. Книжный знак. 22. Летчик-космонавт СССР, дважды Герой Советского Союза. 25. Отрезок определенной длины и направления. 26. Порт на Карском море.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 9

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Порик. 6. Регламент. 11. Парфенов. 12. Тухманов. 16. Ополе. 17. Таиланд. 18. Уголь. 19. Уста. 20. Поло. 23. Звено. 24. Боженко. 25. Сосна. 26. Пистолет. 28. Традиция. 29. Ассамблея. 30. Сабля.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 2. Орлов. 3. Измит. 4. «Беднота». 5. Иноходь. 7. Разоружение. 8. Эффектность. 9. Матусовский. 10. Соколовский. 13. «Подлиза». 14. Блантер. 15. Вьетнам. 21. Обелиск. 22. Токарев. 27. Трава. 28. Тобол.

40 коп. Индекс 70663